

10
1968

У Р А Л Ь С К И Й
Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

10
1968

ГОД ИЗДАНИЯ
ОДИННАДЦАТЫЙ

ВОЛОДЯ СОЛНЫШКО

«...Осталась о нем светлая память.»

*Ага-радикта, ныне начальник
отделения связи в Панаевске на
Ямале, Агния Васильевна Рыбьякова.*

Катер приближался к мысу.

— Сорок семь, сорок восемь, сорок девять...— пересчитывал юноша сгрудившихся на берегу собак.

Серые, черные, дымчатые, белые, рыжеватые — каких только мастей не было тут. Пожилые и матерые расселись по самому гребню мыса. Внешне невозмутимые, они сторожко, вполовину мудрого, нарочито дремотного глаза следили за приближающимся катером. А сеголетошный и потому приглуповатый еще молодняк резво и бестолково носился по песчаной подошве мыса.

— Собачни-то, собачни-то у вас! — удивленно протянул юноша.

— Это только три цясти, — кивнул на берег кудрявый молодцеватый ненец Яунгат Алико. — Три цясти только. Другие за олешками в тундре бегают. Шибко пузатые в чумах спят. Гудок будет — тозе они тут как тут будут.

Яунгат посвистел вытлевшей до донышка трубкой и, сверкнув черными лезвийками глаз, спросил юношу:

— Ты тозе косомолец?

— Комсомолец, — взглянув на спутника, ответил тот.

— Тозе кобыляков в бане мыть будешь?

— Каких кобыляков? — у юноши рот приоткрылся от удивления.

— Всяка разна... Я — кобыляк, — выговаривалось у Яунгата «копыляк». — Тялька Поронгуй — кобыляк, Кузьма Кондыгин... Много кобыляков!

— Но почему кобыляков? — продолжал недоумевать юноша.

— А я и сам не знаю, — пожал плечами Яунгат. — Косомолка нас так называла.

Катер скрежетнул днищем о прибрежный песок. Мыс Вануйто. Это за Полярным кругом, на правом берегу Оби, почти при ее владении в Обскую губу.

Дали причальный гудок. Затеялась обычная суматоха с выгрузкой. Юноша не спешил.

«Здравствуйте, собачки! Здравствуй, дедушка Север! — думал он тревожно и радостно. — Здравствуй, седой, неведомый, дикий! Я прибыл...»

Юноша ступал на новую землю, принимал первую в жизни должность. С завтрашнего дня он, выпускник Тобольского медицинского техникума, будет заведовать местным фельдшерским пунктом.

Все мы немножко землепроходцы, в каждом из нас живет Колумб. Кого в юности не манили, не призывали непознанные земли, новые края? На полях экзаменационных конспектов с добросовестно вычерченным аккуратненьким аппендиксом соседствует полярная сова. Под перечнем

Завтра идем в атаку

Мне впервые довелось увидеть его на «веранде». Так называлась небольшая деревянная площадка, выстроенная на дровяном складе фабриканта Гарелина в Ивановне. Днем обычно здесь играли дети, а по вечерам собиралась молодежь.

В один из летних вечеров и появился тут юноша лет шестнадцати. Железнодорожная форма ладно сидела на его подтянутой плотной фигуре. Из-под фуражки выбивались белокурые волосы. Глаза смотрели прямо и весело.

— Вася!.. Василий Кузнецов пришел! — Парни и девушки плотным кольцом окружили молодого железнодорожника.

— Кто этот Кузнецов? — спросил я.

— Свой, рабочий парень, — ответили мне. — Обстановку знает! На любой вопрос ответит так, что все сразу станет просто и понятно. А как выступать начнет — заслушаешься.

Позднее я узнал, что Василий Кузнецов вырос в трудовой семье. Окончил начальную школу, пошел работать в депо учеником слесаря. Много читал, увлекался общественной деятельностью.

В 1917 году Василию было пятнадцать лет. Его приняли в члены партии большевиков. Партийная организация железнодорожников поручила ему создать первый союз молодежи в городе.

У Василия родилась смелая мечта — объединить всю молодежь Иваново-Вознесенска в одну мощную организацию. Он ездил на фабрики и заводы, выступал перед рабочими.

противоцинготных витаминов искрит глазом-смородиной снежная куропатка. Что ни страничка — олень, человек в малице... Грезил этой землей юноша, ждал с ней встречи — сегодня дождался.

Последним спускается он по трапу и оставляет на прибрежном песке свой первый след.

Ему восемнадцатый год. Он комсомолец. Его звали Володей Солда-товым.

Сейчас его зовут Володей Солнышко.

Шаг, второй, третий...

Остальные ведут в легенду.

Динамиту нужен детонатор. Сердцу — слово о подвиге...

Впервые я услышал о Володе Солнышко в Заполярной районной больнице. Мои соседи по палате оказались заросший черной щетиной геолог-топограф Александр Грицевич и восьмидесятирехлетний ненец Яков Иванович Хатанзеев. Приметный ненец. Высокий, стройный, с белой, что обской бурун, шевелюрой. Правая рука Якова Ивановича с перебинтованной ладонью висит на марлевой перевязи. Из-под бинта выглядывают кончики пальцев.

— Что у тебя с рукой, дедко? — спрашивает Якова Ивановича топограф. В палату нас только что свели, и мы не успели еще познакомиться.

Легонько пошевелив пальцами, Яков Иванович, как бы сам удивляясь случившемуся, словоохотливо поясняет:

— Понимаешь?.. Моя бабушка мяса не терпит. Давай, Яков, рыпа. Ой, скорей давай, Яков, рыпа! Я ходили на лодке, сетки бросали. Муксун поймали, пыжьян поймали, щекур поймали. Домой иду, в чум. А шибка сильна настрецю ветер случился. Веслом я много работала... Вот здесь, — указывает Яков Иванович на мозольную подушечку против безымянного пальца, — вот здесь, на ладошке, небольшой пупырка образовался. Кровь немного случился. Я тряпочкой завязывали — еще два раза сетки бросали. А потом рука по сама локоть толстой, толстой, толстой сделался... Не знаю, какой грек получился...

А «получился» флегмона ладони. Гноеродная инфекция. На самолете доставили Якова Ивановича в Аксарковскую районную больницу.

— Кирурк худое мясо резали, — указывает он топографу под бинт, — хорошее тозе немного резали. Теперь ладный рука, — Яков Иванович демонстративно шевелит пальцами.

— Вот! — задательно говорит топограф. — Вот, дед! Благодарю медицину! Не хирург — ходить бы тебе за рыбой для своей бабушки с одним веслом. Отгнила бы рука напрочь.

— Да, да! — соглашается Яков Иванович. — Медицина — хоросый люди. Ты слышал такой мальчик-лекарь Володя Солныско?

— Нет, не слышал. А что за Володя?

— Знаес, котора насекома вошь зовут? Ну, така маленька, серенька... Ноги ишо много. Люди кусает. Эта вошь заразу по тундре таскали. Уми-рали люди. А Володя лечил. Много люди лечил. Потом его тоже вошь укусили. Умер Володя потом.

— Где это было? — подаю я голос со своей кровати.

— В тундре было, — оборачивается ко мне Яков Иванович.

— Тундра велика. В каком месте? Районе?

— Тундра место. Тундра район.

— А вы знали этого Володю? Видели?

— Нет. Люди рассказали.

— Какие люди? Кто?

— Наша люди. Наша ненцы.

— А Солнышко... Это его фамилия?

— Фамилия другой. А Солныско — ненцы его так называли.

Тундра, тундра... Олень ли на кудрявых рогах сказания по тебе разносит, куропатка ли на белых упругих крыльях — кто скажет, кто разгадает? Но только далеко слышит чуткая тундра, пристально смотрит окрест себя, долго помнит, суровая, немногословная, о добром и отважном человеке.

«Спрошу про Володю у Чайки», — загадываю я себе, усаживаясь в бударку.

Чайка Негочи — рыбак Аксарковского рыбзавода. Местная знаменитость: в июле «распечатал» второй годовой план. Вербованные сезонники, дивуясь на богатые Чайкины уловы, со вздохом заключают:

— Не иначе — «куриное слово» знает! С нами же плавал, такие же сети выметывал, а вот, пожалуйста...

Насчет «куриного слова» здесь явная натяжка.

— Я и курицу-то сроду живую не видел, — смеется Чайка.

Выброшен последний «курень» — небольшой бочонок, поддерживающий сеть на плаву. Можно закурить, поговорить. Сети будут идти по течению около двух часов.

- Чайка! Ты что-нибудь слышал о Володе Солнышко?
- Солнышко? Это который лекарь был?
- Да, да. Медик.
- Это которому порох на могилу сыпали?
- Зачем... порох?
- Не знаю. Так надо, однако.

Снова тот же рой вопросов, что и Якову Ивановичу. И снова те же ответы: «В тундре было... Люди говорили... Наша, ненцы».

В блокноте добавляется всего четыре слова: «На могилу сыпали порох».

Чайка доставил меня на моторной своей бударке в рыбацкий поселок Пуйко. В Аксарковской больнице мне посоветовали разыскать там заслуженного врача республики Эриха Владимировича Линде. Он старый северянин и, возможно, знал Володю.

Увы, напрасно я торопил Чайку. Эриха Владимировича в Пуйко не оказалось. Живы еще серые олешки, возившие его по снегам и торосам, набирают румянца исцеленные им узкоглазые ненецкие ребятишки, а Эриха Владимировича невзгоды, годы и непогоды вынудили уйти на покой. По слухам, поселился он где-то под Ленинградом. Где?

Ни одной строчки в блокнот не добавилось в Пуйко. Что ж... Поплывем дальше.

У речников и рыбаков своя география. Кроме собственно Оби, они назовут и укажут вам Обь Юганскую, Обь Надымскую, Хаманельскую... Сейчас мы плывем по Сухой Оби. Ширь ее не окинешь взглядом, глубину же измеришь удилицем. Потому и Сухая.

Рулевой Толя, веселый обской морячок, правит катер по вешкам, расставленным вдоль фарватера. На нем фуражка с «крабом», тельняшка с закатанными выше локтей рукавами. За кормой, как обычно, волна, над головой — птица халей. Толя поет песенку:

Пахнет палуба клевером —
Хорошо, как в лесу,
И бумажка наклеена
У тебя на носу...

О чем-то носе парень соскучился. Катер идет в Кутопьюганск.

В тесном кубрике начальник Кутопьюганского рыбоучастка Леонид Рейнгардтович Соколовский доводит до обских вкусовых кондиций сегодняшнюю уху. И вот она выносится на палубу. На ветерок.

Пользуясь почти стопроцентной обеденной явкой, задаю северянам вопрос:

— Что это за обычай... или обряд такой у ненцев — порох на могилы сыпать?

Переглянулись. Недоуменно запожимали плечами.

— Кто это вам «наживил» насчет пороха?

Пересказываю слышанное. Уже в середине рассказа у Соколовского замирает ложка:

— Погодите, погодите! Медик?! Володя? Рассказывали мне... Видите в-о-о-от тот мыс? — указывает он влево по корме. — Часа полтора, как мы его прошли. Мыс Вануйто. Там было, там умер. У нас в Кутопьюганске есть народ — лично этого Володю знали. Хоронили лично... Давай скорость! — кричит начальник рыбоучастка рулевому Толе.

«...Голубоглазый. Волосы русые. Нос немножко на взъём. Улыбнется — совсем мальчишка...»

Дегтярова Вера Васильевна, домохозяйка, проживает в Кутопьюганске.

«Здравствуйте, собачки! Здравствуй, дедушка Север!..»

Поселок назван по мысу — тоже Вануйто. Несколько деревянных строений, в которых разместились правление колхоза, склады, магазин, медпункт, радиоузел, баня. Это центр. На удалении, через километр-полтора,

В октябре 1918 года в Москве состоялся I Всероссийский съезд молодежи, где было принято историческое решение об образовании Российского коммунистического союза молодежи. Шестого апреля 1919 года комсомольцы Иванова собрались на общегородскую конференцию. Делегаты единодушно избрали председателем горкома РКСМ Василия Кузнецова.

Говорят, что человек счастлив, если сбывается его заветная мечта. Именно таким чувствовал себя Кузнецов 15 июня 1919 года, когда приступил к работе первый губернский съезд комсомола. Участники съезда по достоинству оценили комсомольского вожака: он стал председателем первого Иваново-Вознесенского губернского комитета РКСМ.

Обстановка в стране была напряженной. Белогвардейцы и иностранные интервенты стремились задуть молодую Советскую Республику в тисках голода и блокады. В октябре 1919 года в Москве проходил

Вася Кузнецов

II Всероссийский съезд РКСМ. В числе его делегатов был и Василий Кузнецов.

Кажется, я и сейчас слышу голос Кузнецова, обращенный к комсомольцам Иванова.

— Враг приближается к Москве. Он уже у Тулы. Транспорт и хозяйство разрушены. Внутренние враги саботажничают, спекулируют на трудностях. Но мы уверены, что Красная Армия сумеет отстоять завоевания Октября. Наш долг помочь Красной Армии разгромить и уничтожить врага.

В резолюции собрания юноши и девушки записали: «Отправить на фронт тридцать процентов городской комсомольской организации».

Началась формирование отрядов.

Безлюдно и тихо стало в губкоме РКСМ. Решил уйти на фронт и Кузнецов. Как его ни удерживали, ни уговаривали, Василий был непреклонен.

— Что же я агитирую, призываю, а сам сижу в тылу? Где же сила личного примера? Ведь я здоров и молод. Ну, кто со мной готов бороться? — шутил он.

Сохранился снимок: отряд отправляется на фронт. Василий Кузнецов расправляет красное знамя, врученное добровольцам рабочими города. Потом незабываемая встреча ивановцев с Ильичем в Москве, в Колонном зале.

Сохранились скудные строчки из писем Василия оставшимся губкомовцам. «Бьем белых... завтра идем снова в атаку».

Молодая Советская Республика победила, но не вернулась домой семнадцатилетний вождь ивановской комсомолки Василий Кузнецов.

А. МЕДНИКОВ

струятся жиденькие голубоватые дымки ненецких чумов. Два чума, три, а то и вовсе один — на отшибе. Не терпит северный человек тесноты.

Живут здесь рыбаки, оленеводы, охотники, причем любой член колхоза, в зависимости от сезона и решения правления, одинаково искусен в каждой из этих профессий...

В штате у Володи — он сам да молоденькая девушка, санитарка Галя Халилова. Сверх штата — одноглазый кот Ерофеич. Рядом с медпунктом, через стену, радиоузел. В нем работает Ага. В поселке ее зовут Ага-радикта. Она держит связь с ближайшими отсюда мирами — рыбозаводом Пуйко, райцентром Яр-Сале. У Аги есть гитара. Сюда, по укоренившейся издавна привычке, собирается вечерами поселковая молодежь. Парни, девчата. В последнее время заглядывают они и в медпункт.

Русские зовут Володю медиком, ненцы — лекарем. По вечерам здесь много смеха, звенит гитара, под нее — песни. Не совсем обычная обстановка для радиоузла и медпункта, но — уж простите... Заполярье. Короткие дни и длинные вечера, а клуба нет.

«Самостоятельная обширная фельдшерская практика», задуманная Володей еще в техникуме, пока не состоялась. Обследовал население на паршу, на трахому, вскрыл один нарыв на пальце да ханту Кузьме Кондыгину несколько раз натер спиртом застуженную руку.

— Зачем товар портишь? — принялся к оголенному предплечью Кузьма. — Лучше в рот.

— В кожу лучше, Кузьма. Больше пользы, — старательно натирал ему руку Володя.

В двадцати километрах от Вануйто — поселение Ватанги, в тридцати пяти — Махтаска. Они тоже входят в Володин «околоток».

Река здесь замерзает рано. Лед в затишке у берегов схватывается первыми молодыми морозцами и стоит, ровненький, гладенький, до блеска, до отсверка чист — при солнышке в него глядеться можно.

Прочными ремешками из хребтовой оленьей кожи припутывает Володя коньки к валенкам. Санитарную сумку, чтоб на бегу не болталась, перехватывает поясом.

— Запряг бы собачек! С ветерком прокатят! — хрипло кричит с угорья председатель колхоза Иван Титыч Корепанов.

Конькобежец отмахивается.

— Или оленей! — стоит на своем председатель. — Зимником по порошке через час в Ватангах будешь!

Но зачем олени, зачем собаки?.. Так пронзительно звонок, певуч и раздолен красавец лед! Упругий раскат да стремительное, похожее на полет скольжение рождают в ушах разбойные встречные посвисты. Горят, обжигаются щеки, пощипывает молодой морозец ободки ноздрей, ресницы спаял куржачок...

— Да свидания, Иван Титыч! — кричит Володя в ответ.

Первым в Вануйто слег Яунгат Алико — тот самый кудрявый и молодцеватый ненец, что знакомил Володю с вануйговскими псами.

Был Яунгат кем-то вроде колхозного экспедитора. Часто выезжал на рыбозавод, в район, в соседние поселения, подвозил в колхоз керосин, рыболовные снасти, ружейные припасы. Доставлял он в поселок и всевозможные новости, сдобренные изрядной толикой собственных домыслов, расцвеченные недюжинным Яунгатовским юмором.

— Рыба, однако, нынче будет — уполномоченный густо пошел, — докладывал он председателю.

Или про недоростка-осетренка. Отпустили его рыбаки в свое царство, осетринный царь и спрашивает: «Ну, как там, на том свете? О чем говорят?» — «План, план, план, план, — залопотал осетренок. — Все про план говорят»...

В отличие от прочих сородичей жил Яунгат не в чуме, а в «русском» доме, что, однако, не мешало ему спать на тех же оленьих шкурах, обдавать на полу, а баню почитать за «косомольскую» прихоть-причуду.

Помнит Яунгат, как еще до войны мыла его первый раз в бане, нарядившись в белый халат, «косомолка» Антилисеевна¹. Три раза Яунгату голову намыливала, ногтями в волосах царапалась. Один глаз у Яунгата заплакал. Не терпит баню. Потом Антилисеевна щеткой Яунгата «траила». Ай, щекотно было! Думал, совсем тонкая кожа делается. Думал, ребра наружу выглянут. Прямо в коротеньких русских штанах убежать хотел. Комсомолка сердилась шибко.

— Сиди, кобыляк такой! — кричала.

— Кожей дышать будешь, — уговаривала.

— Хе-хе! Кожей дышать? Нада такой ирунда придумать!

1 — Антонина Алексеевна Койгородова.

В чистое новое белье заставила одеться. Долго сидел в теплом предбаннике Яунгат. Какой-то легкий совсем сделался — силу, однако, потерял. Антилисеевна вымыла еще одного «копыляка», еще одного, — Яунгат продолжал сидеть.

— Чего домой не идешь? — спросила комсомолка.

— А ты деньги мне будешь платить?

Ай!!! Совсем глупый Яунгат был! Ду-у-урной даже... Думал, если давался мыться, то должна ему «косомолка» деньги за это платить. Совсем дикий человек был!

До войны часто приглашали Яунгата в баню, постоянно приглашали. Думали, привыкнет Яунгат. Думали, полюбит Яунгат баню. А что? Хорошо! Волосы после бани мягкие делаются. Кудрявые-кудрявые совсем. Голова легкая, веселая. Может, и привык бы Яунгат, и полюбил бы... В войну, однако, не до бани сделалось, некогда стало. Много рыбы в войну ловил Яунгат: «Ерса фасысту в глотку!» После войны — «Тозе, как можно, побольше». Просило государство рыбы у Яунгата. Антилисеевна учиться уехала, лекаря в медпункте не было — никто не заставлял Яунгата ходить в баню.

Теперь Володя приехал.

Видел недавно Яунгат: рубит Володя зубилом железные бочки из-под керосина, расправляет деревянным молотком железные листы. Жарилку возле бани строить хочет!

— Все ваши шкуры, — нэнцам говорит, — горячим воздухом жарить буду. Всех насекомых уничтожу! Помогать, Яунгат, мне будешь.

... — Как теперь помогаю? — сотрясаясь в ознобе, пытается улыбнуться Яунгат склонившемуся над ним Володе.

— Не перемерзал? В воду не попал? — спрашивает Володя.

— Цей без рукавиц пил, — пробует отшутиться Яунгат.

— Что у тебя болит?

— Голова шибка сильна болит. Ноги, мягка места, болит.

— Здесь? — легонько сдвинул ему икры Володя.

— Стесь, — сморщился Яунгат.

«Температура 39°. Грипп? Малярия? Пневмония?» — пытался поставить диагноз Володя. И растерялся. Признаки болезни в равной степени соответствовали тому, другому и третьему.

Избрал грипп.

На третий день затемпературила жена Яунгата. Через неделю слегли дети.

Несмотря на строгий Володин запрет, в «русский» дом Яунгата тайком набирались сородичи. Курили. Недоуменно цокали языками. Тихо переговаривались. Возле дома, на случай, если появится «лекарь» или санитарка Галя, постоянно «дежурил» дозорный. По тревоге быстро разбежались.

Не знали, не ведали, что через неделю-другую сами вот так же будут мучаться от жара и боли, и даже умирать под оленьими шкурами.

Болезнь наступала внезапно. Удачливый и добычливый Василий Езынги вчера еще сдавал пушнину, ворочал у магазина мешки с мукой, пил «винка», смеялся, сердился, плясал, хвастал, а сегодня вдруг...

Володя связался по радио с Пуйко. Из поселка сообщили, что подобная вспышка не только в Вануйто, болеют и в других поселениях. Диагноз — грипп.

Побывав в Ватангах, Володя и там обнаружил неблагоприятные чумы. Болезнь перекочевывала от соседа к соседу и от поселка к поселку, хоть отстояли эти поселки иногда друг от друга на день, на два оленьей езды.

Некоторые больные, казалось бы, выздоравливали. Казалось бы...

— Как чувствуешь себя, Яунгат?

— Луце цюстую.

На его загорелом, цвета темной меди, лице искрились бисеринки пота. Бисеринки росли, тяжелели, холодными ручейками стекали со лба и груди.

Температура пониженная. «Кризис», — отметил Володя. И действительно, через несколько дней Яунгат начал уверять «лекаря» в полном своем выздоровлении. На неделе он даже осмотрел ловушки, принес песка, а через восемь, по точному счету дней, снова метался в жару и ознобе, стискивал ладонями голову, плакал, стонал.

Навестила поселок и первая смерть.

«А если это не грипп? — все чаще ознобляла Володю недобрая догадка. — А если не грипп?»

Над чумами, над стойбищами напряглась зловещая тишина. Люди ходили пришибленными, растерянными, напуганными. Иногда тишина взрывалась. Это голосили по умершим. Выли угрюмые, обычно молчаливые полярные псы.

Обычная биография

В 1942 году в одном из боев с фашистами на Новгородской земле пал смертью храбрыхсомолец Саша Шаров. Прошел месяц, и к бойцам Северо-Западного фронта приехала делегация трудящихся Южного Урала. Секретарю обкома ВЛКСМ Зое Ишмаевой батальонный комиссар Носачев вручил комсомольский билет Саши, обгаренный кровью.

В те грозные дни эта маленькая книжечка с силуэтом Владимира Ильича Ленина вдохновляла челябинскую молодежь на трудовые подвиги. Зоя Ишмаева выступала перед фронтовыми бригадами, рассказывала о поездке на фронт, и комсомольцы работали по 2—3 смены, не выходя из цехов. О своих успехах челябинцы рапортовали воинам Северо-Западного фронта:

«...Мы знаем, что победа над врагом куется не только на линии огня, не

«...Сердечко-то молодое. Не закрепло еще, не загрубело. Всякая боль внове, всякое страдание пронзает...»

Огрызкова Анфиса Маркеловна, домохозяйка, проживает в Кутюльганске.

Пурга... Кажется, весь белый свет заполонила, бешеная. Загуляла, закружила, заметелила...

«Интересно, где сейчас спасаются совы? Куропатки ушли под снег. Залегли в распадках зайцы с песцами. Волк тоже, наверное, лежит... а где затаились совы?»

Потрескивает фитильком семилинейная лампа, угрелся у плиты Ерофеич... «А где затаились совы?»

— Шизик! — шлепнул себя по лбу Володя.— Гляжу в книгу, вижу... Совы! Так тебе в «Справочнике терапевта» об этом и написано!

Снова шелестят страницы, глаза и мозг препарируют строки. Теперь не для семестровой оценки — экзаменует жизнь.

Вошла Ага. Подложила в плиту дров.

— Чай-то, поди-ка, выкипел? — прихватила она фартучком тяжелую крышку медного чайника.— Конечно, выкипел!

Нарочито шумно, явно досадуя, гремела она посудой, попутно легонько оскорбила кота Ерофеича.

— Володя, я еще раз разогрела.

Это об ужине. В последнее время есть приходится на ходу, на бегу. Случается, целыми днями ничего не ест.

— Спасибо, Ага.

Девушка заглядывает в «Справочник терапевта» и видит разрисованные совами поля. Сова в полете, сова в засаде, сова терзает куропатку.

— Чего это тебя совы вдохновили? — как можно беспечнее спрашивает Ага.

— Я про болезнь думаю...— растирает виски Володя.— Нагрнула, как та вчерашняя сова... Видеть пришлось: камнем на куропатку и в пух... Кузьма ее подстрелил. Загадочные какие-то глаза...

Ага понимающе кивает. Она на пять лет старше Володи, и ей почти по-матерински жаль его. Измучился. Осунулся. От бессонницы покраснели глаза. Каждая новая смерть ошеломляет его, лишает сил. И не куропатка в когтях у совы видится ей сейчас, а он, Володя, беспомощный, растерянный, надломленный. Это над ним распростерла сегодня недобрые крылья птица с загадочными глазами.

«...Как я в нем ошиблась тогда,— напишет позднее Ага.— Он никогда не был слепой покорной жертвой. Он был борцом. Борцом, до того самого часа...»

Ага не уходит, и Володя наспех проглатывает куски оленины, жадно выпивает чай.

— Спасибо, Ага. Иди отдыхай. Я еще почитаю.

Читать он пока помедлит. Ему надо — да, надо! — до горька доньшка вымерить, осознать всю жестокую ответственность, которую беспечно, по-мальчишески самонадеянно взвалил он на себя, согласившись поехать на Север.

Без опыта, без практики — на край земли... Пусть бы другой. Знающий, уверенный! Где-то возможны дерзкие, фантастические операции на сердце, а здесь примитивный анализ крови—проблема...

Простреливает фитильком семилинейная лампа, взбесившаяся пурга тяжело вздыхает и воет. В этом нескончаемом завывании, в неистовой сумятице снегов, в непроглядной беззвездной жестокой темени цепенеют, рыдают и стонут чумы.

Слышишь, зовут?

— Володя, лечи!

— Володя, пасай!

Среди маленького стойкого народа, сумевшего не только выжить в этом беспощадном, гнетущем краю, но по-сильно, талантливо и деловито обжить его, среди искусных рыбаков, непревзойденных охотников, мудрых следо-

пытов и рачителей оленьих стад сегодня ты, фельдшер Солдатов, самый умный и сильный, самый мудрый, умелый и... и всемогущий. Они считают тебя всемогущим. Сколькo веры, надежды, мольбы видишь ты в горячечных их глазах!

Жена Василия Езынги сует тебе в руки связку песцовых шкурок: «Волотя, пасай».

Ребятишки Николая Адера бегут за тобою от чума к чуму: «Волотя, пасай».

К чертям эту птицу с загадочными глазами! Мистерии разводить!.. Ты не барышня — фельдшер. Говорят: врач умирает столько раз, сколько раз умирают его больные. Так вот, не можешь если, если бессилён, значит, стискивай зубы и умирай с каждым, с каждым, с каждым... Но ни на шаг от этих людей, ни на миг!

Ноткой выше берет пурга. Тревожно скрипят половицы в медпункте. «А болезнь эта, конечно, не грипп. Больных лихорадит повторно. Желтеют глаза. Кожа... На теле сыпь... Не грипп? Что же тогда?»

Всю ночь шелестят страницы справочника. А утром Ага, по Володиной просьбе, вызывает главного врача Пуйковской больницы.

— Здравствуйте, Эрих Владимирович!

Торопливо налистав нужную страницу, Володя перечисляет симптомы:

— Характерный «молочный» или «меловой» язык, желтушное окрашивание кожи, увеличение селезенки, внезапная температура и критическое ее падение... Прием, прием...

— Вас понял,— отвечает Эрих Владимирович.— Грипп и инфекционную желтуху исключить. Из Тюмени получены данные лабораторных исследований. Вы правы. Возвратный тиф... Опасно... Свиристует спирохета Обермейера. Всем лихорадящим — инъекции новарсенола. Присылайте за медикаментами. Уничтожайте вшей.

Значит, тиф. Значит, не только он ошибся...

Спустя шестнадцать лет Эрих Владимирович напишет Володиным родственникам:

«...Случаи заболевания возвратным тифом в нашем округе были зарегистрированы до этого 40 лет тому назад, поэтому вначале этот диагноз вызывал сомнение...»

Теперь сомнений больше нет. На «большой земле» спешно комплектуются медицинские отряды. В их распоряжение выделяются спецавиация, медикаменты, оборудование. Им даются особые полномочия. Во всех медицинских инстанциях от Пуйко до Москвы в повестке дня тревожное слово — тиф. Скоро будет помощь, а пока...

День и ночь прожаривает в обшитой бочковым железом клетушке меховую одежду и прочие шкуры санитарка Галя Халилова. Жарилка построена еще до эпидемии, но какого труда и напора стоило заставить поначалу хотя бы одну семью прожарить одежду и шкуры.

— Нелься. Малица потом теплый не будет. Шерсть потом падает.

Сейчас у жарилки скорбная, испуганная, послушная очередь.

Чуть забрезжит рассвет — да еще и не забрезжит,— забирает Володя колхозный фонарь «летучая мышь», одевает санитарную сумку и отправляется в свой бесконечный обход. Застанет ли всех живыми?

Василий Езынги совсем плох. Кроме повторной тифозной лихорадки, он еще и простужен. Бредит. Володя снимает в полутемном чуме полушубок, остается в халате. Греет над огнем оковеневшие руки. Больной открывает глаза, видит белый халат и, взметнувшись из-под шкур, протягивая к Володе исхудавшие руки, задыхаясь, кричит:

— Хаерако!.. Хаерако в чуме!¹

Крик переходит в бормотание, в шепот, Василий падает. В бреду ли он выкричал эти последние в жизни слова, в последней ли отчаянной надежде, что отогреет «лекарь» Володя цепенеющее его, Василия Езынги, сердце. Кто скажет?

Не отогрел...

Володя взялся за полушубок, но одеть его не удалось. Вцепившиеся в полы ребятишки не отпускали:

— Волотя, лечи!

— Волотя, пасай!

«Кого спасать, глупые ребятишки?»

У Володи жалко подергивается лицо, дрожат руки — нелегко умирать с каждым.

¹ Хаерако (ненецкое) — солнышко.

только там, где гремят орудия, но и там, где эти орудия производятся... В нашей великой и священной борьбе с гитлеризмом фронт и тыл едины.

Фронтовики отвечали:

«Наши комсомольцы сражаются с врагом на самых ответственных и опасных участках. Там, где нужны нечеловеческие лишения и трудности, там, где нужно для победы над врагом самопожертвование — там впереди выступают комсомольцы...»

В 1963 году Зоя Ивановна Ишмаева передала комсомольский билет № 0090479 в музей пионерской и комсомольской славы Челябинского Дворца пионеров. О Саше было известно только то, что он погиб в январе 1942 года на Северо-Западном фронте. Билет выдан ему Ростовкинским райкомом комсомола Москвы.

Следопыты стали разыскивать родных и друзей героя, боевых товарищей. Они обратились в редакцию «Московского комсомольца». Сотрудники газеты передали письмо красным следопытам 276-й школы Дзержинского района столицы (бывший Ростовкинский). Прошел год поисков, огорчений, разочарований, волнений, и, наконец, долгожданное известие от москвичей: ребята прислали адрес родителей Саши Шарова. Челябинцы сразу же переслали письма с фотокопиями комсомольского билета Саши его родным и следопытам 276-й школы.

Первая весточка пришла от Петра Ивановича Шарова. «Биография моего сына без каких-либо особенностей, как и у многих наших детей», — писал отец героя.

Сейчас в экспозиции музея рядом с комсомольским билетом № 0090479 — тридцать писем-воспоминаний о Саше, несколько фотографий различных лет.

Вырос Саша в рабочей семье. Петр Иванович — кузнец, Евдокия Максимовна — швея. Оба сейчас на пенсии. Родился Саша в 1919 году, учился в школе, потом в ФЗУ, получил специальность токаря, немного работал на одном из московских заводов. Перед уходом в армию на токарном станке Саша выточил металлический бочонок, на котором сам выгравировал пять имен своих друзей. Все пятеро были из одного дома, все комсомольцы, вместе ушли защищать Родину и не вернулись.

Бочонок на хранение в наш музей прислали родители Саши. От них мы узнали место его гибели, написали учащимся Русской восьмилетней школы Новгородского района Новгородской области. Пионеры отыскали могилу бойца Шарова, теперь следят за ней. Ребята прислали рисунки, на которых они изобразили места, где сражался и погиб Александр Шаров.

Но нам пока мало что известно о фронтовой жизни бойца. Может быть, откликнутся его фронтовые товарищи?

С полушубком под мышкой он выскакивает на улицу, заглатывает горстку снега.

Не знает, что умирающий Езынги вкричал и вшептал его имя в легенду.

Ранним февральским утром Володя постучал в стенку радиоузла.

— Ты, Володя? — откликнулась Ага.

— Я. Зайди на минутку!

Вошла. В руках у Володи поблескивал шприц. Рукав нижней рубашки закатан на левой руке почти до предплечья. На внутреннем сгибе две красные припухшие точки проколов.

— Не могу в вену попасть, — смущенно улыбнулся он Аге. — Попробуй, введи мне вот эту жидкость.

Девушка испуганно глянула ему в лицо:

— Ты заболел, Володя?

— Не заболел, но... знаешь... На всякий случай.

Он протянул радистке шприц.

— Нет, нет! — отпрянула Ага. — Я не сумею... боюсь... Может, Галя сумеет?

Дождались Галя, но и она не посмела.

— А если с Пуйко связаться? — предложила встревоженная Ага.

— До Пуйко семьдесят километров, — сердито оборвал ее Володя. — Там тоже больные...

Немедля поправился:

— Настоящие больные.

Начал готовить сумку к очередному обходу.

— Трусихи вы! — бросил он девчонкам с порога.

А на другое утро подглядела Галя: мерял Володя себе температуру. Не ответил на «здравствуй», воровато стряхнул ртуть.

Галя сказала об этом Аге.

Девушка поразилась перемене, происшедшей за эти сутки в Володе. Он постарел. Выявились морщинки. Лицо заострилось, огрубело. Блестят глаза. Багровым заревом полыхает на щеках обычно легонький, «тонкокожий» румянец. На расстоянии слышно учащенное дыхание.

— Володя, ты заболел, — решительно произнесла Ага. — Ты заболел!

Посмотришь-ка, какой румянец...

— Я выпил спирту, — солгал Володя.

— А зачем тогда градусник ставил? Я ведь видела! — не убоялась «начальства» Галя.

— Градусник? Для профилактики... Вдруг что...

— Не вдруг, а уже заболел.

Ага сдернула с кровати легонькое байковое одеяло, вплотную подступила к Володе.

— Никуда ты сегодня не пойдешь! Ложись! Я сейчас свяжусь с Пуйко.

— От-станьте вы!! — мгновенно озлился Володя. — Там люди умирают, а они, — шепеляво и в нос, — «сапалел, сапалел». А хоть бы и заболел? Кожу проколоть боитесь...

Не договорив, он сердито натянул полушубок, перекинул через плечо санитарную сумку.

...Яунгат, жилистый, кудрявый, веселый Яунгат вторично одолевал болезнь, снова выкарабкивался из ее цепких беспощадных лапич.

Ласкает Яунгат горячую Володину руку:

— Езынги солныском тебя называли.

— Умер Езынги.

Так он ходил от чума к чуму еще восемь дней, пока не наступил этот вечер, поздний северный вечер. Обычно к десяти Володя возвращался в медпункт. Встревоженные Галя и Ага несколько раз выскакивали на улицу, кричали, прислушивались. Никого. Только сполохи в небе, только тихо метет поземка, лениво ползут по затвердевшему насту искристые снежные змейки.

— Пойдем, поищем, — предложила Ага.

Володя снова упал, и снова бессилие и краткий покой завладели телом. В сознании трепетали обрывки чьих-то фраз, озарялись и гасли лица, нескончаемо насвистывал продырявленной медной крышкой медпунктовский чайник.

Собаки по шажочку подступали к распластавшемуся, замершему на снегу человеку. В поселке давно уже не ловят рыбу. Псы отощали, одичали и озверели от голода — только вековая, изначальная власть человека не позволяла им пока переступить смутную, зыбкую границу дозволенного,

Приподнявшись на локтях, Володя оглядел преследователей. В десятках алчных глаз отражались небесные сполохи.

«Стоит одному осмелиться — и они меня разорвут»...

Псы молчали. Молчали грозно, зловеще, терпеливо.

Это те самые, нарочито-дремотные, невозмутимые, мудрые, что, величественно рассевшись по гребню мыса, встречали погожим осенним днем твой катер. Те самые, приглуповатые сеголетки, что восторженно носились по берегу, в радостном нетерпении лезли в воду.

Голод оглушил мудрых и умудрил приглуповатых.

«Стоит одному кинуться, и...»

— Пошли вон! Пошли! — приподнимаясь, размахивая фонарем, двинулся на них Володя.

Медленно отступили.

Шел, падал, полз...

В трех прыжках от него шла, приседала, ползла молчаливая зеленоглазая стая.

Выстрелов, которыми разгоняли собак, он уже не слышал.

В Вануйто ждали Эриха Владимировича Линде. Услышав по рации, что Володя без сознания, главврач Пуйковской больницы решил выехать сам. И вот мчат, мчат по обским торосам серые олешки...

Рассвело. Володя открыл глаза, осмотрелся. Это почему же он в медпункте, почему не в чумах? И чему улыбаются девчата?.. Крутенько заторопился встать, но горячая зыбь, подступившая вначале к сердцу, а секундой позднее захлестнувшая мозг, вновь безвольно распростерла его тело вдоль койки. Отдышался. С трудом стянув рукава рубашки к предплечьям, долго и внимательно рассматривал свои исхудавшие руки.

Девушки уже не улыбались. С вытянутыми сторожкими лицами наблюдали они за Володей.

— Посмотри, Ага,— тихо попросил Володя.— Посмотри, я пожелтел? Глаза желтые?

В разрезе воротника рубашки просвечивал лимонный треугольник груди. Глаза? Да! Глаза действительно были желтые.

— Нет, Володя. Все нормально. Глаза — как всегда...

Путая больных с выздоровевшими, переверивая имена и фамилии, Володя начал диктовать Гале и Аге латынь.

Девушки недоуменно переглядывались.

Сердился.

— Чему вас три года учили? Там люди умирают, а вы Akva distilata написать не можете!

Снова забытые.

Мчат, мчат по обским торосам серые олешки...

Прибирая столик, девушки нашли начатое, на полстранички, письмо. Оно было датировано январем 1948 года и больше месяца лежало неоконченным.

«В чем ты ходишь, мама? — спрашивал Володя.— Держите ли по-прежнему корову? Как живет наш «глава семейства» Сашка?¹ Я купил себе костюм и полушубок. Месяца через два рассчитаюсь с долгами, смогу вам помочь...»

В чем ты ходишь, мама?

Мчат, мчат по обским торосам серые олешки...

Из письма заслуженного врача республики Эриха Владимировича Линде Володиным родственникам [через шестнадцать лет]:

«...Владимира мы застали в крайне тяжелом состоянии, без сознания... Несмотря на все принятые нами меры, Владимир умер... Разобраться в диагностике сразу было трудно. После исследования крови в области была обнаружена спирохета Обермейера. Таким образом, можно считать, что Владимир погиб от возвратного тифа, осложнившегося тяжело протекавшим желчным тифоидом».

Опоздали вы, опоздали, серые олешки...

Из письма Леонтия Ивановича Рыбьякова, надсмотрщика радиоузла в Панаевске, мужа Аги-радистки:

«...Когда Володя умер, Эрих Владимирович сказал окружившим медпункт людям: «Смотреть Володю мертвого не стоит. Запомните его живым, каким он был».

¹ Младший из Солдатовых.

В селе Нерубайском, что в нескольких километрах от Одессы, создается музей партизанской славы. Здесь в катакомбах, в годы Отечественной войны героически сражался партизанский отряд под командованием отважного разведчика Героя Советского Союза капитана В. А. Молодцова-Бадаева.

Экспонаты музея — многочисленные находки следопытов клуба «Поиск» при Одесском горкомкомсомола. Тут и оружие, и личные вещи воинов, и документы, и фотографии.

Залы музея расположены прямо в забоях катакомб. Кроме того, у входа в них областной совет по туризму решил построить специальное здание. Ведь поиски одесской молодежи продолжают. Отряды проникают все глубже в подземелье, шаг за шагом изучают подземные ходы, лабиринты и каждый раз приносят новые материалы для музея.

Так же, как более четверти века назад, сидят у костра партизаны. И вместе с ними комсомольцы Минского медицинского института, члены клуба «Искатель». Это один из походов, который они провели по местам боевой славы.

К 50-летию ВЛКСМ следопыты создали альбом по истории комсомольской организации института: разыскали имена и адреса ветеранов, собрали документы, фотографии, вели поиски в архивах.

В комитете ВЛКСМ института хранится комсомольский билет сту-

И люди запомнили.

Плачет Вера Васильевна — мать рулевого Анатолия Дегтярева. Трехлетним заболел ее Толя двухсторонним воспалением легких. Может, и не водить бы сегодня ему катер, если бы не просиживал долгими зимними ночами над жарким разметанным тельцем, если бы не сторожил прерывистое ребячье дыхание юноша в белом халате.

— Волосы его погубили,— утирает слезы Вера Васильевна.— Длинные их носил. Выслушивает трубкой больных, а чуб их груди касается. И к одежде...

— Не успел ниц-то-зять насекомку,— вздыхает по-прежнему еще молодцеватый, не растерявший кудрей Яунгат Алико.

В контору рыбоучастка входит ненец Александр Петрович Пандо. Он участник Великой Отечественной войны. От Вязьмы дошел до Брестлау. На фронте освоил подрывное дело. Тиф его обошел. Это он в Вануйто с немногими здоровыми мужчинами почти двое суток бил Володе могилу.

— Проживает ли кто сейчас на мысе Вануйто? — обращаюсь я к присутствующим.

— Ни души! — отвечает Соколовский.— Реорганизация. Все съехали.

— А далеко отсюда до Вануйто?

— Водой километров шестьдесят. Может, чуть побольше...

— Могила на бугре, в мелколесье,— добавляет Александр Петрович.— Только без провожатых вам ее все равно не найти.

Идет путина. Сегодня как раз благодатный рыбацкий денек случился. Обская губа тихая, умиротворенная. Знаю, что рыбоучасток поторапливают с планом. С некоторой неловкостью обращаюсь к Леониду Рейнгарттовичу Соколовскому:

— Нельзя ли мне каким-нибудь способом попасть на мыс? И чтоб кто-нибудь указал могилу?..

К моему удивлению, все неожиданно быстро решается.

— Я иду на Пуйко,— подает голос рулевой Толя Дегтярев.— Могу причалить. Только могилы не знаю.

— Возьмешь нас с Яунгатом на буксир,— предлагает Александр Пандо,— мы укажем. А против мыса можно сети выбросить. Разведку сделаем,— поясняет он Соколовскому.

— Тогда я тоже плыву,— решает Соколовский.

Яунгат Алико сажает в бударку своего напарника Тяльку Поронгуя и, сверх штата, двенадцатилетнего сынишку Колю. Александр Пандо тоже берет сына.

Часа три ходу — и причаливаем к мысу Вануйто. Взираемся на крутояр и с первых же полянок, окруженных тундровым мелколесьем, ступаем в дразнящую, соблазнительную россыпь ягод.

Идем след в след за Александром Пандо. Напрямик, мелколесьем, без дорожек и тропок, ведет он нас к Володиной могиле. На гребне увала, круто спускающегося к озерам Хасрю и Хаммойсо, стоит тоненький столбик по грудь высотой. Вверху он запилен и стесан. Торчат два ржавых гвоздя.

— Звездочку ими приколавывал,— трогает рыжеватые шляпки Александр Пандо.— Как солдата похоронили. Ветры да бури все посорвали... Двадцать, считай, лет...

Снимаем фуражки, береты, зюйдвестки. Глядя на старших, сдергивают свои кепчонки и мальчуганы.

— Трастуй, Володя! — дрогнули губы у Яунгата.

Строгим стало лицо рулевого Толи. Притихли мальчишки.

— Двое суток мы эту могилу били,— рассказывает Александр Пандо.— Долбишь ломом, а земля не откалывается и не крошится, только чутку вминается. Как свинец. Сантиметров через шестьдесят и вовсе вечная мерзлота пошла. Кострами оттаивали... А потом собрал я со всего поселка порох и начал ее взрывать. Наверху сверлом гнезд, набью их порохом, порохowymi же дорожками соединю, спичку подсуну да бежать. Только тоже мало результату. Если бы толовые шашки... Все припасы в поселке извел...

Только сейчас для меня обретают смысл четыре загадочных слова, занесенные в блокнот в бударке Чайки Негочи: «На могилу сыпали порох».

С катера мы захватили только топор. Даже случайного гвоздя ни у кого в кармане не оказалось. Подрубаю чистенький ствол березки, окорачиваю его, затесываю дощечкой с двух сторон. Старыми ржавыми гвоздями зажимаю ее поперек завила. На белой влажной крестовине крупно вычерчиваю химическим карандашом: **ВОЛОДЯ СОЛДАТОВ.**

Меня отвлекают мальчишечьи клики:

— Нора! Лисья нора!

Действительно, в шести метрах от могилы, вниз по угорью, нора,

Вкруг нее добрых полсамосвала песку. Мерзлота звериным когтям не под силу, вглубь ходу нет, вот и вела кумушка свою потаенку в длину, изламывая из стороны в сторону лаз, пристраивая многочисленные от норки.

Ребятишки вырубали длинную талину и принялись «дразнить» ею нору. Несколько раз талину прихватывали острые зубки, оставляя на мягком податливом лыке узенькие белые бороздки, свежие гнездышки закусов.

— Тоцно, лиса,— авторитетно подтвердил Тялька Поронгуй.— У него щенята есть.

Но щенятами заниматься нет времени. К двум часам дня Толин катерок ждут в Пуйко. Рыбакам надо выметать сети... Мы возвращаемся к могиле. Земля в ней за эти долгие годы сплотилась, осела; образовалась поросшая густой травой продолговатая западенка.

Беру топор, начинаю вырубать торфяные пластины. Рулевой Толя вежливо отнимает его у меня.

— Отдохните. Теперь — я...

Выстилаем над могилой торфяной холмик. Яунгат, Тялька и Александр Пандо тут же находят способ помочь нам. Они нагребают в подолы своих летних малиц песок с лисьей норы и, вскарабкиваясь по крутизне, ссыпают его на могилу.

«Не оставить забытым, не оставить затерянным...»

Обливаются горячим потом Тялька и Яунгат, обняв могильный столбик, исходит удушливым кашлем Александр Пандо, проворно снуют ребятишки, тоже забросившие «щенят» и таскающие песок фуражками. Растет и растет над одинокой могилой горка песка.

Для нас он просто фельдшер и комсомолец, честно и до конца исполнивший свой долг; для них он — солнышко, отогревшее во мраке полярной ночи их собственные и еще многие и многие жизни.

На обратном пути мы подвернули к бывшему зданию Вануйтовского медпункта. От него, как и от остальных построек, остались только покалеченные при сносе доски, полусгнившие бревна, разный хлам-мусор... Всюду вокруг дружно поднималось молоденькое разнoleсье. На прогалинах, с жирным, темно-синим отливом, по пояс рванула трава. Переплелись — ног не протянешь — мышинные и прочие горошки, в самой глазастой поре буйствовали ромашки. Но все это зеленое неистовство короткого северного лета не скрадывало тяжелой, гнетущей атмосферы заупустения.

Думалось о равнодушии.

В трехстах метрах от всей этой нежити, в шести метрах от лисьей норы забыта могила человека, чье имя могло бы стать достоянием не только местной легенды. Еще древние говорили: «Нет больше той любви, как ежели кто положит душу свою за други своя». А Володя жил с нами. Он наш современник...

На протяжении десяти лет запрашивала Володина мать ведомственные и прочие организации Ямало-Ненецкого округа о судьбе своего сына. Да так и представилась, не узнав ни даты его смерти, ни точного места погребения.

Третье февраля... Тринадцатое февраля... февраль без числа... Таков документальный разнобой в указаниях даты смерти. В действительности Володя умер 22 февраля 1948 года.

А вещи? А документы?

Агния Васильевна Рыбьякова свидетельствует в письме:

«...Володино фото у нас нет. Да у него и не было. Только была одна фотография на комсомольском билете, но мы его заложили в посылку вместе с вещами, чтобы выслать матери... Сделали опись вещей и переслали их в Пуйковский сельсовет для отправки по адресу. Через год, что ли, их обнаружили уже совсем сгнившими в кладовой сельсовета. Истлел и комсомольский билет...»

Что есть подвиг?

Подвиг есть деяние во имя добра.

Порождает и зло своих подвижников, но их удел — забвение и проклятие. «Зло избудется, добро век не забудется», — говорят в народе.

Это только по первому тягостному впечатлению кажется забытой Володина могила, а подвиг его незамеченным. Сгорела, погасла звезда, но долго, долго еще живет ее свет. Не таково ли свойство подвига? Однажды воссияв, он продолжает излучать свой свет во времени.

Маленький бурестойкий народ берегает светлое Володино имя, одалив его одним из самых драгоценных своих слов — Солнышко.

Прислушайтесь и оцените, как точно определяет оно, это слово, со-

дентки Нади Моисеевой. Она только закончила первый курс, как началась война. Девушка ушла в подполье, вела большую и опасную работу. В 1943 году гестапо напало на след подпольщиков. 25 декабря гитлеровцы казнили Наю.

Сейчас вымпел имени Моисеевой присуждается лучшей комсомольской группе первого курса лечебного факультета.

В 1921 году курсанты Петроградской интернациональной школы под руководством Тойво Антикайнена совершили сложнейший лыжный рейд по тылам белофинов на территории Карелии. В память о нем карельские комсомольцы прошли по маршруту героев.

Обком комсомола Петрозаводска решил провести трехлетнюю военизированную игру «Лыжня Антикайнена». Ее участники научатся стрелять, метать гранаты, двигаться по азимуту.

С 1965 года, со дня открытия в городе Первоуральске школы № 21, следопыты собирали материалы, посвященные истории комсомола. Они провели немало походов по Уралу, разыскали комсомольцев времен гражданской войны, первых пятилеток, записали их воспоминания. Ребята нашли много интересных документов, фотографий. Все экспонаты переданы в Музей истории комсомола, который открывается в Первоуральске к пятидесятилетнему юбилею ВЛКСМ.

рвавшееся в темном чуме с горячечных губ умирающего Василия Езынги, как полно определяет оно сущность деятельности человека в белом халате, пришедшего в тундру.

Здесь нужнее, чем где-либо, свет его знаний, доброта его сердца, теплота его глаз. Он не только врачует недуги — он и просветитель, и общественный деятель, и поломойка, и банщик, и нянюшка, и артист, и закройщик, и повар, и еще невесть кто.

...По пути в Новый Порт я узнал, что там работает еще один Солдатов. Уж не младший ли это Володи брат Сашка, «глава семейства»?

В Ямальском райисполкоме и райздравотделе парня хвалили:

— Вдоль и поперек исходил с оленьими стадами Ямал...

— Составил посемейные списки кочующих ненцев...

— Поступает заочно в мединститут...

Передо мной молодой человек, с пытливыми голубыми глазами, богатой светлой шевелюрой, чуточку веснушчатый.

— У вас был брат Володя?

Слышу в ответ: «Был. Погиб на Севере. Могила до сих пор не найдена».

— Найдена, — говорю я и коротко пересказываю уже известное читателю. Потом добавляю:

— Расскажите, что вы помните о Володе?

— Что помню?.. Когда он умер, мне шел седьмой год. Мало помню... Запомнилось только, как он выслушивал нас, деревенских ребятишек, стетоскопом, выстукивал ребра нам, мял животы. Мы хохотали. Щекотно же...

— А как вы оказались на Севере?

— Поначалу окончил клубное отделение Тобольского культпросветучилища. Получил направление, надо было приступать к работе. И тут — какое-то... смятение, что ли?.. Медлил, медлил с работой и... поступил в медицинский. Окончил второе «среднее специальное». И вот... На Севере. Честно сказать — Володя позвал...

— Нет, не мистика! — заторопился мой собеседник. — Не знаю, поймете ли? Ведь я стал уже его ровесником. Сильный, здоровый... Володя для меня не отвлеченный пример — своя, братняя кровь. Пойти в клуб? Я бы вечно себя упрекал. Он здесь один, в мерзлоте... Словом, перелицевал я брючишки, и в медицинский. В комсомоле чуть строгача не дали. «На тебя деньги потрачены. Село культработников ждет!» А я не мог. Я должен был пройти по Володиным тропам!

«...Мы не знаем его,
только знаем, что в школе он нашей
учился.
...Он любил свежий запах берез...»

Из стихотворения Гали Кайдауловой,
ученицы третьего класса Карачинской школы.

Так истлел ли комсомольский билет фельдшера Солдатова? Нет! Сопричастный подвигу, он так же не подвластен тлению, как не подвластен ему и сам подвиг. Маленькая книжица с профилем Ильича — ее несет сегодня по легенде Володя Солнышко. Это высокая доблесть — стоять на учете в «легендарном райкоме».

Девочка пишет стихи. Она из отряда имени Володи Солдатова. Вступая в пионеры, третий класс Карачинской школы присвоил своему отряду его имя.

В притихшем зале областной комсомольской конференции называется его имя. Комсомол области намерен выступить с ходатайством о присвоении Тобольскому медицинскому техникуму имени Володи Солдатова.

Комсомол области собирается воздвигнуть на его могиле обелиск. И не только Володе. Сколько их, совсем юных, ясноглазых, ушло за советское пятидесятилетие в тундру! Сколько их не вернулось, затравленных пенной злобой осатаневших шаманов, замерзших, затонувших, растерзанных волками...

Но еще...

Я хотел бы, чтобы при входе в Тобольский медицинский техникум встречал молодые отряды будущих медиков юноша, изваянный из светлого камня, шагнувший от этих стен в легенду и из легенды вернувшийся.

Прости, Володя... Ага писала, что был ты застенчив, скромн, стыдился заштопанных колен, смущался девичьего взгляда...

317 неизвестных

П. СТЕФАНОВСКИЙ,
Герой Советского Союза

Рисунки С. Китрина

ПЕРВАЯ АВАРИЯ

В 1936 году коллектив авиаконструкторов во главе с А. А. Архангельским под общим руководством А. Н. Туполева разработал двухмоторный бомбардировщик «СБ», с весьма высокими летными данными. В процессе его испытаний выявилась потребность произвести некоторые доводки и переделки. Замечания летчика-испытателя Константина Павловича Миндера А. А. Архангельский посчитал несущественными, доводки и переделки совершенно ненужными. О возникших разногласиях между летчиком и конструктором узнал народный комиссар тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе и пообещал сам приехать на аэродром, чтобы «помирить стороны».

Наши ребята подготовились к встрече наркома весьма своеобразно. Ведущий инженер самолета написал на фанерках краткие характеристики дефектов, установленных при испытаниях, и развесил эти фанерки на самолете: каждая вешалась там, где необходимо было произвести переделку или заводскую доработку.

Приехав на аэродром, Серго Орджоникидзе сразу же направился к самолету. За ним поспешил и А. Н. Туполев. Машина, разукрашенная фанерками, удивила наркома, а конструктора привела в негодование. Срыжая надписи, он бросал их на землю и сердито выкрикивал:

— Что за номер выкинули? Не самолет, а рождественская елка. Хулиганство!

— Почему — хулиганство? — охладил его пыл нарком. — По-моему, это очень оригинальная и убедительная рекламация.

Г. К. Орджоникидзе внимательно голосом говорил конструктору:

— Надо устранить.

Вот нарком поднял с земли еще одну сорванную рекламацию, прочел ее и подал Андрею Николаевичу. Там значилось: «Для того, чтобы снять магнето, нужно сначала снять мотор».

— Уж это никуда не годится, — произнес Серго. — Обязательно нужно устранить.

Остановившись у стрелковой точки штурмана, вслух прочел висевшую там надпись: «Установка не жесткая и при стрельбе вызывает большое рассеивание, практически не дает возможности вести прицельную стрельбу».

Окончание. Начало см. в № 9

Серго рассмеялся и сказал:

— У вас получилась картина, аналогичная той, которую я наблюдал однажды на футбольном поле: громадной силы футболист бил по мячу, но никогда не попадал в ворота. — Повернувшись к Туполеву, добавил: — Не годится так, товарищ конструктор. Надо устранить.

На все это «надо устранить» конструктору оставалось только согласно кивать головой. Кто-то, а Серго Орджоникидзе отлично знал технику, в том числе и авиационную. Закончив осмотр самолета, нарком пригласил руководящий состав института поехать с ним.

В Кремле собрались руководители партии и правительства. Серго Орджоникидзе обстоятельно доложил о недоработках на новом самолете. Затем в деловой, непринужденной беседе, в которой участвовали и мы, были намечены практические мероприятия и сроки по устранению выявленных на испытаниях недостатков скоростного бомбардировщика. Конструктор со всем согласился, а под конец... попытался охарактеризовать обнаруженные недостатки как «мелочи», не стоящие большого внимания.

Вот тогда-то мы и услышали сказанные И. В. Сталиным слова:

— В авиации нет мелочей, в авиации все является серьезным, — говорил он. — Любая неустраненная мелочь может привести к гибели машины и экипажа.

Вследствие это высказывание стало девизом авиаторов. Предостережение И. В. Сталина относилось в одинаковой степени ко всем, кто был причастен к авиационной технике. Seriously подходить к любому, даже самому незначительному, на первый взгляд, явлению — это требование стало всюду насаждаться железной рукой. Дисциплинированность и аккуратность позволили избежать многих аварий и катастроф, спасли жизнь не одному летчику.

Конструктивные недостатки самолета «СБ», после рассмотрения их на столь высоком совещании, были устранены исключительно быстро.

Перевооружение авиационных частей на двухмоторные машины потребовало безотлагательно создать на базе скоростного бомбардировщика вывозной учебно-тренировочный самолет.

Наспех оборудовали один «СБ» с двойным управлением, разместив пилота-инструктора в штурманской кабине. Проводивший испытания летчик не восторгался машиной — слепая кабина инструктора, почти никакого сбора.

Окончательное решение, в силу установленного порядка, надлежало вынести мне, как командиру научно-испытательной эскадрильи, испытывавшей в то время все поступающие в НИИ ВВС сухопутные самолеты.

Занимаю место инструктора. Командир экипажа Владимир Дацко согласно заданию выполнит взлет и наберет тысячу метров высоты. Потом управление возьму я, чтобы установить, можно ли, находясь в инструкторской кабине, пилотировать машину хотя бы в зоне.

Короткий разбег. Дацко, чтобы получить наилучшую скорость для набора высоты, несколько выдерживает самолет над землей. Осматриваюсь — тесновато, неудобно. Взгляд случайно скользнул по правому окошку. Не верю своим глазам — винт замедляет движение. Это в режиме набора-то! Быстро смотрю на левый мотор — то же самое. Бросаю взгляд вперед: хватит ли полосы, чтобы прервать взлет? О ужас! Прямо по курсу взлета деревня, приотвешаясь на краю аэродрома. Высота всего метров десять. Несемся прямо на дом. Об отвороте нечего и думать. Поздно.

Неужели конец? Закрываю глаза и до скрежета зубов сжимаю челюсти.

Удар, треск. Проваливаюсь во что-то вязкое, черное...

Очнулся. Ничего не вижу. Тру глаза — бесполезно. Ослеп? Скорей из самолета, пока он не загорелся. Шарю руками по кабине, ищу выход. Мозг сверлит одна и та же мысль: дом деревянный, выхлопные патрубки мотора раскалены, а в баках тонна первосортного бензина. Машина взорвется, как бомба.

Что это под рукой? Торец бревна. Еще один. А рядом? Рядом дыра, пробитая в бортовой обшивке самолета. Через нее мелькнул тусклый пучок света. Значит, я не ослеп, вижу. Извиваясь ужом, просовываюсь в дыру. А там — пустота, образовавшаяся в гряде бревен, кирпичей и искореженного металла. Что-то больно ударяет по голове. Кажется, порвал комбинезон. И нашел о чем беспокоиться — комбинезон... Ведь выкарабкался, жив! А почему самолет не горит? Домашко разнесен по бревнышку. Бомбардировщик разлетелся на части. А где же Дацко? Вскрываю на ноги, делаю два-три шага и падаю на землю. Кричу:

— Дацко! Володька!

Вместо крика — хрип. Нестерпимая боль в ногах. Голенище левого сапога разорвано в клочья, зияет кровавая рана...

Слышу пронзительный рев сирены — подбегают санитары, кладут меня на носилки.

— А Дацко где? — спрашиваю.

— Лежите спокойно, товарищ командир, — слышу чей-то ответ. — С летчиком Дацко все в порядке.

— А что у меня с ногами?

— Целы ваши ноги. Поранены малость.

— Костных повреждений нет. В мускулах — рваные раны. Заживут, — заключил доктор Кушнир, осмотрев меня в гарнизонной санчасти.

Хороший он старик. У него морщинистое, доброе лицо с усами и старомодной бородкой клинышком. На нем безукоризненно белый халат.

— Вот так, уважаемый Петр Михайлович, — говорит доктор и протягивает мне стаканчик с жидкостью, напоминающей крепко заваренный чай.

— Абрам Григорьевич, — умоляю его, — надо микстуры. С детства не привык.

— Надо, очень надо, уважаемый Петр Михайлович. Выпейте в честь второго рождения, стало быть...

Нехотя беру из его рук стаканчик и поглядываю, куда бы незаметно выплеснуть наверняка муторную жидкость. Абрам Григорьевич лукаво улыбается — понял мое намерение — и назидательно, как ребенку, говорит:

— Да это же коньяк — дар божий. Его не выплескивать, а пить надо, причем маленькими глоточками — смаковать. Медицина лучше знает, что к чему. Так-то, товарищ новорожденный.

— Ну, если коньяк...

И верно, коньяк. Медленно, но без всякого наслаждения опоражниваю докторскую стопку. Постепенно боль в ногах стихает, по телу разливается приятная истома.

Недолго я пролежал в санчасти. Золотые руки врачей-волшебников быстро вернули меня в строй.

В штабе НИИ ВВС мне подали акт: «26 сентября 1937 года... опытный учебно-тренировочный самолет «СБ» потерпел на взлете аварию... Причина — летчик В. Дацко, запустив мотор, забыл открыть краны противопожарной системы. Скопившегося за ними бензина в системе хватило лишь на рулежку и взлет, потом моторы остановились... При падении самолета на дом пострадала маленькая девочка, которую в бессознательном состоянии отвезли в больницу...»

Час от часу не легче!

— А девочка жива?

— Жива.

Дальнейшие события разворачивались с железной последовательностью. Переоборудованный самолет, как учебно-тренировочный, отвергли начисто. Летчик Владимир Дацко получил примерное наказание. Меня сняли с должности командира эскадрильи. Девочка поправилась. А деревню Жарково, чтобы впредь не попадалась на пути забывчивых летчиков, перенесли подальше от аэродрома.

Вскоре мы уже испытывали самолет, специально построенный для учебно-тренировочных полетов в частях скоростной бомбардировочной авиации.

Сейчас полеты вне видимости земли стали обычными, как в военной, так и в гражданской авиации. Самолеты надежны, приборы безотказны, летчики отлично подготовлены. А как много пришлось потрудиться ради этого ученым, конструкторам и летчикам старшего поколения! Нередко опыт слепых полетов добывался даже ценою жизни.

Мне как летчику сподручной рассказать о своих крылатых товарищах, которым первыми пришлось прорывать облачную блокаду еще в нашей качинской школе.

Помню, инструкторы пытались проскакать сквозь отдельные небольшие тучки. Кое-кому это удавалось, в том числе и мне. Прямо ска-

**ПОТЕРЯЛ
ЧЕЛОВЕКА**

жу: ощущение было далеко не из приятных. Даже самые тренированные летчики, попав в облака, чувствовали себя беспомощными. Появлялась какая-то неуверенность и в себе, и в самолете. Все казалось каким-то нереальным. Хотелось как можно быстрее вырваться из облаков, увидеть землю.

В моей первой летной книжке есть запись, относящаяся к 28 октября 1932 года: «Спецзадание 6-го и 15-го отделов, 1000 метров, один полет, 1 час 30 мин., на самолете «ТБ-3». На следующий день сделана новая запись: «Слепой полет в облаках на «ТБ-3», 1000 метров — 1 час 50 мин.»

Читаю эти лаконичные строки, и перед глазами встает Жан Вильгельмович Пуантис, француз-эмигрант, скромный и незаурядный летчик-испытатель. Среднего роста, плотный, с курчавой черной бородой и пышными усами. Этот человек был поистине энтузиастом слепых полетов, сам изобретал дополнительное оборудование для облегчения самолетовождения в облаках.

В октябре 1932 года мы с Жаном Пуантисом впервые повели тяжелый четырехмоторный бомбардировщик сквозь сплошные, плотно прикрывавшие землю облака. И первый полуторачасовой полет, и второй — продолжительностью час пятьдесят минут — проходили вполне благополучно. Болтало, конечно, основательно, но машина безупречно подчинялась рулям, приборы, хотя и примитивные, давали представление о пространственном положении самолета, указывали на возникающие крены. Во всяком случае, возможность полутора-двухчасового полета бомбардировщика в облаках была доказана. А это уже много значило и, главное, вдохновляло на новые успехи. Чтобы летчики увереннее чувствовали себя, началось внедрение тренировочных полетов под светонепроницаемым колпаком (шторки для этих целей появились значительно позже).

Очередной наш совместный полет на «ТБ-3» имел цель отработать самолетовождение по приборам. Слепым он являлся лишь для меня. Колпак закрывал обзор земли и горизонта только с левой стороны. Летчик, сидевший в правом кресле, все видел отлично. Он внима-

тельно контролировал полет, отвечая за его безопасность: особенно следил за тем, чтобы не столкнуться в воздухе с другими самолетами.

Сразу после взлета я, как и предусматривало задание, закрылся колпаком. Через час откинул его, чтобы осмотреться и определить, далеко ли отошли от аэродрома. И тут мелькнула мысль, а стоит ли возвращаться, не лучше ли прямо в полете поменяться местами с В. И. Фортинским? Кабина просторная, самолет устойчив. Правильно отрегулированный стабилизаторами и моторами, он может в течение нескольких минут лететь без вмешательства летчика. Володе Фортинскому моя идея понравилась: действительно, зачем расходовать лишнее горючее?

Отрегулировав самолет стабилизатором и оборотами моторов, я оставил левое сиденье, а Владимир правое. Владимир Иванович еще не успел занять освобожденное мною место, как я уже уселся на правое кресло и, по привычке поставив ноги на педали управления, взял в руки штурвал. В этот момент корабль изменил режим полета, высоко задрал нос. Я инстинктивно отжал штурвал и повернул голову влево: зачем, мол, Фортинский мешает?

Глазам представилась более чем необычная картина. Володя с покрасневшим от натуги лицом и вздувшимися на шее жилами, стоял в проходе, упершись грудью в заднюю перемышку фюзеляжа. А над хвостом самолета виднелся белоснежный купол распустившегося парашюта. Площадь его — сорок два квадратных метра. При скорости полета сто пятьдесят километров в час он может создать такое тянущее усилие, при котором лямки неизбежно задушат Фортинского.

Как помочь товарищу, если самолет продолжает увеличивать угол набора? Создалась крайне опасная ситуация. Все внимание, все физические и духовные силы — взбунтовавшемуся самолету. Прошло немало секунд, пока я укротил его и заставил перейти на нормальный режим полета.

Оглядываюсь: как там Фортинский? Но его на прежнем месте нет. Мелькает радостная догадка — борттехники успели отцепить лямки парашюта и втянули Володю внутрь корабля.

— Где же Фортинский? — спрашиваю.

Борттехник И. Ф. Ткачев растерянно разводит руками:

— Не знаю...

Значит?.. Сбрасываю газ, ввожу самолет в крутую спираль — так лучше обзор. Боже, что же это такое! Далеко внизу камнем несется к земле человек, а за ним кишкой извивается почему-то вновь свернувшийся парашют.

Все круче нисходящая спираль четырехмоторной громадины, бешено крутится стремительно приближающаяся земля. Точка-человек Володя Фортинский падает на зеленый массив леса с небольшими, словно заплатки, полянками.

Очередной виток самолета. Не верю своим глазам: там, над лесом, белеет купол плавно снижающегося парашюта! Наполнился, попал в восходящий поток и наполнился! Радоваться, конечно, рано. Неизвестно еще, жив ли Фортинский.

Парашют опустился на одну из полянок. Выравниваю самолет, кружу над лесом. И я и борттехники напряженно следим за крохотной фигуркой, распластавшейся возле парашютного полотнища.

— Жив! — неожиданно вскрикнул Ткачев. — Смотрите, жив!

— Володька, дорогой! — кричу и я, увидев, что Фортинский поднялся на ноги и, сделав несколько шагов, лег на парашют.

Лег? Значит ранен, нуждается в помощи. Быстро осматриваюсь: нет, на такой маленькой площадке наш самолет не приземлишь. Выход нашелся совершенно неожиданно. На золотистом ржаном поле, что находилось в нескольких километрах от места приземления Фортинского, замечаю нескольких женщин-жниц. Судя по всему, они наблюдают за самолетом. Может, видели и спускавшегося парашютиста? Лечу в их сторону, снижаюсь до предела. Описываю возможно меньшие круги. Высунувшись в окна, мы машем руками в направлении леса. Женщины поняли нас и побежали к лесу. Первую помощь они, во всяком случае, оказать Фортинскому сумеют.

Так и получилось. Когда на место происшествия прибыл наш медицинский персонал, Володя уже улыбался, хотя медики констатировали перелом ключицы, сильные ушибы и растяжение мышц.

Через три дня Фортинский, там и сям перебинтованный, расхаживал вразвалочку по аэродрому и с присущим ему юмором рассказывал товарищам о своем небывалом «вытяжном» прыжке с невольным «затяжным» приземлением.

— Еще бы чуток продержался в самолете, и ребята помогли бы тебе освободиться от парашюта, — рассуждали некоторые.

— Верно, — поддерживал их Фортинский. — Еще бы чуток, и ребята помогли бы парашюту освободиться от моего трупца.

Раскрывшийся парашют с такой силой прижал летчика к переборке, что, попытайся он удержаться внутри самолета, его попросту задушило бы. И Володя принял единственно правильное решение — до конца довериться своему шелковому другу.

Парашют не подвел. Правда, купол его сначала сложился и раскрылся вновь лишь в самый последний момент, на предельной границе, отделявший жизнь от смерти. Но ведь в этом он не «виноват»: почти треть его полотнища оказалась разорванной (очевидно, о хвостовое оперение самолета) и полностью оборваны шесть строп.

Случай этот произошел летом 1934 года.

Много лет спустя, весной 1961 года, мне довелось быть на лекции, организованной для генералов и старших офицеров запаса. У входа в зрительный зал стоял общественный контролер и проверял входные билеты. В этом несколько располневшем человеке в гражданском костюме мы с генерал-полковником авиации И. Д. Климовым сразу узнали бывшего летчика-испытателя НИИ ВВС Владимира Ивановича Фортинского. Иван Дмитриевич радостно воскликнул:

— Привет утерянному летчику!

Какова была эта встреча — читателю трудно себе представить. Ведь мы долгое время ничего не знали друг о друге. И вот — снова вместе. Вопросы, воспоминания. Владимир Фортинский — Летчик с большой буквы, полностью и с честью выполнил свой воинский долг. Он побывал во многих серьезных переделках, но никогда не падал духом, летал, пока позволяли здоровье и возраст.

Из конструкторского бюро А. Н. Туполева в НИИ ВВС поступила просьба провести заводские испытания вооружения нового истребителя «И-14». Не знаю, чем руководствовался начальник института комдив В. К. Лавров, но эту работу он поручил мне, хотя я летал преимущественно

на тяжелых самолетах.

Об истребителе «И-14», созданном под непосредственным руководством Павла Осиповича Сухого, мне уже было кое-что известно. На первом, опытно образце этого самолета стоял мощный малогабаритный мотор «Бристоль-Меркурий». Но его почему-то сочли бесперспективным и заменили более громоздким «Райт-Циклоном» Ф-3, намеченным к изготовлению на отечественных заводах. Кроме пулеметов, на машине П. О. Сухого установили также 75-миллиметровую реактивную пушку. Ее-то и надо было испытать в воздухе.

Вместе с комдивом Лавровым прилетаем на завод. Нас встречают ведущий инженер самолета и заводской летчик-испытатель Константин Константинович Попов. Инженер вручает мне задание на отстрел оружия в районе полигона и дает указание:

— В стрельбе сделайте перерывчик, выполните несколько фигур высшего пилотажа и посмотрите, как после этого будет вести себя оружие.

Константин Константинович, улучив удобную минуту, торопливо поясняет: у самолета очень задняя центровка, он неустойчив в продольном отношении, на взлете с трудом поднимает хвост, на посадке требует отдачи руки от себя — иначе сядет сначала на костыль, а потом уж на колеса.

— В данном случае на лыжи, — поправляется Костя, оглядываясь. Тут, на заводе, не принято выносить сор из избы.

Уже на взлете убеждаюсь в правильности Костиных предупреждений. Трудновато машина подняла хвост.

На белоснежном поле полигона чернеют знаки — стрельба разрешена. Даю залп. Само-

лет как бы замирает, словно зависает на какое-то мгновение в воздухе. Мимолетное, обманчивое впечатление. Так бывает всегда. Опять иду на цель, опять даю залп. Половина боекомплекта израсходована. Пора на пилотаж.

Пилотаж... Даже на обычных виражах самолет норовит нырнуть в штопор. То и дело приходится отдавать ручку от себя. Однако иду на «бочку». Хоть и трудно мне пришлось, а фигура все-таки получилась. Затем выполняю переворот, петлю, еще и еще раз петлю. Теперь сделаю иммельман и продолжу стрельбу.

Набираю высоту. Переворот через крыло. Пикирование. Иммельман...

Никакого иммельмана не получилось. Машина как-то беспорядочно закувыркалась в воздухе. Меня рывками то прижимает к борту кабины, то отталкивает от него. Перед глазами попеременно замелькали лес, снежные поля, облака, голубые клочки неба.

Сорвался в штопор? Да, но он непонятный какой-то. Даю рули для вывода. Самолет почему-то убыстряет свое странное кувырканье.

Появившаяся было растерянность сменяется злостью: неужели я, не раз укрощавший в воздухе многомоторные громадины, не справлюсь с этой вертлявой пигалицей?!

С силой выбираю ручку на себя, от приборной доски, куда только что отжимал ее с такой же силой. Самолет сразу же прекратил кувырки и перешел в крутое пикирование. Решительно ничего не понимаю. Но теперь машина снова в моих руках. Плавно вывожу ее из пике и начинаю набор высоты. Только теперь замечаю, как близко, смертельно близко, была земля. По спине пробежал столь знакомый неприятный холодок.

Захожу на полигон. Продолжаю испытание вооружения. Пушка, пулеметы извергают гром, огонь, раскаленный металл. Действуют, как и до фигурного пилотажа.

Задание выполнено. Машина ведет себя безупречно. А я все еще не могу успокоиться: что же произошло несколько минут назад?

На аэродроме меня встретили все, кто провожал в полет, поздравили с успешным вылетом на самолете нового типа. На этот раз поздравления не вызвали у меня радости. С неприязнью посматриваю на самолет, так неожиданно раскапризничавшийся в воздухе.

Сейчас, наверное, любой выпускник летного училища без труда объяснит, что и почему случилось со мною в тот февральский день 1935 года. Он скажет: машина в момент переворота в верхней точке вошла в перевернутый штопор. Четко и ясно! Курсант-выпускник без запинки расскажет и о том, как надо выводить самолет из такого положения — взять ручку управления на себя, и только. Просто до примитивности.

Но так выглядит все теперь. А тридцать с лишним лет назад мы и понятия не имели о перевернутом штопоре, не говоря уже о методике вывода из него самолета.

Когда машина устремилась к земле, я сразу предположил — штопорю. Стал давать рули на вывод и этим, как выяснилось позже, только усугубил положение — сам удерживал самолет в опасном режиме полета. Позже мы извлекли и еще один урок: перевернутый штопор при более крутом положении машины, когда она рывками забрасывает хвост, может показаться летчику нормальным, и он начнет выводить само-

лет обычным способом — отдачей ручки от себя. И если своевременно не поймет ошибку, этот полет станет последним для него. Я и теперь, вспоминая тот случай, недоумеваю, почему тогда взял ручку на себя: или это было чисто машинное движение, или проявилась интуиция летчика-испытателя. Скорее всего — второе.

**„ПРЫГАЙ,
ВАСЯ!“**

Весьма неприятная эта штука — штопор. Сорвется в него самолет, закружится вокруг своей оси и понесется круто к земле, навстречу гибели. Именно гибели, если не успеешь или не сумеешь вывести машину в горизонтальный полет.

На заре развития авиации штопор для летчиков был самым страшным и, казалось, неодолимым врагом. Когда самолеты обладали малыми скоростями, он приводил обычно только к авариям. Но по мере роста скоростей и высот штопор все чаще стал оканчиваться катастрофой.

Причины срывов в штопор, равно как и случайные выходы из него, оставались совершенно непонятными. Известен, например, случай, когда летчик 18-го корпусного авиационного отряда капитан Родзевич сошел с ума после того, как его трюфейный самолет «Альбатрос» произвольно свалился в штопор и самостоятельно вышел из него...

Штопор являлся настоящим бичом авиации. Стоило лишь незначительно уменьшить скорость полета и запоздать при отказе мотора с переводом машины в планирование, как самолет переставал слушаться рулей, сваливался на крыло и, резко опустив нос, закручивался в бешеном вихре вплоть до самой земли.

Всем были известны последствия. Причин не знал никто. И вот нашелся человек, который решил умышленно, по своей воле бросить самолет в штопор. Это был Константин Константинович Арцеулов — летчик Севастопольской летной школы, командир группы «Ньюпоров».

В один из погожих дней 1916 года Константин Арцеулов поднял в воздух свой истребитель «Ньюпор-21». Набрал необходимую высоту, он ввел машину в штопор. Самолет сделал виток, второй, еще несколько и на глазах у изумленных зрителей снова вышел в горизонтальный полет. Арцеулов тут же повторил штопор и снова благополучно вывел из него машину.

Эксперимент Арцеулова явился в авиационном мире не только сенсацией. Это была блестящая победа человека над стихией, хотя, правда, и не окончательная. Решающий удар по врагу номер один нанесли авиаторы последующего поколения, и прежде всего наши советские летчики.

В авиации и сейчас бытует словечко «заштопорило», то есть не повезло — одни неприятности нанизываются на другие. Так они наслаивались и при укрощении штопора, а вернее при выявлении и преодолении его многочисленных разновидностей.

В период постройки первых отечественных истребителей в НИИ ВВС поступил самолет «Ил-400», созданный группой конструкторов под

руководством Н. Н. Поликарпова. Испытания этого самолета на штопор поручили опытному летчику А. Р. Шарапову.

Шарапов, как и положено, ввел самолет в штопор на высоте две тысячи метров. Наклон фюзеляжа истребителя по отношению к вертикали составлял градусов двадцать—тридцать пять. Затем он уменьшился. Летчик отчаянно боролся со штопором, но вырвать из него машину так и не смог. Она врезалась в землю. Из-

под обломков извлекли Шарапова израненного, с переломанной ногой, но живого!

Испытывать на штопор следующий экземпляр «Ил-400» назначили Михаила Михайловича Громова. Ведущий инженер посоветовал ему надеть на всякий случай парашют — из только что полученной партии «ирвингов». Хотя летчик, надеясь на свой солидный опыт, был уверен в благополучном исходе испытания, все-таки внял настойчивым просьбам товарища. За эту напористость Михаил Михайлович по сей день благодарит ведущего инженера.

В воздухе у Громова все произошло так же, как у Шарапова. Летчик понял: машину из совершенно «ненормального» штопора ему не вывести, — и доверился парашюту. Американская фирма «Ирвинг», узнав о случившемся, немедленно, в целях саморекламы, выслала Михаилу Михайловичу «Золотую гусеницу» — знак спасения человека при помощи шелкового парашюта.

Загадка «ненормального» штопора осталась неразгаданной. Испытания прекратили. Ученые углубились в изучение причин непонятного явления.

Коварство штопора — в его разновидностях. Их различают несколько: нормальный (или крутой), пологий, плоский, перевернутый.

Свои задания, строго дифференцированные, мы выполняли поочередно. Так было и на этот раз. В воздух поднялся Василий Степанченко. Ведущий инженер Трофим Трофимович Алтынов, Александр Иванович Филин и я расположились в высокой ароматной траве и, лежа на спинах, приготовились засекают время каждого Степанченкова витка, подсчитывать их количество.

В предыдущем полете Василий Андреевич выполнил два витка. Сейчас ему предстоит сделать три. Вот он набрал заданную высоту — две тысячи метров, бросил машину в перевернутое штопорение. Виток. Хорошо! Еще виток. Теперь третий, и все в порядке. Самолет же пошел на четвертый!

— Лихачить, что ли вздумал? — недоуменно бросил Филин.

Мы переглянулись: не было у Василия Андреевича такой привычки допускать в воздухе вольности. И тем не менее самолет продолжал накручивать виток за витком.

— Довольно, Вася! — непроизвольно вскрикнул кто-то из нас, словно Степанченко мог услышать и тут же прекратить безрассудную крутоверть.

Истребитель, приподняв нос, закружился в бешеной карусели плоского штопора. Высота катастрофически падала. Машина неслась прямо на нас. Мы вскочили с земли и, подхватив секундомеры, бросились врассыпную.

— Прыгай, Вася! Прыгай! — орал я во всю мочь.

Он не прыгал. До земли четыре, три сотни метров. Я невольно замер на месте и зажмурился: сейчас все будет кончено, не станет больше Степанченка. И тут же раздался голос Алтынова:

— Молодец Васяка!

Я открыл глаза. В небе вспыхнул белый тюльпан парашюта. Раздался сильный удар — самолет превратился в грудку бесформенного металла. И тотчас же, почти рядом с ним, приземлился Степанченко.

Мы кинулись к нему, стали тискать в объ-

ятнях: живи! Когда взвинченные до предела нервы успокоились, начались расспросы: что, как да почему. Василий Андреевич рассказал: сорвавшись в плоский перевернутый штопор, самолет перестал подчиняться рулям. Летчик понял — с машиной уже не справится, и решил покинуть ее.

— А от привязных ремней никак не освобожусь,— говорил он.— Замок расстегнул, но он не разъединяется. Заело — ведь всем телом вишу на лямках, огруз сильно. В штопоре, сами знаете, какая нагрузка. Вот и ковырялся, пока не разобрался, где и что заело.

Даже не верится. Самолет стремительно несется вниз, до земли с каждым витком все ближе, а он выясняет — что случилось с замком! Но таким уже был наш Василий Андреевич, замечательный летчик-испытатель.

Вскоре, кстати, с ним случилось еще одно не менее удивительное происшествие. При испытаниях вооружения на скоростном бомбардировщике внезапно остановились оба мотора. Высота — ничтожная. Куда ни глянь — громадный лес, болота. Казалось, выход один — покинуть машину. Василий Андреевич не сделал этого. Заметив несколько в стороне от курса маленькую полоску, засеянную рожью, он умудрился мгновенно рассчитать заход на посадку (это без работающих-то моторов!) и благополучно приземлит самолет. Площадка была настолько мала, что взлететь с нее оказалось совершенно невозможно.

— Так как же ты сел? — спросили у него.

— Как? Обыкновенно!

— Но ведь мог же разбиться.

— Конечно мог. Но не обязательно же.

А вот если бы бросил машину, она разбилась бы наверняка. Сами понимаете, самолет-то опытный.

В этих словах — весь Степанченко. Не ради спасения опытного самолета он рисковал собственной жизнью.

НАУКА ПРОТИВ ПРАКТИКИ

Штопор — это такой противник, с которым приходится сражаться непрерывно. Известны, казалось бы, все его разновидности, все каверзы, на какие он способен, а вот создали конструкторы новый самолет, и опять жди неприятностей, опять испытывай штопорные качества машины.

А они строго индивидуальны не только у каждого типа самолета, но и у его модификации.

В связи с этим вспоминается история с истребителем «ПИ-1», созданным Дмитрием Павловичем Григоровичем.

Д. П. Григорович обладал огромным конструкторским опытом, и все-таки его новое детище — «ПИ-1» — «прихварывало» плоским штопором. При встрече Дмитрий Павлович так и сказал мне:

— Прихварывает... Помогите разобраться.

Вылетаем на испытание вместе с инженером летчиком Алексеем Ивановичем Никашиным. Я на «ПИ-1», он на другом истребителе, в каче-

стве наблюдателя. Начинается обычная подготовительная работа к будущему штопору, установившийся режим которого, как известно, считается только после третьего витка.

Полеты следуют один за другим.

На земле нас каждый раз встречает профессор Александр Николаевич Журавченко — крупный специалист ЦАГИ. Седой старик, он как-то сразу молодеет, когда мы начинаем рассказывать ему о полете. Слушает не перебивая. Я докладываю:

— Сделал срыв в штопор. Выполнил пол-витка, виток и полтора витка в обе стороны. После каждого витка самолет стремится рывком поднять нос, выйти в горизонтальное положение.

— Неважное дело,— произносит Александр Николаевич,— не нравится мне это, не нравится...

Долго ломаем головы над новой загадкой. Наконец сообща решаем: в следующем полете сделать два витка с недобранной до отказа ручкой в сторону вращения. При этом дача мотору полных оборотов могла бы способствовать выводу самолета из штопора.

И вот мы снова в воздухе. Несколько выше находится самолет Никашина. Качнул плоскостями: наблюдай, мол, Алеша, сейчас начну.

Машина послушно нырнула вниз. Виток. И тут же энергичный рывок вверх. Полтора витка. Нос самолета задрался еще выше. Два витка, и горизонт бешено закрутился перед глазами.

Мгновенно даю рули на вывод. Самолет продолжает крутиться. Три, четыре, пять витков. Плохо дело... Неужто так и не вырвусь из штопора? Даю полный газ мотору. Он дико, натужно ревет, а самолет не желает прекратить свой чертов вальс.

Шесть, семь, восемь витков... Неужели придется прыгать? Висящий на шее секундомер-луковица качается из стороны в сторону. Отсчет секунд необходим для определения времени выполнения витка. Секундомер нужно остановить в момент прекращения вращения, быстро записать потерянную высоту и все это занести в отчет о полете. А уж Журавченко с Никашиным доведут дело до конца...

Лихорадочно работает мысль, внимательно слежу за каждым новым штрихом полета. Почему, собственно, несмотря на быстрое вращение, высота уменьшается относительно медленно. Ну, ну, возможно, что... Кажется, рано начал готовить завешание.

Рули и мотор держу все в том же режиме, выжимая «последние соки» из ручки управления и сектора газа. После десятого витка самолет задрожал, словно в горячем ознобе, и нырнул в пикирование.

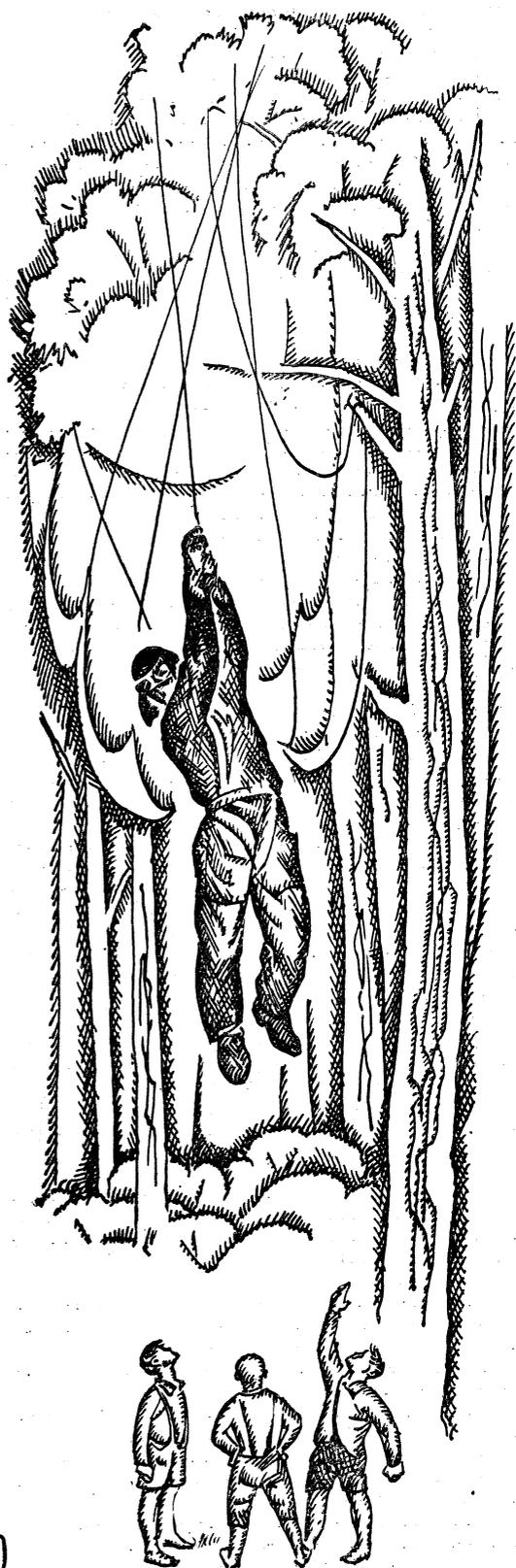
Ура! Вышел все-таки!

Нажимаю головку секундомера. Делаю пометку о высоте вывода самолета из штопора. Настроение — как у именинника. Шутки шутками, а после двух очередных витков пришлось бы покинуть непокорный самолет.

После разбора этого полета ведущий инженер предложил мне слетать еще раз и довести количество витков до трех перед выводом.

— Нет уж, увольте,— заявил я.— И так ясно. Пора ставить точку.

Профессор Журавченко тактично занял нейтральную позицию. Мы же с инженером кипятились все пуще. Каждый настаивал на своем.

В пылу спора я было забыл, что окончательное слово остается за командиром, то есть за мной. Когда, вспомнив, сказал об этом, инженер разъярился еще сильнее. Но против принятого решения он уже ничего не мог поделать. Заключение было категоричным: испытания самолета на штопор прекратить, штопорным качествам истребителя «ПИ-1» дать отрицательную оценку.

Однако вскоре на испытания поступил еще один самолет «ПИ-1», отличавшийся от своего предшественника увеличенной поверхностью фюзеляжа, вытянутого вверх в виде гребешка. Такое новшество, по мнению конструктора, должно было улучшить штопорные качества самолета.

Ничего не напишешь: раз пришел самолет, надо его испытывать. Совсем уже собрался было начать эту неприятную работу — новая машина не вызвала у меня восторга, — как неожиданно-негаданно Алексей Никашин попросил поручить ему заняться ее испытанием. Он, видите ли, не удовлетворен моими прошлыми полетами на штопор, не уверен в правильности решения прекратить испытания первого варианта «ПИ-1» и считает, что теперь он, как инженер-летчик, лучше справится с поставленной задачей. Короче: наука решила утереть нос практике.

Я согласился. Никашин — отличный авиатор. Тем паче подобная взаимозаменяемость у нас уже практиковалась.

Алексей Иванович был настолько убежден в возможности вывода самолета из штопора, что пренебрег методической последовательностью — сразу сделал три витка. Полого пикируя на другом истребителе, пристально наблюдаю за Никашиным. Все происходит так, как было и у меня. После второго витка «ПИ-1» резко, почти до горизонтального положения, задрал нос и начал откладывать пологие быстрые витки. Пикирую недалеко от Алексея, считаю его витки: пять... семь... пятнадцать... Начинаю все заметнее отставать от него по высоте: скорость пикирования моего самолета достигла предельно допустимой, а режим штопора у Никашина все не меняется. Что он — свихнулся? Сорок восемь, сорок девять витков, а он штопорит и штопорит. А может, эта чертова леталка вымотала из него всю душу и он потерял сознание? Виток пятидесятый, пятьдесят первый, пятьдесят второй... От самолета отделилась черная точка, и вскоре над нею забелел купол парашюта.

Фу ты, спасся упрямый чертушка! Самолет же проштопорил до самой земли и упал между двухэтажными домами. Только этого нам не хватало! Место-то ведь не безлюдное. А вдруг?

Захожу на посадку. Прямо у самолетного носа рассыпалась тысячами искр красная ракета. Это финишер почти в упор пальнул из ракетницы, запрещает посадку. Быстро осматриваюсь и кляну себя на чем свет стоит — сгоряча забыл выпустить шасси. Такого со мной еще никогда не случилось... Однако заниматься самокритикой будем потом, а сейчас скорее на место происшествия.

Здесь все оказалось в порядке, за исключением, конечно, самолета. Он лежал на брюхе (знать, штопор был идеально плоским!) и внешне выглядел целехоньким. Только внешне... Стукнулся он о землю прилично. Пришлось списывать и сдавать в металлолом. Понятно, что это делалось позже, а в тот момент, бегло глянув

на самолет и убедившись, что он не натворил никаких бед, я стал немедленно разыскивать спустившегося на парашюте летчика.

Он, оказавшись, уже находился в кругу товарищей. Снижаясь на приаэродромный лес, парашют зацепился за вершину громадной сосны, и Алексей беспомощно заболтал ногами между небом и землей. Первыми к незадачливому парашютисту примчались вездесущие ребяташки. Среди них находился и сынишка Алексея Ивановича — маленький Славка. Увидев болтающего ногами отца, он немедленно спросил: — Пап, а как ты туда забрался?

У Никашина, как он потом сам рассказывал, даже слезы навернулись на глаза: эх, сынок, святая простота, откуда тебе знать, как близок ты был сейчас от сиротства...

С сосны Алексея сняли подоспевшие с аэродрома товарищи. Трагикомедия на этом завершилась. Настала пора детально разобраться в происшествии, а если факты потребуют, то и держать ответ.

Алексей Иванович подробно рассказал о своих действиях в полете. Действительно, во время шторма он применял все известные тогда методы вывода самолета, но усилия его были напрасными. Оставалось одно — покинуть машину. Это тоже удалось сделать не сразу: возникающие инерционные силы рывками прижимали летчика к стенке кабины, ручка управления, раскачиваясь из стороны в сторону, упруго прижималась к сиденью, не давала подняться с него.

— Если бы не запас высоты, пели бы по мне отходную, — закончил свой рассказ Никашин.

И тут я задал ему вопрос-нокаут:

— А почему пренебрег установленной методической последовательностью и сразу выполнил три витка?

Никашин ответил, что, по его мнению, подготовительные срывы не принесли бы ничего нового. К тому же он был глубоко уверен, что если самолет вышел с запозданием после двух витков, то он должен был выйти и после трех.

— Был убежден или и сейчас убежден? — переспросил я инженера.

— Был, — твердо ответил Алексей и так же твердо посмотрел мне прямо в глаза.

Так закончился спор науки с практикой. Случай, конечно, частный, но убедительный: наука, теория не имеет права пренебрегать практикой, накопленным опытом, точно так же и практика не может с улыбкой относиться к теории, в авиации теория и практика — сестры-близнецы.

Последняя глава Испытателя

Возможно, вам приходилось читать книгу американца Джимми Коллинза «Летчик-испытатель». Это не просто замечательное литературное произведение, это — чистосердечная, глубоко правдивая исповедь талантливого летчика, обреченного условиями капиталистического авиационного производства на полуголодное существование, случайные заработки в преступноопасных

полетах и наконец на гибель в одном из них.

Попав в крайнюю нужду, Джимми Коллинз взялся за проведение весьма рискованного испытания одного опытного пикирующего бомбардировщика. Он прекрасно понимал весь авантюризм организации эксперимента, сознавал чрезвычайную опасность своей работы в воздухе. Но другого выхода у летчика не было — надо кормить и себя, и семью...

Автор ярко, я бы сказал, талантливо повествует о ходе испытаний, своих злоключениях и курьезах в полетах. Но не это берет за душу. Коллинз подробно описал и свое... последнее испытание самолета на пикирование. Мужественному, высококвалифицированному летчику, попавшему в безысходные тиски нужды, развязка была настолько ясна, что он технически обоснованно изложил на бумаге свою будущую и, как оказалось, очень близкую гибель. Впоследствии выяснилось и еще одно леденящее душу обстоятельство: главу о собственной гибели Коллинз писал для того, чтобы дать... заработать своему другу-журналисту на сенсационной статье.

Почему мне вспомнилась эта книга? Потому, что в данной главе разговор пойдет в основном тоже об испытаниях самолета на пикирование. В ней тоже будет рассказано о трагических финалах...

...В ясной синеве неба слышатся то мощное ровное гудение тяжелого или среднего бомбардировщика, то слабо различимый гул высоко идущего разведчика, а чаще всего оглушающий, захлебывающийся рев истребителя. Вопрос о их массовом строительстве стал одним из самых насущных, и они, маленькие и юркие, начали все чаще поступать на испытания в НИИ ВВС Красной Армии. Фашистская Германия строила мощный воздушный флот, рассчитанный на нанесение сильных бомбовых ударов. Немцы не скрывали, что для своих воздушных армад они создают сильное истребительное прикрытие. Куда гитлеровские генералы собирались направить свои воздушные флоты? Здравое и объективно мыслящим людям было понятно, что, во всяком случае, не на Монте-Карло...

Основные требования к самолетам-истребителям в ВВС были разработаны предельно ясно: небольшой размер, мощное вооружение, отличная маневренность, высокие скорости в горизонтальном полете, при наборе высоты и пикировании.

Все это, по предварительному мнению специалистов, и воплотил в себе истребитель «И-28», спроектированный и построенный авиаконструктором Владимиром Панфиловичем Яценко. Я придерживался такого же мнения. О новом самолете знал не из литературы. Он рождался на моих глазах. Я участвовал в рассмотрении эскизного проекта самолета, был членом макетной комиссии, следил за постройкой машины на заводе.

Экзамен самолета на пикирование — венец всей испытательной программы. На «И-28» мне предстояло выполнить ее от начала до конца. Авиазавод и НИИ ВВС сразу, без заводских облетов, приступали к государственным испытаниям нового самолета.

Истребитель «И-28» в основном имел деревянную конструкцию. На нем был установлен но-

вый, надавно построенный авиадвигатель воздушного охлаждения М-87, представлявший собой двухрядную звезду. Он обладал мощностью намного большей, чем М-63, и сразу привлек к себе внимание почти всех авиационных конструкторов.

М-87 заинтересовал и меня. Но совершенно по другим причинам. Грустные мысли порождал этот мотор, воскрешая в памяти столь дорогие образы недавно погибших Валерия Павловича Чкалова и Томаса Павловича Сузи. Они потерпели катастрофы на истребителях Н. Н. Поликарпова «И-180», на которых были установлены такие же моторы — М-87.

Стоял ясный морозный день. 15 декабря 1938 года. Валерий Павлович — заводской летчик-испытатель и шеф-пилот конструкторского бюро Н. Н. Поликарпова — поднял в первый полет новый истребитель «И-180» с опытным мотором М-87А. Самолет не имел ни лобовых жалюзи, ни «юбок» моторных капотов. Сделав согласно заданию круг над аэродромом, В. П. Чкалов убрал газ и начал планировать на посадку. Не зная крутизны глиссады планирования, он ошибся в расчете. Мотор из-за низкой температуры наружного воздуха почти мгновенно остыл и при попытке «подтянуть» заглох. Летчик с неработающим мотором не мог дотянуть машину до аэродрома и был вынужден пойти на посадку на пересеченной местности. И произошла катастрофа. Чкалова, великого летчика нашего времени, не стало.

Когда эта страшная весть дошла до НИИ ВВС, никто из нас вначале в нее не поверил. Невозможно было представить себе, чтобы сам Чкалов и так нелепо, обыденно погиб, погиб в заурядном для него полете. Однако эта весть почти тут же получила официальное подтверждение. Летчики к слезам относятся скептически, но в тот день многие из нас не скрывали их...

Сиюю над программой испытаний «И-28», а мысли то и дело возвращаются к образу Валерия Павловича. Слово стоит он рядом, душевный, жизнерадостный. Вспоминается его «чаепитие» в первом для меня полете на тяжелом самолете. В памяти воскресают введенные им в обиход фигуры восходящего и перевернутого штопора, пилотаж на предельно низких, буквально пятнадцатиметровых высотах...

Воспоминания отрывочны, бессистемны, как и всегда в подобных случаях. Они как-то причудливо переплетаются с мыслями о моторе М-87, этом главном виновнике гибели В. П. Чкалова. А может быть, и Томаса Сузи?

Томас... Полный, коренастый, средних лет, с отливающей золотом шевелюрой. Он всегда занимал командные должности, а летал в роли рядового летчика-испытателя. Летал с упоением, страстно. Вместе мы работали на двоящихся самолетах в составе самолета-звена. Сколько раз Томас Павлович смотрел в пустые глазницы смерти и незаметно уходил из ее когтистых объятий. А тут... После гибели В. П. Чкалова на втором экземпляре истребителя «И-180» полетел Степан Супрун. Из-за конструктивного недостатка шасси самолет скапотировал на пробеге и разбился. Третий экземпляр машины поднял в воздух летчик-испытатель Афанасий Григорьевич Прошаков. Он попал в перевернутый штопор. Самолет «не пожелал» выйти из него. Летчик был вынужден прибегнуть к парашюту. Завод изготовил еще один экземпляр — четвертый. На

нем полетел Томас Павлович, по собственному настоятельному требованию. Отправился в свой последний полет.

И вот он лежит передо мной, с ног до головы залитый еще горячим маслом. Только один затылок отливает девственно чистой позолотой аккуратно подстриженных волос...

Долго работала комиссия по изучению причин этой катастрофы, но установить истину так и не удалось. Очевидцы рассказывали — самолет штопорил с большой высоты, а метра в трехстах от земли из него выпрыгнул летчик и почему-то не раскрыл парашют. Нет, самолет не горел. Ударившись о землю, превратился в груду бесформенных обломков.

Воспользовавшись этими показаниями, представители конструкторского бюро попытались объяснить причину катастрофы неправильными действиями летчика в воздухе. Мы с Анатолием Ляпидевским, первым Героем Советского Союза, председателем комиссии, дали им такую ответь, что они тут же отказались от своего поспешного мнения.

Нет, причина гибели Томаса Павловича — не в нем, не в его действиях. В этом меня нельзя убедить. Даже теперь, спустя почти тридцать лет. Слишком хорошо я его знал. Под руководством Т. П. Сузи выросли такие крупные авиационные командиры, как летчик-испытатель, дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Григорий Пантелеевич Кравченко, генерал-полковник авиации Иван Дмитриевич Климов, Герой Советского Союза Дмитрий Леонтьевич Калараш и многие другие.

...Программа полетов отодвинута на край стола. В который уже раз перелистываю техническое описание мотора М-87. Пытаюсь рассуждать трезво: Чкалов и Сузи погибли на истребителях-близнецах «И-180». На обеих машинах стояли моторы М-87. Если Валерий Павлович погиб явно из-за мотора, то Томас Павлович... Его труп был залит моторным маслом. Но ведь явных доказательств отказа двигателя в полете нет? Верно, нет. Только там, в глубине сознания, то и дело мелькает мысль: а если и тут подвел мотор...

Любители плавания рассказывают, что самые опытные спортсмены какое-то время не решаются переплывать омут, в котором кто-то утонул. Даже если им известно, что утопленник был никудашним пловцом. Такого уж человеческая психика. Летчик — не мозговой придаток к самолетному штурвалу. У него самая обыкновенная человеческая психика, правда, более уравновешенная, тренированная.

**ВНИЗ,
В ПИКЕ!**

Испытания истребителя «И-28», начатые 10 июня 1939 года, проходили вполне успешно. Я по нескольку раз в день поднимался в воздух и неизменно благополучно возвращался на аэродром. Мотор вел себя безупречно.

Подшла пора испытать машину в пикировании на максимально допустимой скорости. Ее решили достигать постепенно, последовательно увеличивая нагрузку на самолет. Точку начала пи-

кирования подняли с трех до шести тысяч метров. Запас высоты — гарантия безопасности.

Готовясь к испытаниям истребителя «И-28» на пикирование, я был убежден — парашют не потребуется. Я до тонкости знал самолет и представлял его летящим, когда он существовал еще на бумаге, в чертежах. Мне первому довелось поднять этот истребитель в воздух и проэксплуатировать его на многочисленных предшествовавших испытаниях. Я привык к нему, верил в него, как в старого испытанного друга.

Последнее достижение техники, он сверкал на солнце безукоризненно гладкой обшивкой, звал ввысь, в стремительный полет. Было даже немножко стыдно за то, что уж слишком тщательно готовились мы к завершающему этапу его испытаний.

В тот день погода стояла неважная. Однако нашей работе она не могла помешать. Владимир Панфилович Яценко — конструктор самолета, пожилой, приземистый человек с сединой в рыжеватых волосах, подписал задание и, в который уже раз, напомнил:

— Если что — парашют! Смотрите у меня...

Ведущий инженер Иосиф Гаврилович Лазарев, лицо которого было испещрено шрамами, а грудь увешена орденами, вновь лично осмотрел машину, все тщательно проверил. Вручая мне задание, он коротко и по-своему напутствовал:

— Ну, будь...

Взревел тысячесильный мотор. Самолет почался по полосе. Все быстрее, быстрее. И поднялся на крыло, плавно, неслышно.

Осматриваюсь. На высоте семи-восьми тысяч метров слоистые облака. Пониже — разрозненные кучевые громадины. В «ущельях», между их вершинами, вполне достаточно места для полета. Воздух на редкость чист и прозрачен.

Заданная высота. Выравниваю машину и почти сразу ввожу в пикирование. Снова выравниваю, а затем набираю высоту. Повторное пикирование, но теперь уже на большей скорости. Так предусмотрено заданием: выполнить столько-то небольших пикирований с постепенным увеличением скорости.

Самолет ведет себя безукоризненно. Остался последний заход — пикирование на максимальной скорости. Подыскал подходящее «ущелье», вошел в него. Сейчас начнется самое главное. Открыл фонарь кабины. Так, на всякий случай. Невольно улыбнулся, вспомнив напутствие Яценко: «Если что...»

Впереди, меж облаков, — большое окно. Там, внизу, возле балашихинской фабрики, поблескивает озеро. Высота — 500 метров. Ну что ж, поехали!

Газ мотору, еще, еще... И немедленно отдаю ручку от себя. Самолет, словно ныряльщик с крутого обрыва, срывается вниз.

Быстрый взгляд на приборы. Надо нарастить еще пять километров скорости, и задание будет выполнено. Молодец «И-28»! Глянул на плоскости, фюзеляж. Самолет натянут как струна. На крыле небольшие волнообразования. Деформация? А скорость?

Не успел остановить глаза на приборе, как самолет стал медленно разворачиваться вправо. С чего бы это? Пытаюсь удержать его рулями — не слушается, все круче забирает. И вдруг сумасшедший рывок. Ничего не вижу. Чернота... Глухо бьется яма... Падаю, падаю...

Почему так тихо? И что за дикий свист в ушах? Трудно дышать. Жадно хватаю ртом упругий воздух. И открываю глаза. Ноги мои вверху, неистово болтаются полы разорванной кожаной куртки. Падаю вниз головой, на спине. Почему, как это случилось? Ах да, я же пикировал. Теперь понятно. Самолет не выдержал, разрушился, а меня выбросило из кабины... Не зря открыл фонарь.

Пытаюсь перевернуться, чтобы лететь ногами вниз. Взгляд падает на парашютные лямки — на месте. Кольцо тоже. Хватаю за него и что есть силы дергаю. Другой рукой судорожно ощупываю ранец за спиной — полнехонек!

Напряглись стропы, чувствую сильный рывок вверх, ноги уже внизу, плавно спускаюсь к матушке-земле.

Решительно ничего не понимаю. Когда же я потерял сознание? Чем это меня так стукнуло, что я не успел раскрыть парашют? Постой, садануть-то может и еще раз. Если самолет штопорит, то прикончит за милую душу. С тревогой осматриваю небо над головой. Чисто вокруг. Только вон какая-то фанерина плавно планирует к земле. И это все, что осталось от «И-28»?

Не может быть. Но не испарился же он! Смотрю вниз. Там в яростном вихре кружится мой коварный любимец. Взметнулся огромный столб пыли. Самолет упал в городок.

А меня-то куда несет? В озеро? Стараюсь припомнить действия парашютиста на воде. Хотя нет, видать, сяду вон на тот лес. Только бы не шарахнуло о дерево. Черт те что: в штиль никак не рассчитаешь. Озеро и лес уже позади, а я все еще парашютирую.

Приземлился на картофельном поле. Прочитался малость, упал, не успев погасить купол парашюта. Подбежали два молодцеватых красноармейца, помогли встать.

— Не знаете, где упал самолет? — спрашиваю.

— Знаем, — отвечают почти одновременно. — Возле детской площадки.

— Детской?!

— Да вы не волнуйтесь. Там никого не было. Мы вот к вам побежали, а другие хлопцы самолетные обломки осматривают, второй-то летчик, может, жив еще.

— Второго летчика, братцы, не было.

— Как так не было? — недоумевают они.

— Так вот и не было. Это одноместный самолет.

— Фу ты, а мы думали, второй-то не успел выпрыгнуть с парашютом. Жалели его очень...

Вместе с красноармейцами спешу к месту падения самолета. Груда обломков и толпа любопытных. Какие-то парни селятся приподнять центроплан.

— Не ищите, — обращается к ним один из возвратившихся со мной красноармейцев. — Другого летчика не было.

— Слава те господи, — крестится сухонькая старушка.

Тяжко расставаться с любимым человеком. Тяжело прощаться с самолетом, в который ты так верил, в создании которого вложил свои знания и частицу сердца. Поднял я с земли какую-то железку и сунул в карман — на память.

Вечером ко мне на квартиру позвонил Климент Ефремович Ворошилов, справился о здоровье, пожелал скорейшего восстановления «летной формы».

Комиссия, расследовавшая аварию, установила — все расчеты на прочность конструкции самолета были правильными. Но вот башмак — узел стабилизатора — на этой машине поставили не из фрезерованного, а из литого металла. В литье оказались поры.

При пикировании самолета на максимальной скорости башмак не выдержал нагрузки и сломался. Самолет остался без хвоста, потерял управляемость и, вращаясь вокруг своей оси, ринулся к земле, увлекаемый работающим на всю мощь мотором.

Мотор не подвел. Опасность нагрянула из-за другого угла.

Когда у самолета оторвало хвост, произошел рывок с огромной отрицательной перегрузкой, и я мгновенно потерял сознание. Привязные ремни лопнули, и мощный поток ветра выдул меня из кабины. Если бы я заранее не открыл фонарь, вряд ли мой череп остался бы цел.

Спустя два дня «Правда» опубликовала Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1939 года. С каким волнением, радостью и благодарностью читал я:

«За исключительные заслуги в деле испытания опытных образцов самолетов и проявленные при этом мужество и отвагу наградить летчика-испытателя Стефановского Петра Михайловича орденом Ленина».

Мужество... Отвага... Емкие, глубокие и в то же время социальные понятия. Томас Сузи и Джимми Коллинз. Ни тому, ни другому не откажешь ни в мужестве, ни в отваге. Оба смотрели смерти в лицо, но разными глазами. Оба погибли, но во имя разных целей.

Коллинз прямо говорит в своей книге: знаю, что могу погибнуть, но не летать не могу — надо содержать семью. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца, ужас перед нищетой.

Сузи, полетев испытывать четвертый экземпляр истребителя «И-180», тоже знал, что может погибнуть. Испытаний без риска нет. Здесь он был особенно велик.

На первом экземпляре самолета погиб Валерий Чкалов.

Второй и третий — потерпели очень серьезные аварии.

На эти обстоятельства товарищи более чем красноречиво намекали Томасу Павловичу. Он отвечал так:

— Надо лететь. Полечу. Иначе не узнаем, чем болеет злосчастная конструкция. Сколько на самолет народных денежек ухлопано! Вот выясним, чем он страдает, устраним изъяны, и машина на славу будет. Да и другие конструкторы спасибо скажут, не повторят ошибки.

В первом случае, у Коллинза, — семья, страх за свое личное будущее.

Во втором, у Сузи, — народ, забота о нем, о будущем отечественной авиации, военном могуществе Родины.

Два летчика — два мира. Разные цели, разные истоки мужества, отваги.

Думаете, не щемило у меня под ложечкой, когда я впервые вылетел на «И-28»? Долго не доверял мотору. И все же полетел. Почему? Верил в большое будущее нового самолета. Мотор-то можно и другим заменить.

И моя ли вина, что я так жестоко ошибся, что «И-28» не полностью оправдал возлагавшихся на него надежды? Он был выпущен в сравнительно небольшой серии.

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Новое замечательное произведение конструкторского искусства вышло в опытной серии под шифром «И-185». Этому самолету, несмотря на его выдающиеся летные качества, все же

не суждено было приобрести широкую известность в авиации. Он явился, образно выражаясь, лебединой песней славного коллектива, руководимого талантливейшим авиаконструктором Николаем Николаевичем Поликарповым.

Конструкция Николая Николаевича появилась в цехах завода накануне Великой Отечественной войны. Самолет имел самый мощный опытный 18-цилиндровый мотор воздушного охлаждения. Его двухрядная звезда позволяла значительно повысить нагрузку на квадратный метр тонкого, тщательно изготовленного крыла со скоростным профилем и нести три 20-миллиметровые пушки.

Как не хватало нам потом, на фронте, при обороне Идрицы, Великих Лук, Ржева, Калинин, Клина и Москвы, этих мощных скорострельных авиационных пушек! Жгучим огнем ненависти опалось сердце атакующего летчика-истребителя, в упор стреляющего в ненавистную фашистскую свастикку из пулеметов. Но протектированные бензобаки вражеских самолетов моментально затягивали тонкие проколы пуль, силовые узлы конструкции немецких машин не поддавались разрушениям. Наконец, после неоднократных атак, с заглухими пулеметами, наши самоотверженные воздушные бойцы, не видя другой возможности уничтожить противника, бросались на таран. Во многих случаях они гибли вместе с врагом.

Да, поздноато поступили на вооружение 20-миллиметровые ШВАКИ.

Самолет «И-185» располагал не только мощным вооружением. Он быстро отрывался от земли, стремительно уходил в небо, развивал по тому времени самую большую скорость, был мягок и послушен в управлении. Машина круто снижалась к земле и плавно садилась.

Но конструктору крепко не повезло с двигателем, на который он рассчитывал свой проект. Планеры машин долго стояли в цехе, ожидая застрявшей на заводских испытаниях опытной серии моторов М-71. У них то и дело выходили из строя какие-то детали, задерживалась окончательная отработка, переносилась с одного срока на другой сдача на летные испытания. Неожиданно грянула война.

Экспериментальные работы на первых порах свернули.

Хотя и с большим опозданием, но опытная серия моторов М-71 все же была выпущена. Однако самолету и теперь не удалось познать большое небо. Фирменный летчик-испытатель Евгений Ульяхин погиб в воздушном бою, сражаясь в рядах летчиков-испытателей.

Конструктор настойчиво подыскивал подходящую кандидатуру для проведения испытаний его новой машины. Лишь в ноябре 1942 года эту работу поручили мне. Ведущим инженером назначили также отозванного с фронта полковника Иосифа Гавриловича Лазарева.

Облет, произведенный 20 ноября, показал, что до начала испытаний надо сделать кое-какие доработки на самолете. Со 2 по 9 декабря мы

выполнили два километража, испытали «И-185» на скорость на первой границе высотности.

Потом целую неделю шел снег. Низкие свинцовые облака почти касались крыш аэродромных строений. Непогода отступила только 16 декабря. Самолет, сметая кучи снега, круто устремился в залитое солнцем небо. Высота 7500 метров. Горизонтальная площадка на максимальной скорости. Показания непривычно велики! Такие же площадки на высотах 9500, 5500, 4000 метров. Сразу будем иметь всю кривую значения максимальных скоростей по высотам. Завидная удача!

Радость как рукой сняло: раздался глухой удар. Что-то заскрежетало внутри мотора. Затрясся и остановился винт. Скорее на аэродром! Он находится немного в стороне.

Разворот, планирование, выпуск шасси и закрылков. Посадка на центр аэродрома. Навстречу мчится машина с испытательной бригадой. Осмотр и вывод: мотор заклинило, нужно ждать присылки нового.

Ждали десять дней. 26 декабря состоялся пробный полет с новым мотором. На следующий день я поднялся на 6500 метров. Выполняя площадку для получения максимальных скоростей через каждую тысячу метров. Сколько их уже выполнил за свою долгую испытательскую работу!

Высота 2000 метров. И снова удар! Все повторяется, как в предыдущем полете. На этот раз аэродром оказался несколько дальше, к тому же и высота была вдвое меньше. Она катастрофически теряется, а спасительный пятачок земли приближается томительно медленно.

Кажется, все-таки дотяну. Под крылом уже вершины елей. Шасси на выпуск. Но что это? Вдоль границы аэродрома полно бомбардировщиков дальней авиации. Они, рассредоточившись, заняли почти четвертую часть посадочной площадки.

Нос моей машины направлен прямо в фюзеляж «БИ-25». Вижу, как от него разбегаются техники, мотористы.

Ничего не остается, как уменьшить угол планирования, а следовательно, и потерять скорость. Без работающего мотора ее уже не восстановишь.

Проскакиваю мимо бомбардировщика, резко беру ручку на себя, чтобы за счет максимальной подъемной силы на большом угле атаки крыла компенсировать недостающую скорость. Но, увы, самолет резко проваливается. Большой ход амортизаторов несколько смягчает удар, однако силовые узлы конструкции не выдерживают и крылья самолета складываются над моей головой наподобие шалаша.

Вылез из самолета, снял парашют, с грустью смотрю на искаленную стальную птицу. А ведь могло кончиться куда хуже. Значит, хороший самолет, надежный. Может стать верным товарищем в бою. Только вот мотор...

Руководство института с моим мнением согласилось. Составили отчет о совместно проведенных заводских и государственных испытаниях. Рекомендовали запустить самолет «И-185» в серийное производство, тщательно устранив обнаруженные неполадки в моторе.

При рассмотрении отчета в правительственных кругах обратили внимание на дальность полета самолета, определенную расчетным путем. Но эти данные оказались не вполне убедитель-

ными. Н. Н. Поликарпову предложили провести дополнительное испытание на расход горючего.

Меня в это время уложили на госпитальную койку. На самолете другого конструктора, который я испытывал, загорелся в воздухе мотор, произошла авария.

Оставшись опять без шеф-пилота, Николай Николаевич Поликарпов приехал ко мне в госпиталь, поведал о своих затруднениях. Подумав немного, я посоветовал пригласить В. А. Степанченка. Разве мог я знать, что этим советом подписал смертный приговор близкому другу и выдающемуся летчику-испытателю?

В одном из полетов коварный мотор М-71 опять остановился. Произошло это над Центральным аэродромом Москвы, окруженным со всех сторон постройками. Напрасно летчик, совершивший не одну сотню посадок без мотора, опытный планерист-рекордсмен, обладавший в безмоторном полете чуть ли не чутьем птицы, прилагал все свои способности, чтобы дотянуть до летного поля. Высоты ему не хватало.

Трагическая гибель В. А. Степанченка окончательно решила печальную участь отличного, но крайне незезучего из-за недоведенного мотора опытного самолета «И-185».

На Николая Николаевича Поликарпова последние неудачи произвели крайне угнетающее впечатление. Болезнь свалила его в самом расцвете творческих сил и энергии. 19 августа 1944 года Н. Н. Поликарпов не стало. Из жизни безвременно ушел один из одареннейших авиационных конструкторов советской страны.

Очередное задание не отличалось новизной. Обычные государственные испытания. Некоторое недоумение вызвал сам самолет. НИИ ВВС до предела загружен работой, а тут вдруг ему поручают испытывать спортивный самолетик. Сконструировал его

А. С. Яковлев. Машина рассчитана на выполнение всех фигур высшего пилотажа.

С товарищами Александра Сергеевича мне уже приходилось встречаться. Год назад довелось полетать на его «АИР-6». Хороший, легкий самолет, приятный в управлении, с отличным обзором вниз. То была связанная машина и имела, так сказать, весомое назначение. Этот же, «АИР-14», с мотором М-11, судя по описанию, предназначался для чисто спортивных целей.

Однако в армии не положено расспрашивать, почему да зачем. Получил приказ и выполняй. На этот счет у нас в институте было строго.

Прибыв на Центральный аэродром, я доложил начальнику летно-испытательной станции о своем задании.

— Четырнадцатый готовить к полету! Да быстренько! — распорядился он. И, обернувшись ко мне, добавил: — Вон ваш самолет.

Смотрю — стоит там кроха крохой. Иду к ней. Возле самолета механик.

— Один момент, — говорит он и, взвалив на плечо хвост самолета, легко разворачивает его и тащит на летное поле.

Механик начинает копаться в моторе. Я уса-

живаюсь на парашют и невольно любуюсь машиной. Величиной она с авиетку. Изящные плавные линии, яркая броская раскраска не режет глаз.

К стоянке идет начальник летно-испытательной станции и вместе с ним еще кто-то. Даже издали заметно, что этот «кто-то» основательно распекает начальника.

Подошли. Незнакомый в гражданском костюме отличного покроя, со смуглым красивым русским лицом зло бросает механику:

— Самолет поставить на место.

— Есть на месте! — вытягивается механик и снова взваливает на плечо хвост машины.

— Как так на место? — вскакиваю я с парашюта. Мелькает смутная догадка: не Яковлев ли это? С ним я еще никогда не встречался. Но кто бы он ни был — все равно. Я прибыл сюда не свежим воздухом дышать... — Самолет «АИР-14» приказано принять на государственные испытания.

— Знаю, — отвечает неизвестный в гражданском костюме и, протягивая руку, представляет: — Яковлев.

Потом меряет мою длинную фигуру взглядом и произносит:

— С таким-то ростом и лететь на такой маленькой машине...

Пришлось объяснить, что я являюсь командиром испытательной эскадрильи НИИ ВВС и у нас заведен такой порядок: пока сам не полетаю на поступившем для испытаний самолете, другой летчик на него не назначается.

В ответ конструктор пожал плечами и махнул рукой. Механик снова потащил самолет на площадку.

Так я познакомился с Александром Сергеевичем Яковлевым. Это знакомство продолжалось затем на протяжении всей моей работы в авиации.

Самолет «АИР-14» оказался весьма чутким. Я лично провел испытание на снятие летных характеристик, выполнил весь высший пилотаж, штопор, дал заключение: машина вполне пригодна для Осоавиахима. Затем начался облет самолета другими летчиками. Впоследствии «АИР-14» переименовали в «УТ-1», и он стал одним из основных учебно-тренировочных самолетов.

Вслед за «АИР-14» на испытание пришел двухместный учебный самолет А. С. Яковлева «АИР-10». На его базе затем был создан «УТ-2» — учебно-тренировочный самолет, сыгравший огромную роль в подготовке летных кадров нашей страны.

Александр Сергеевич Яковлев — человек удивительной творческой инициативы, обладающий бесценным даром чутко улавливать текущие нужды авиации и завидным умением заглядывать в будущее. С нашей первой встречи прошел всего год, а я уже испытывал его третий опытный самолет — тренировочный двухместный, под шифром «20» с французским мотором «Рено». Взлетел я на нем 4 июля 1937 года. Машина очень хорошо летала на спине и выполняла замедленный пилотаж. До этого у нас производился только быстрый, так называемый штопорный пилотаж.

Высокими летными качествами обладала и другая машина А. С. Яковлева, поступившая на испытания буквально через несколько дней после самолета «20». В закрытой общей кабине спереди помещался летчик, а два пассажира садились на просторном сиденье в виде ди-

вана. Самолет также имел французский мотор «Рено» в сто сорок лошадиных сил.

Кстати, этот самолет Александр Сергеевич впоследствии подарил известному конструктору Сергею Владимировичу Ильюшину. В один из перелетов несколько подносившийся мотор отказал. Ильюшину пришлось садиться на распаханное поле. Колеса самолета на пробеге зарылись в землю, и машина на значительной скорости скапотировала.

Летчикам особенно нравилась в самолетах А. С. Яковлева простота техники пилотирования при отличном маневре, а также легкость конструкций, изящество форм. Восхищала и та быстрота, с которой они выходили с опытного завода.

Однажды будучи вместе с депутатом Верховного Совета СССР Степаном Павловичем Супруном на заводе у Яковлева, мы разговорились с Александром Сергеевичем о новой его продукции.

— А почему бы нам не взяться создать легко маневренную машину для истребительной авиации? — сказал Супрун.

Я горячо поддержал идею друга. Александр Сергеевич как-то уже слишком многозначительно улыбнулся и промолчал.

И что вы думаете — через некоторое время на аэродроме появилась изящная одноместная машина «И-26». Мощный мотор М-105 водяного охлаждения. Два пулемета, стреляющие через винт. В развале цилиндров установлена 20-миллиметровая пушка. Истребитель!

Короткие заводские испытания, и машина передается на государственные. 10 июня 1940 года я облетаю ее. Предварительное заключение положительное. Но для доводки заводу понадобилось около четырех месяцев. На государственные испытания самолет поступил только в октябре.

В один из выходных дней я начал выполнять высший пилотаж. Истребитель вел себя послушно, даже на штопоре.

Характерно, что «И-26» еще по моему предварительному заключению пошел в серийное производство. Поэтому по окончании испытания мы смогли сразу приступить к тренировкам на серийной пятёрке для участия в ноябрьском воздушном параде. Новая машина А. С. Яковлева получила имя «Як-1», вскоре ставшее широко известным. Наша со Степаном Павловичем уверенность, что Александр Сергеевич может создать хороший истребитель, полностью оправдалась.

1940 год был урожайным на новые истребители. В научно-испытательный институт Военно-Воздушных Сил один за другим поступили «И-301» и «И-200».

Истребитель деревянной конструкции «И-301» построили трое: С. А. Лавочкин, В. П. Горбунов и М. И. Гудков. Высотный истребитель «И-200» сконструировали А. И. Микоян и М. И. Гуревич. Обе машины успешно выдержали испытания. Они обладали очень высокими летно-боевыми характеристиками, пошли в массовую серию. Первый под наименованием «ЛаГГ-3», второй «МиГ-3». Вместе с «Як-1» они явились основными самолетами истребительной авиации, использовавшимися в первом периоде Великой Отечественной войны.

Вслед за опытным одноместным истребителем «И-26» Александр Сергеевич выпустил в

принципе аналогичный, но уже двухместный учебно-тренировочный самолет «УТИ-26». Эта машина оказала нашей авиации поистине неоценимую услугу. Она дала возможность быстро и качественно готовить летные кадры для самолетов «Як-1», «ЛаГГ-3», «МиГ-3». Не будь ее, трудно сказать, как бы мы справились с массовым переучиванием летного состава на новую авиационную технику. Ведь задача создания универсального учебно-тренировочного самолета никто из конструкторов, кроме А. С. Яковлева, в то время так и не решил.

«И-26» послужил прототипом для создания целого семейства «яков», удовлетворявших разнообразные фронтовые запросы. Среди них были и облегченные варианты с разными запасами горючего, различным вооружением. А. С. Яковлев даже разработал вариант бомбардировщика, производившего бомбометание с пикирования.

«Яки» выпускались на нескольких авиационных заводах и внесли немалый вклад в дело разгрома гитлеровской Германии. Мне довелось летать на всех этих машинах — от первой до девятой (с прибавлением многих букв русского алфавита), испытывать, доводить.

НАКАНУНЕ

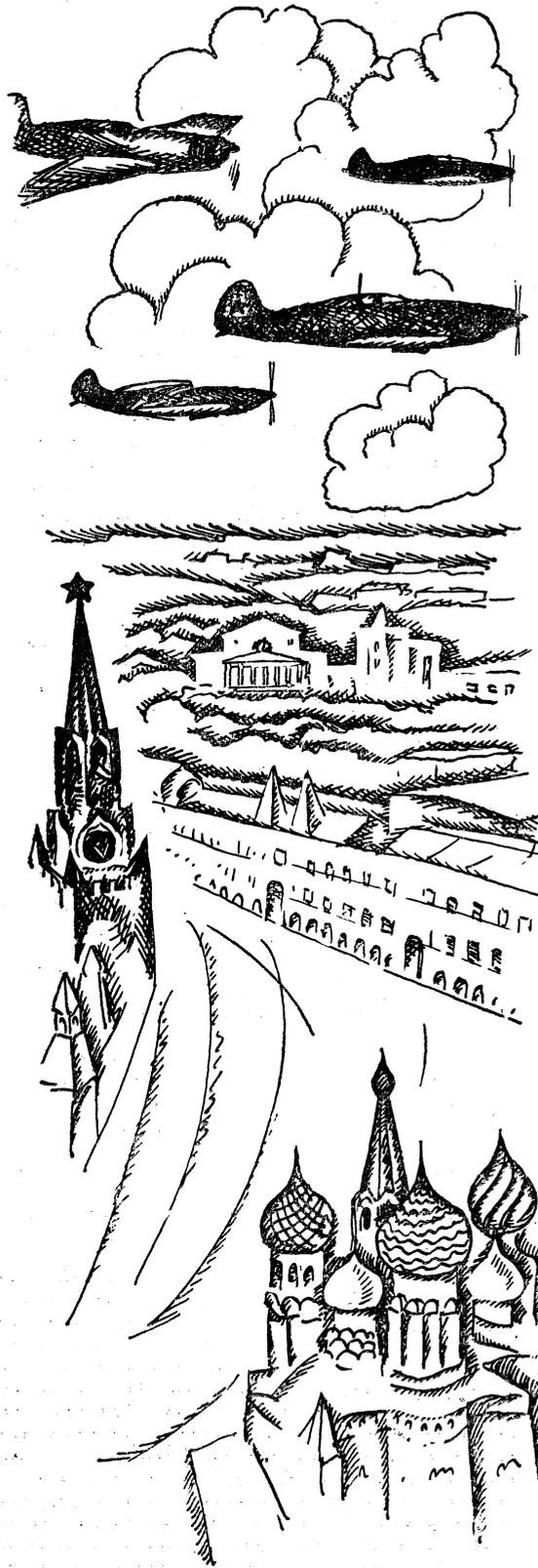
К концу тридцатых годов я освоил полеты на ста сорока самолетах различных типов и назначений. Среди них было немало машин и иностранного производства. Наше правительство довольно широко закупало за границей лучшие образцы авиационной техники. Ряд зарубежных самолетов попал к нам в ходе боев Испании, на Халхин-Голе.

Испытания иностранной авиационной техники в НИИ ВВС Красной Армии, опыт воздушных боев в Испании и на Халхин-Голе — все это, несомненно, требовало самого тщательного изучения и вдумчивого обобщения накопленных данных, объективных выводов. Окончательные решения по всем важнейшим вопросам принимались Политбюро ЦК ВКП(б).

Состоянию авиационной техники было посвящено специальное совещание Центрального Комитета нашей партии. В Кремль пригласили высшее руководство Военно-Воздушных Сил и Наркомата авиационной промышленности, отдельных ведущих работников научно-испытательного института ВВС, в том числе и меня.

На совещании присутствовал И. В. Сталин. Нас попросили охарактеризовать нашу авиацию, и прежде всего, конечно, военную.

На таком исключительно авторитетном совещании, преследовавшем огромнейшие общегосударственные цели, мне довелось быть впервые. Внимательно, стараясь не пропустить ни одного слова, слушал я выступавших товарищей. Слушал и не всегда верил своим ушам. Речи вызвали недоумение, даже возмущение. Ораторы без конца восхваляли наши самолеты, которые якобы по всем статьям являлись самыми лучшими в мире, проявляли крайнюю беспечность в оценке новинок зарубежной авиатехники, а следовательно и выводы на будущее делали не совсем правильные. Особенно радужными и оптимистичными были речи командиров, воевавших в Ис-

пани и Монголии. Я не выдержал и попросил слова. Вначале старался говорить хладнокровно, но потом разошелся и начал резать правду-матку.

Ведь что получалось? Если виднейшие авиаторы страны с восхищением отзываются о наших самолетах перед самим Сталиным, перед Политбюро, значит беспокоиться об авиации, ее дальнейшем развитии нет нужды — все достигнуто, иностранцы оставлены позади, наши воздушные границы на самом надежном замке и, коль враг посягнет на СССР, советские бомбардировщики нанесут по нему сокрушающий удар.

Мое выступление прозвучало полным диссонансом в хоре предыдущих ораторов. Я говорил главным образом о недостатках, о неиспользовании в самолетостроении новейших прогрессивных металлов, особенно об отставании авиационного моторостроения, слабостях нашего самолетного оружия, о многих изъянах в конструкциях и самих принципах конструирования вспомогательного специального оборудования самолетов. В заключение высказал пожелание — максимально наращивать усилия в области совершенствования родной авиации, дабы не оказаться отстающими в будущих вооруженных столкновениях с капитализмом.

Мое, может быть, несколько запальчивое, но искреннее выступление длилось сорок минут, что, как мне позже разъяснили, считалось совершенным недопустимым на таком ответственном совещании. Я видел, что присутствующие, и особенно те, кто говорил до меня, были по меньшей мере шокированы. Однако меня никто не прерывал.

И. В. Сталин тоже не проронил ни слова. Как выяснилось много позже, мое резкое выступление ему не понравилось. Он поручил К. Е. Ворошилову лично поинтересоваться, что представляет из себя столь «пылкий оратор-летчик». Климент Ефремович незамедлительно вызвал к себе моего непосредственного начальника комбрига И. Ф. Петрова и прямо спросил, чем «дышит» летчик-испытатель Стефановский, Иван Федорович присутствовал на совещании, он откровенно ответил, что полностью согласен со мной, считает мое выступление правильным.

Климент Ефремович доложил о своем разговоре с И. Ф. Петровым И. В. Сталину, и у того резко изменилось мнение обо мне. Позже мне приходилось не раз выступать в присутствии И. В. Сталина и говорить о недостатках нашей авиации. Прямоту суждений он воспринимал уже без тени раздражения и предвзятости.

В первые месяцы 1941 года произошел ряд совершенно необычных для нас, работников НИИ ВВС, событий. Прежде всего, начались исключительно спешные работы по улучшению маневренности двух новых самолетов-истребителей — «ЛаГГ-3» и «МиГ-3». Вторым таким событием явилась неожиданная встреча на одном из банкетов с немецкой военной авиационной делегацией. Она прибыла для ознакомления с советской авиапромышленностью. В то время мы закупали у Германии и всесторонне испытывали все основные типы немецких боевых самолетов. И, наконец, в самом что ни на есть экстренном порядке проводилось переучивание одной истребительной дивизии, дислоцировавшейся на юго-западе страны, на новую материальную часть.

Все это настораживало и тревожило, служило предвестником чего-то из ряда вон выходящего. В искренность фашистской Германии, заключившей с нами пакт о ненападении, верилось с большим трудом. Мотивы? Мы, летчики-испытатели, оценивали явления и факты со своей колокольни: неспроста и у них и у нас перевооружение авиации новыми боевыми самолетами велось все возрастающими темпами.

Будущее... Разве знали мы, что война так трагически близка, когда чокались бокалами со своими скороспелыми «друзьями» на официальном банкете в честь немецкой авиационной делегации, приехавшей в СССР вслед за посещением Германии нашими авиационными специалистами.

Немцы побывали на наших авиазаводах. Одетые в гражданские костюмы, подтянутые, упитанные, они вели себя весьма бесцеремонно. Не удовлетворяясь пояснениями сопровождающих советских инженеров, то и дело заглядывали в нежелательные для чужих глаз места, засовывали пальцы в стволы авиационных пушек и пулеметов, стараясь точнее определить калибры самолетного оружия.

Наши не перечили, терпели. Как же иначе — друзья...

И вот мы за одним столом с этими «друзьями». Произносим тосты, улыбаемся, беседуем на различные, чаще самые отвлеченные темы. А под ложечкой сосет — наигранно все это, фальшиво... И все же никому из нас, советских летчиков — участников банкета, и в голову не могло прийти, что через три месяца мы схватимся с нашими гостями в беспощадном бою, что до грандиознейшей во всей истории человечества войны осталось всего девяносто дней...

В мае меня срочно командировали в Кишинев. Задача — переучить летный состав дивизии, которой командовал известный летчик генерал Осипенко, на самолет «МиГ-3».

В дивизии имелись два полных комплекта истребителей — старых «И-16» и «И-153» и новеньких «МиГ-3». На «мигах» не было сделано ни одного, даже пробного вылета. Пришлось немедленно браться за дело. И сразу сюрприз — летчики весьма недоверчиво относятся к новому самолету, никто вроде не горит желанием поскорее освоить его. Коль так, надо сразу показать, на что способен «МиГ-3». Взлетаю, выжимаю из машины все и даже немножко больше.

Кажется, рассеял подозрительность. Передали люди поглядывать с опаской на новый самолет. Переучивание велось, что называется, в темпе. Летали от ранней зорьки до наступления темноты. В числе первых летчиков дивизии, быстро переучившихся на «миги», был А. И. Покрышкин, будущий прославленный ас Великой Отечественной войны, трижды Герой Советского Союза, ныне генерал-полковник авиации, крупный военачальник.

Не знаю, как действовала эта авиадивизия на протяжении всей войны, но в ее начальный период летчики-истребители, полностью переученные на «МиГ-3», показали исключительные образцы боевого мастерства, личного мужества и героизма.

Чрезвычайно напряженная командировка промелькнула быстро. Снова родной институт, до мелочей знакомый аэродром, любимая работа — на этот раз, испытания закупленных нашим правительством немецких боевых самолето-

тов, срочное (опять срочное!) исследование их летно-боевых качеств.

Самолеты были самых последних серий: истребители — одноместный «мессершмитт» «Ме-109» и двухместный двухмоторный «мессершмитт» «Ме-110», одноместный экспериментальный истребитель с паровым охлаждением «Хе-100», в дальнейшем использованный на войне под маркой «Хе-113», бомбардировщики — «Ю-88», «Хе-11» и «До-215».

Проведенные испытания позволили нам обстоятельно познакомиться с авиационной техникой гитлеровской Германии. Летчики-испытатели определили как положительные качества, так и недостатки новых немецких самолетов. Стоит ли говорить, что впоследствии это помогло нашим авиаторам умело использовать в боях слабые стороны вражеских самолетов, навязывать немцам в воздушных схватках невыгодные для них условия боя.

Испытания новинок фашистской авиационной техники вместе с тем показали, что наши новые советские самолеты, такие, как «Як-1», «ЛаГГ-3», «МиГ-3», «Пе-2», «Ил-2», ни в чем не уступают немецким, считавшимся лучшими не только в Европе. Вот только мало, очень мало еще имелось у нас боевых машин последних марок.

Зловеще завывали мощные сирены. Боевая тревога! Сна как не было. Быстро одеваюсь и бегу на аэродром. Туда спешат все авиаторы.

Со стороны Москвы доносится частая стрельба зениток. Война?

Один за другим истребители поднимаются в воздух. Взлетаю и я, напрягая зрение, осматриваю сначала левую, потом правую полусферы. В предрассветной мгле не видно ни одного вражеского бомбардировщика.

Но война ли это?

Да, война. Долгие годы мы готовились к ней, на то и военными были, а грянула она внезапно.

С каждым днем все тревожнее сообщают радио и газет — наши войска ведут ожесточенные бои с превосходящими силами противника... наши войска оставили населенные пункты...

Ежедневно в кабинетах начальника института и его заместителей, в партийном комитете собирается много народу. Мы уже не просим, а требуем немедленной отправки на фронт. Ответ получаем один и тот же:

— Занимайтесь своим делом. Об отправке вас на фронт никаких распоряжений сверху не поступало.

Заниматься-то занимаемся, летаем, испытываем, но все делается как-то механически, без прежнего огонька. Думы каждого там, на фронте, где пылают наши города и села, гибнут советские люди, где враг продвигается в глубь нашей страны. Но солдат есть солдат...

Внешне институт живет по давно заведенному распорядку. Все ведут себя деловито, спокойно. Но в сердцах наших кипят страсти. Нас, испытателей, считают лучшими летчиками, а вот туда, где мы сейчас больше всего нужны, не пускают. Гордией узел какой-то...

Узел этот разрубил Степан Супрун, депутат Верховного Совета СССР, Герой Советского Союза. Когда началась война, он отдыхал в Сочи. Услышав по радио о нападении на нашу страну гитлеровской Германии, он немедленно направился в Москву, прямо к И. В. Сталину с просьбой разрешить ему сформировать из летчиков-испытателей авиационно-испытательный полк и немедленно вылететь на фронт.

— Это очень хорошо,— произнес И. В. Сталин,— что испытатели готовы помочь нам и на фронте. Но одного полка мало.

— Можно поручить моему другу подполковнику Стефановскому,— ответил Супрун,— организовать еще один полк истребителей.

— Все равно мало,— сказал И. В. Сталин.— Войне нужны десятки, сотни полков. Постарайтесь организовать в НИИ возможно больше добровольцев. Срок формирования частей — трое суток. По приезде в институт немедленно доложите, сколько полков можно организовать у вас на новых самолетах и кто будет ими командовать. Все необходимые распоряжения будут отданы. Вам на период формирования предоставляются большие полномочия. До свидания. Желаю вам удачи, товарищ Супрун¹.

С какой радостью встретили в институте это известие Степана Павловича! В узком руководящем кругу мы немедленно обсудили поставленную перед нами задачу. В Кремль полетело донесение: на базе НИИ ВВС и Наркомата авиационности можно создать шесть авиационных полков — два истребительных на «МиГ-3», один штурмовой на «Ил-2», два бомбардировочных на пикирующих «Пе-2» и один дальнебомбардировочный на «ТБ-7» («Пе-8»). На должности командиров этих частей соответственно подобраны С. П. Супрун, я, Н. И. Малышев, А. И. Кабанов, В. И. Жданов, В. И. Лебедев.

Через три дня Супруна, Кабанова и меня вызвали в Кремль к И. В. Сталину.

— Как, формирование полков закончено? — сразу спросил И. В. Сталин.

Первым доложил подполковник С. П. Супрун: к вылету на фронт готова половина его полка, готовность остальных через сутки. Мы с полковником А. И. Кабановым доложили то же самое.

— Хорошо, — в раздумье сказал И. В. Сталин.— Куда вылетать и в какое время, получите приказ сегодня. Оставьте своих заместителей для завершения формирования. Сами с готовыми экипажами по получении приказа вылетайте в пункты назначения. Есть у вас вопросы?

— Есть, — заявил Степан Павлович. — Нельзя ли нам получить по самолету «Ли-2» для переборки техсостава и боеприпасов. Истребительным полкам нужны также лидеры. Ведь мы, истребители, редко летаем по маршруту.

— Хорошо,— последовал ответ И. В. Сталина.— «Ли-2» будут выделены каждому из полков, в ваше полное распоряжение. Лидеров для истребителей назначит товарищ Кабанов. Желаю успеха.

В НИИ ВВС возвращаемся молча. Каждый из нас прекрасно сознает, какая огромная ответственность легла на его плечи. И в который раз задает себе вопрос: что ждет мой полк завтра, там, на фронте...

ЩИТ МОСКВЫ

Густо залепленный разноцветными заплатами старенький трудяга «У-2» благополучно дотянул до Чкаловского аэродрома.

Когда я рулил к стоянке, на нижнее крыло самолета вскочил не большого роста человек

в летной форме.

— Ты, Петр Михайлович? — послышался из темноты неожиданно знакомый голос.— Жив, голуба!

Да ведь это полковник Бабкин! Работает теперь заместителем начальника института по летной части.

Крепкие рукопожатия, дружеские похлопывания по плечу. По поведению Бабкина догадываюсь, что он ждал меня, что-то знает, а не говорит. Спрашиваю прямо:

— Зачем вызвали? Не тяни за душу, знаешь ведь.

— Конечно, знаю. Есть приказ: тебя немедленно домой, к жене. И чтоб от нее — ни шагу. Понял?

Полковник И. П. Бабкин явно наигранно оглядывается и полушепотом заканчивает: — Что натворил-то, головушка бедовая? В Кремль вызывают, завтра же.

— Зачем?

— Амба, брат, больше ничего не знаю. И то, кажись, лишнее сболтнул. Но ведь для друга...

...Коротка июльская ночь. Уже пора ехать. Жена смотрит тревожно, а что я ей скажу? Даже куда еду, скажете не могу. Тайна. Зачем? И сам не знаю.

...Кремль. Туда доставил меня Н. А. Булгагин на своем автомобиле. При въезде никаких пропусков. А в комнате перед приемной И. В. Сталина — неожиданный вопрос, видимо, дежурного генерал-лейтенанта.

— Почему не сдали пистолет в бюро пропусков? Вы можете меня подвести...

Я объяснил, что прибыл в Кремль вместе с Н. А. Булгагиным, на его машине. Но и от такого ответа не просветлело лицо удрученного генерала. Пистолет ТТ пришлось положить в его письменный стол.

И. В. Сталин принял меня незамедлительно.

— Садитесь, — указал он на стул рядом с собой. И усталым голосом добавил: — Ну, рассказывайте, как воевалось.

Я коротко доложил о боевых действиях полка. Сказал и о теневых сторонах нашей авиации, о тяжелой обстановке, сложившейся на фронте к середине июля 1941 года.

И. В. Сталин слушал внимательно, молча. Когда я закончил доклад, задумчиво, словно взвешивая слова, произнес:

— Да... К сожалению, все эти ненормальности имеют место. Но мы принимаем меры... Что вы думаете делать дальше?

— Как что? — растерялся я от такого вопроса.— Полк есть. Пополнимся материальной частью и будем драться, товарищ Сталин, до последнего.

— Не надо до последнего, — услышал я в ответ.— Война только началась. Вы приобрели боевой опыт. Немцы собираются бомбить Москву. Надо защитить ее.

— Как прикажете, товарищ Сталин! — Я, кажется, даже встал по стойке «смирно».

— Не надо так говорить, — Сталин бросил на меня возмущенный взгляд. — Приказать каждый дурак может. Через три дня немцы будут бомбить Москву.

От такого заявления я оцепенел. А Сталин продолжал:

— Лучше скажите, что вы лично думаете.

— Надо принять все меры для защиты, — отвечаю я. — Думаю, что я смог бы принести некоторую пользу.

— Вот это уже другой разговор. Скажите, вам известно, кто непосредственно руководит обороной Москвы с воздуха?

— Известно, товарищ Сталин. Командир истребительного авиакорпуса полковник Климов.

— Кто такой Климов?

— Хороший летчик. Надежный командир. Прощел все должностные ступени в авиации.

— А сколько у него полков?

— Кажется, около тридцати.

— Вот-вот. А сколько заместителей?

— Командиру авиакорпуса по штату положен один, — отвечаю. А сам не пойму, куда клонит Иосиф Виссарионович. Но клонит, конечно, не зря.

— Так как же может один, даже хороший командир, управлять тридцатью подчиненными командирами? Со времен Римской империи известно, что один человек может плодотворно управлять не более чем пятью подчиненными. Есть у вас карта?

Я вынул из планшета десятикилометровку, масштабную линейку и цветной карандаш.

В дверях появился генерал, встречавший меня в приемной.

— Вызовите немедленно Жигарева, — приказал И. В. Сталин.

Генерал сразу же вышел. Пока я раскладывал карту, ориентировал ее, разглаживал складки, вошел генерал-полковник авиации П. Ф. Жигарев. Поздоровавшись с ним, И. В. Сталин провел на моей карте через центр Москвы две пересекающиеся прямые. Одна шла от Калинина, другая от Спас-Деменска.

— Так вот, — сказал он. — Создадим четыре сектора обороны Москвы с воздуха: западный, восточный, северный и южный. Начальники секторов станут одновременно заместителями командира авиакорпуса. Западный возглавит подполковник Стефановский, северный — нынешний заместитель командира авиакорпуса. Начальников южного и восточного секторов назначьте сами, — взглянул он на Жигарева, — проесть приказа представьте мне сегодня, в двадцать два часа... Отличившихся в боях летчиков вашего полка, товарищ Стефановский, представьте к награждению орденами. Всего хорошего!..

Жигарев и я ушли от И. В. Сталина озабоченными.

— Кого же поставить на восточный и южный сектора, как думаете? — тихо спросил генерал-полковник.

Вопрос не простой. Да и вообще, какое я имею право рекомендовать кого-либо. Ведь речь идет не об испытании нового самолета, а об обороне Москвы... Называю известных мне полковника Н. К. Трифонова и майора М. Н. Якушина. Отличные летчики, опытные командиры. Якушин всевал в Испании.

6-й истребительный авиационный корпус

ПВО, защищавший московское небо, фактически представлял собой воздушную армию, а только что образованные секторы приравнялись к авиакорпусам. В наш, западный, например, иногда входило от восьми до одиннадцати авиакорпусов.

СРОЧНЫЙ ПУНКТ

Командир авиакорпуса Иван Дмитриевич Климов (ныне генерал-полковник авиации запаса) всегда отдавал предельно краткие и четкие приказания. Так было и в этот раз.

— Срочно вылетайте, — сказал он мне, — получите там полк облегченных «яков».

Совершенно неожиданное задание. Идет война, я отвечаю за противовоздушную оборону западного сектора столицы, и вдруг извольте — занимайтесь еще и перегонкой техники на фронт. Неужели для этого нельзя найти другого человека, ну хотя бы кого-то из командиров полков?

Иван Дмитриевич словно угадал мои мысли, пояснил:

— На заводе за самолетами очередь. И не малая. Пошлю командира полка, поставят его в хвост, сколько ждать придется? Вас же, Петр Михайлович, там знают, уважают. Столько машин у них испытали!.. Поди, и дружки-приятели есть...

Нечего греха таить, и во время войны личные связи приходилось использовать. На приволжском заводе меня знали даже многие кадровые рабочие, не говоря уже о начальниках цехов и дирекции.

Директор завода генерал Израиль Соломонович Левин встретил меня как самого близкого человека, распорядился поставить еще одну кровать в своем кабинете.

— Самолеты получишь, — сразу заявил генерал, — для обороны Москвы никаких очередей быть не может. Но обождать немного придется. Боевые машины, сам знаешь, не блины...

В томительном ожидании прошли два дня. А на третий, ранним утром, в кабинете генерала зазвонил телефон ВЧ. Я получил приказ в течение двух дней провести испытание облегченного самолета «Як-1», составить подробный отчет и доставить его в Москву.

Только приземлился, ведя за собой длинную вереницу новеньких боевых самолетов, как сообщили: рассматривать отчет об испытаниях будет правительство. На следующий день меня вызвали в Кремль.

Спокойная уверенность и подчеркнутая деловитость царили под сводами старинных палат. Шло заседание Политбюро. Присутствовали руководители Военно-Воздушных Сил, авиационной промышленности и конструкторы.

Слово было предоставлено А. С. Яковлеву. Он коротко доложил о внесенных в конструкцию изменениях, которые позволили облегчить вес машин данной серии, повысить их маневренность.

— Мотористы опасались идти по такому пути, — четко и несколько громче обычного докладывал Александр Сергеевич, — они боялись преждевременного выхода моторов из строя. Но тем не менее я решил взять ответственность за риск на себя, и результаты получились весьма

положительные. Двигатель отлично отработал на форсированном режиме и на опытных машинах в процессе испытаний, и на серийных — непосредственно на авиационном заводе.

Конструктор закончил свое выступление. И. В. Сталин молчал, медленно прохаживаясь по залу. Затем остановился и сказал:

— Так почему же вы, самолетчики, занимаетесь моторами? Что же тогда делает дармоед Баландин?

Спустя много лет из книги А. С. Яковлева «Цель жизни» я узнал, чем закончился этот разговор в Кремле для заместителя народного комиссара авиационной промышленности Василия Петровича Баландина...

На совещании, о котором идет речь, рассматривались весьма актуальные задачи самолетостроения и боевого применения авиации.

Дело в том, что в то время на фронте появился новый немецкий самолет «Me-109Ф» с форсированным мотором. Для борьбы с ним требовался и соответствующий истребитель. На заседании сравнивались данные очередного «яка» с немецким «мессером». Наш имел летные характеристики не хуже. «Як-1» вообще-то не уступал «Me-109Ф». Но неграмотная эксплуатация его молодым летным составом частенько не позволяла полностью использовать силы этой машины.

Под конец заседания И. В. Сталин изложил точку зрения Политбюро по некоторым вопросам боевого применения авиации. Он говорил, что на фронте камуфлируют самолеты шероховатым слоем извести, это отнимает десять километров скорости; летают на максимальной скорости с полностью открытыми «юбками» моторных капотов и створками маслорадиаторов, это тоже отнимает километров пятнадцать; под плоскостями подвесили реактивные снаряды, что отнимает минимум двадцать километров; фонарь кабины летчика в боевых условиях открыт, что также снижает скорость на двадцать-двадцать пять километров.

— Мы, — продолжал И. В. Сталин, — подготовили проект постановления, в котором обязываем авиаторов: снять с поверхностей боевых самолетов кустарное маскировочное покрытие и делать это только в заводских условиях, убрать с плоскостей истребителей эрсы; летать на максимальных скоростях с «юбками» и жалюзи маслорадиаторов, установленными по потоку, а также с закрытым фонарем кабины. Вот вы, товарищ Стефановский, опытный летчик-испытатель, скажите, разве не так испытывают самолеты в НИИ? Как вы смотрите на наш проект постановления?

Взоры всех присутствующих обратились в мою сторону. Неожиданно заданный вопрос вначале поставил меня в тупик. Но, собравшись с мыслями, я ответил, что все мероприятия, предусмотренные постановлением, значительно повысят скорость наших боевых самолетов.

— Вот только последний пункт, — заметил я, — следовало бы, на мой взгляд, изменить — о закрытии фонаря. Это повлечет за собой значительное увеличение потерь из-за неосмотрительности летчиков в воздухе...

И. В. Сталин пристально посмотрел на меня: — Поясните, пожалуйста.

И я стал пояснять свою мысль. Плексиглас, выпускаемый нашей промышленностью, темный, как пивная бутылка. Фонарь в полете забрызги-

вается маслом, на солнце растрескивается, покрываясь разными узорами, и совершенно теряет прозрачность. Кроме того, фонари на наших самолетах не имеют обзора назад, их нельзя сбросить в случае аварии. На пикировании они не открываются. Летчик поврежденного в бою самолета лишается возможности покинуть неуправляемую или горящую машину.

Мне показалось, что мои доводы убедили всех, и я на минуту остановился. Тогда один из присутствующих руководителей министерства авиационной промышленности попросил разрешения задать вопрос:

— Вы утверждаете, что наши самолеты имеют плохой обзор, а разве обзор у немецких «мессершмиттов» лучше?

Вопрос был явно рассчитан на ликвидацию всех моих доводов.

— Да, у немецких обзор не лучше, и тем хуже для них! — ответил я с горячностью. И тут же рассказал вспомнившийся мне случай. Это произошло во время штурмовки вражеской мотомеханизированной колонны, прорвавшейся к городу Белый в период октябрьского наступления немцев под Москвой. Мне удалось тогда незаметно пристроиться к колонне вражеских машин и сбить одну из них буквально на глазах двенадцати фашистских летчиков. И ни один из фашистов, по-видимому, не заметил меня.

— Вот что значит плохой обзор у истребителя, — закончил я.

Меня не прерывали, терпеливо выслушали. И. В. Сталин тут же попросил Поскребышева соединить его с директором завода, производящего плексиглас для самолетных фонарей.

Связь сработала мгновенно. Сталин предложил директору завода резко повысить качество плексигласа.

— Сколько вам потребуется времени для перестройки производства? — спросил Сталин. — Полгода? Даю вам месяц срока. — Трубка с легким звоном легла на место.

— А вы, товарищ Яковлев, — обратился он к Александру Сергеевичу, — немедленно улучшите обзор фонаря кабины назад и сделайте на нем аварийный сброс. Нам же, товарищи, — заключил И. В. Сталин, — придется изменить проект постановления, оговорить в нем, что для приобретения навыков полетов с закрытым фонарем кабины обязать летчиков закрывать его в полете вне сферы действия истребителей противника.

Вскоре качество плексигласа было улучшено, форма фонаря на всех серийных самолетах изменена и сделано приспособление для аварийного сброса.

Встал вопрос о создании реактивной бомбардировочной авиации. Первой машиной, поступившей в НИИ ВВС на испытание, явился трехдвигательный бомбардировщик «Ту-14» Андрея Николаевича Туполева. Традиционное прямое, относительно толстое крыло. Экипаж — два че-

ловека — летчик и штурман. Испытывал машину известный летчик М. А. Нюхтиков.

Почти одновременно с «Ту-14» в институт

перегнали еще один самолет А. Н. Туполева — «Ту-14Р». Конструкторы прочили ему роль фронтowego разведчика и оснастили соответствующим оборудованием.

— Петр Михайлович, может, тряхнете стариной, испытаете разведчика?

Предложение Валериана Ивановича Жданова, заместителя начальника бомбардировочного отдела по летной части, показалось мне странным. В институте не принято было приглашать «варягов» как из других отделов, так и из числа начальников. Это считалось чуть ли не потерей отдельного суверенитета.

— Чем заслужил такую честь? — спрашиваю.

— У нас просто некому, — с лукавой улыбкой отвечает Жданов. — Все опытные испытатели уже имеют задания. А такое дело, сами понимаете, новичку не доверишь. Да и срочное оно.

Согласился. Давно уже не имел дела с бомбардировщиками. Вместе с ведущим инженером мы засели за изучение характера предстоящих испытаний. Тут-то и понял я значение лукавой улыбочки Валериана Ивановича. Предстояло сделать очень многое.

Программа включала: бомбометание осветительными бомбами ночью с разных высот, в простых и сложных метеорологических условиях; дневное бомбометание боевыми бомбами с высоты 10—12 тысяч метров по крохотному полигону, окруженному населенными пунктами; впервые исследовать полет с открытым нижним входным люком на всех скоростях, вплоть до максимально допустимой. Короче говоря, нужно было решить такие проблемы, по которым имелись лишь теоретические обоснования.

Однако взялся за гуж, не говори, что не дюж. Когда я посетовал на подвох Жданова, полковник Николай Петрович Цветков, назначенный на «Ту-14Р» штурманом, ответил несколько переиначенной русской пословицей: назвался летчиком — полезай в кабину.

Кабина, что и говорить, удобная. Все в ней размещено сподручно, разумно, по-туполевски. Запустил двигатели — и взлетай. Но машина не хочет взлетать, несется и несется по полосе. Прежде чем подняться на крыло, отмахала по земле неслыханно большое расстояние. Почти таким же долгим оказался у нее и пробег после посадки. В воздухе «Ту-14Р» вел себя вполне прилично.

В один из осенних дней забрались мы с Николаем Петровичем на «потолок» и приступили к бомбометанию. Я включил автопилот и передал управление штурману. Теперь все зависело от него. Мне оставалось лишь следить за точным сохранением высоты.

Видимость отличная. Все идет нормально. Посмотрел в сторону штурмана — что за чертовщина! Он снял шлем, кислородную маску и преспокойно работает со своей хитрой аппаратурой, отправляя на полигон бомбу за бомбой. И это на высоте 12 тысяч метров! Малейшее нарушение герметизации, и он в лучшем случае потеряет сознание...

Никакими ухищрениями не могу привлечь внимание Цветкова. Он продолжает действовать, то и дело докладывая:

— Бомба справа... слева... впереди... сзади... точно в цели.

Когда возвратились из полета, я начал распекать Николая Петровича

— Попробуй прицелься в шлеме и маске,—

отвечал он.— Боялся садануть по какой-нибудь деревушке.

Что ему возразить, если он прав! Маска действительно еще далека от совершенства.

— И все-таки нарушить инструкцию ты не имел права,— ворчу уже чисто по инерции.— Должен был доложить. Прервали бы испытания...

Цветков раскатисто захохотал:

— Прервать испытание из-за какой-то маски? Придет же такое в голову...

Ну что с ним поделаешь? Задание для него свято. Старый испытатель не раз был в тяжелых переплетах.

Наступил черед полетов с открытым люком. Поначалу натерпелись мы страху. Прибавишь скорость, и самолет наполняется невообразимым гулом, начинает весь вздрагивать. Кажется, вот-вот что-нибудь отвалится. Постепенно привыкли. Воющая машина оставалась исправной. Приступили к выбрасыванию макета парашютиста с действующим парашютом. Нужно определить, на каком расстоянии, в зависимости от скорости, проходит он под хвостом самолета. Замер выполняла кинокамера. Расстояние оказалось вполне приемлемым. Испытание закончилось прыжком парашютиста-испытателя.

В середине 1953 года, в связи с сокращением моей должности, мне предложили должность начальника школы истребителей. Я отказался. К креслу и письменному столу всегда поче-

му-то испытывал неприязнь. Согласился на перевод в Приволжский военный округ.

Наступила осень. По личному плану я выехал проверять работу вертолетной школы. Там шла обычная учеба. Мне, одному из первых в Советском Союзе освоившему вертолетное дело на двухмоторном вертолете И. Л. Братухина, все было очень интересно: и организация полетов, и новые мощные «стрекозы» Михаила Леонтьевича Миля. Из инспекторов округа на винтокрылых машинах никто не летал. Логично, что мне, имеющему некоторый опыт в этом отношении, следовало первому освоить «Ми-4», чтобы в дальнейшем самому проверять технику пилотирования руководящего состава.

Вертолет Братухина я практически в одиночку осваивал. У него имелось одно управление. На «Ми-4» было их два, равноценных. Поэтому я решил взять лучшего инструктора школы и под его руководством пройти вывозную программу.

Для моих тренировок начальник школы выделил одного из командиров полков. Мы сразу же приступили к полетам. Намеченную программу прошли в течение двух дней. Инструктор почти не вмешивался в мои действия, поскольку я уже имел некоторый опыт, основательно проштудировал теорию и изучил каждую строчку руководства по летной эксплуатации вертолета «Ми-4».

Предстояло совершить последние три посадки по-самолетному. На вертолете «Ми-4» такой вид приземления является как бы аварийным, применяемым в случае отказа мотора.

Первую посадку я совершил вполне удовлетворительно. Вторую, из-за ошибки в расчете,

с небольшим «недомазом». Но аэродром был огромный, ровный, и мы с инструктором не обратили на это особого внимания. Я решил не подтягивать — «недомаз» не превышал и ста метров.

Управление рычагом шаг-газа опущено в нижнее положение. Приземляю машину почти идеально.

Пробежав метров пятьдесят, вертолет вдруг плавно отделился от земли и оказался на высоте около десяти метров. Опускаю левую руку за шаг-газом. Пользоваться им не пришлось. Вертолет перестал подчиняться рулям и начал медленное горизонтальное штопорение в сторону, противоположную вращению лопастей. Одновременно аппарат постепенно наклонялся влево. Убрать мотор нельзя — произойдет резкое падение, возможна катастрофа.

Несколько томительных секунд, и лопасти полоснули по земле, запахло гарью. Привязные ремни оборвались. Командир полка навалился на меня, выбил себе зубы и сломал ногу. У меня вся голова в крови.

Падение произошло в десяти метрах от посадочного знака. Нам мгновенно оказали помощь, погасили начинавшийся пожар.

...В госпитале хирург заштопал рваные раны и сделал рентгено снимки позвоночника. Утром явился розовощекий подполковник медицинской службы — начальник хирургического отделения. Поздравил меня со счастливым исходом аварии и добавил:

— Скоро поправитесь. Нужно только регулярно заниматься лечебной физкультурой.

Я ознакомился с комплексом гимнастики и сразу приступил к занятиям. Упражнения причиняли резкую боль. Посоветовался с подполковником, он говорит:

— Тогда побольше ходите по госпитальному парку.

Гуляя по парку, я не переставал думать — почему же все-таки произошла эта нелепая авария? Из акта расследования известно — она случилась вследствие разрушения хвостового стабилизирующего винта. Ну а винт отчего разрушился? Ведь мы уже заканчивали пробег.

Снова и снова восстанавливаю в памяти полет, прослеживаю элемент за элементом, взвешиваю все «за» и «против». Постепенно картина становится ясной. Инструктор, заметив ошибку в расчете, видимо, размышлял: поправить ее или нет. Наконец решил вмешаться в управление, но незаметно, не отвлекая моего внимания. Инструкция требует плавного включения мотора, а решение к инструктору пришло слишком поздно. Выполненное им подтягивание совпало с посадочным положением вертолета. От толчка при заборе мотора подогнулся слабенький костыль. Хвостовой винт задел землю и разлетелся вдребезги...

Медицинская комиссия на этот раз наотрез отказалась допустить меня к летной работе, и летом 1954 года меня уволили в запас.

Уйти в запас летчику, отлетавшему двадцать семь лет, и в возрасте пятидесяти одного года... Трудно это и для сердца, и для разума.

Переехал с семьей в Москву. Утрясаю всякие житейские необходимости и с завистью смотрю в небо...

Нет, рано на покой, «на завалинку в валенках». Звоню генеральному конструктору А. С. Яковлеву. Через двое суток уже стал работать у него начальником летной станции.

Вскоре меня назначили исполнять обязанности заместителя главного конструктора.

Через два года я решил все-таки расстаться с заводом. Распрощался и с авиацией, которой отдал тридцать один год жизни.

УНИКАЛЬНОЕ СООРУЖЕНИЕ

«...По шатким ступеням мы осторожно спускаемся в глубокий темный колодец. На глубине семнадцати метров штольня переходит в длинный подземный коридор. В мерцающем свете факелов видны стены и потолок галереи, облицованные толстыми тесаными бревнами из лиственницы. Галерея настолько велика, что мы идем в полный рост. Вода до пояса, течение сильное...», — так описывают следопыты Свердловска интересное сооружение старое Урала, сохранившееся до

настоящего времени в районе города Полевского.

В 1876 году на притоке Чусовой речке Глубокой политические заключенные построили огромную по тем временам плотину, которая образовала Глубоченский пруд. От пруда прорыли подземную двухкилометровую штольню-туннель, которая затем переходила в открытый канал. Полевской металлургический завод получил воду.

Гидротехнические сооружения на реке Глубокой уникальные, подобных нет больше

нигде на Урале. Да и, пожалуй, в других районах нашей страны. Интересно, что колоссальная подземная штольня, канал, плотина Глубоченского пруда построены почти вручную.

Следопыты нашли ценные материалы по истории строительства. Они предложили объявить уникальный комплекс сооружений на реке Глубокой историко-гидротехническим памятником и охранять его.

В. ГОЛОВКО

СЪЕМКА ПОД ОГНЕМ

В годы гражданской войны молодой кинооператор Эдуард Тиссэ, имея на руках мандат, подписанный А. В. Луначарским, с трудом пробрался в осажденный дутовцами Оренбург и обратился к начальнику обороны города с просьбой позволить произвести съемки непосредственно в боевой обстановке. Аппаратура тогда была громоздкой, и Тиссэ дали один из трех имевшихся в Оренбурге автомобилей.

Протарахтев по мосту через Урал, грузовик покатил по степи к фронту. Вдали показались окопы. Высмотрев интересную точку съемки — высотку, Тиссэ попросил шофера направиться к ней. Ма-

шина поднималась по полоному склону. Неожиданно мотор заглох. И почти в ту же минуту оператор увидел в стороне казачью батарею.

Казачи сначала с любопытством разглядывали красный автомобиль, но через несколько минут бросились к орудиям. Неподалеку от оператора вздыбил землю разрыв снаряда.

Пока шофер пытался завести мотор, Тиссэ достал кинокамеру (она была очень тяжелой, и снимать полагалось только со штатива), крепко прижал ее к груди и стал крутить рукоятку. Снаряды рвались один за другим, но Тиссэ продолжал

съемку. Неизвестно, чем бы кончился этот поединок, если бы поблизости не проезжал на легковом автомобиле начальник обороны Оренбурга Великанов. Он вывез отчаянного кинематографиста из-под огня.

Редчайшие кадры вошли затем в одну из первых кинолент, созданных в годы гражданской войны.

Позднее Эдуард Тиссэ стал замечательным кинооператором, снявшим такие выдающиеся фильмы, как «Броненосец «Потемкин», «Александр Невский», «Иван Грозный».

В. АЛЬТОВ

АЛЕКСЕЙ ЕРАНЦЕВ

Коршун

Настыла речка. Клевер скошен.
Пеньки — под шапками опят.
В поблекшем небе бурый коршун
На крыльях собственных распят.

Свинцовый гром дуплетом грянет —
И, клювом загнутым хрустя,
В отавы падает стервятник,
Как бы срывается с креста.

●

Кузница

Там, на задворках, посреди
Подсолнечного гвалта,
Стучит у кузницы в груди
Набрякшая кувалда.

Плуги кует, подковы гнет.
И там, в угаре плотном,
Все дышит, дышит огонек
Одним дырявым легким.

●

Сенокос

Читаю овсяные строки —
И губы в горчичном меду.
Под стягом певучей литовки
В глубокие травы иду.

Сгораю в июльской плавильне
И счастлив на все времена,
Когда косолапый навильник
Кладет на лопатки меня.

Лежу, оплетенный вьюнками,
Омытый волной ветровой,
И тополь, зеленый и рваный,
Раскрыт над моей головой.

На дне обмелевшего луга
Смыкается тихая мгла —
И снова в литовке и спуге
Ищу очертанье крыла.

Рыбалка

Когда два солнышка сгорят,
Соединившись камышинкой,
Я, к удивлению щурят,
Качнусь и выловлю кувшинку.

И в мире, полном птичьих слов,
Пойму, с руки спуская сети,
Что мной задуманный улов
Разделят все-таки соседи.

Ни звезд не будет, ни росы,
И надо разглядеть получше,
Как в поле сыплются скворцы
Из надвигающейся тучи,

Запомнить запах бытия,
И знать, что никуда не денусь,
И так уйти, как будто я
На третье солнышко надеюсь.

Карантин

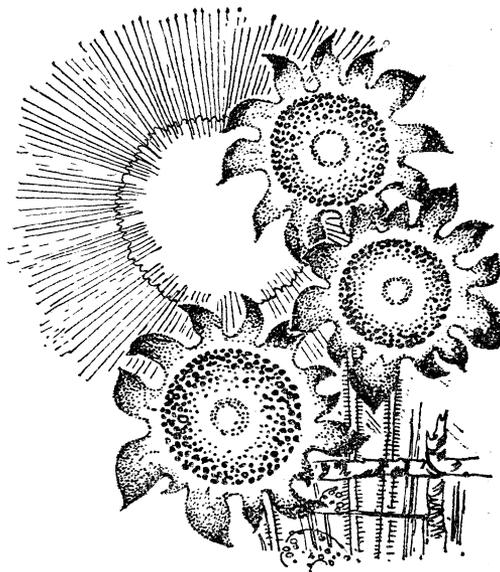
Село дышало, сдерживая кашель,
Не двигая обрубками дорог,
А сторожа подсаливали кашу,
Повесив на шлагбаум котелок.

И, вроде бы отравленные,
Были

Жердиной от меня отделены
Отцовские и дедовские были
И тещины дырявые блины.

Теперь деревня в гости зазывает,
В лощину красный высунув табун.
Шлагбаум на околице зевает,
Прохожих пропускает наобум.

И снова, как по щучьему веленью,
Срослись дороги,
Зреют пироги...
Перед порогом доброго селенья
На всякий случай, вытри сапоги.

У ОРИННЫХ ВЫСОТ

Зимой 1964 года группа туристов Одесского политехнического института, совершая лыжный поход по Западному Кавказу, пришла в станицу Зеленчукскую. В станице в тот день проходил траурный митинг. Хоронили воинов, которые погибли двадцать лет назад, защищая Кавказ от фашистов. Их останки были найдены высоко в горах.

А вскоре студентам попала книга А. Попутко и В. Гнеушева «Тайна Марухского ледника», которая рассказывала об обороне Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Авторы обращались к читателям, следопытам-альпинистам: с просьбой сообщить им все, что они знают или узнают о боях с гитлеровцами в горах. И тогда-то мы решили — проведем экспедицию по местам боев на Кавказе, и главное — сделаем сами и установим на перевалах памятник и мемориальные доски погибшим воинам.

Участники первой экспедиции в 1965 году имели конкретное задание: отряд следопытов-химиков увековечил на перевале Наур память погибших солдат и офицеров. На мемориальной доске надпись: «Героям Наурского перевала от комсомольцев города-героя Одессы».

В сентябре этого же года студенты института привезли на перевал Донгуз-Орун обелиск, который был посвящен воинам 897-го горнострелкового полка 242-й горнострелковой дивизии. Эти слова на нем читают сейчас все туристы:

Они стояли на пути врага,
Незыблемо, как эти горы.

Героям-альпинистам, воинам
Советской Армии.
Турклуб «Романтик», г. Одесса.

Когда через год мы снова готовились в экспедицию, пришло письмо от бывшего комиссара 3-го батальона 810-го полка, защитника Наурского перевала К. С. Расторгуева: «От имени погибших и оставшихся в живых защитников Кавказского хребта я преклоняю седую голову перед вами, комсомольцы и молодежь города Одессы, за то, что вы взглянули в прошлое нашей Родины, своих отцов и старших братьев. Да, пролитая кровь, нечеловеческие испытания перенесены нашим народом не даром. Вместе со старшим поколением молодежь строит общество, которое исключит войны и лишения. Вы стали мне родными, участники похода, туристы «Романтика».

На Втором Всесоюзном слете победителей похода по местам боевой славы советского народа в Москве мы познакомились со следопытами Пятигорского Государственного педагогического института иностранных языков и договорились вместе провести экспедицию летом 1967 года. Они предложили нам установить памятник воинам 25-го погранполка и курсантам 1-го Тбилисского училища на перевале Алаштраху. Здесь же на слете мы получили задание от Центрального музея Вооруженных Сил СССР, а позднее и от музея погранвойск на Кавказе.

Зимой в мастерской института изготовили две мемориальные доски. В поход вышли сорок два человека. Руководил экспедицией Виктор Чумаченко, председатель клуба «Романтик». Отряды возглавляли студенты: Лидя Полякова, Алла Дергунова, Валентин Луговской, Владимир Белюга, Анатолий Бондаренко. В экспедицию включился и ветеран 25-го погранполка Гавриил Алексеевич Безотосный.

Вот отрывки из дневника одного отряда.

10 июля. Первый походный день. Нас семеро, впереди — Алла Дергунова.

Солнце скрыто за тучами, идти не жарко, настроение у всех отличное. Преодолеваем участок крутого подъема и несколько минут отдыхаем. Затем снова вверх. Начал накрапывать дождик. Опять участок крутого подъема, самый длинный. Идти тяжело, скользко, двигаемся медленно. Дождь перешел в ливень, мы скользим и шлепаем по лужам и упрямо лезем вверх. Стал виден перевал Пыву и коши пастухов под ним. Через полчаса пастухи усадили нас у огня, рассказали, что два дня назад через перевал прошли наши группы. Угостили национальным абхазским кушаньем — мамалыгой, сыром и мясом. Вскоре мы продолжили путь. Вот и перевал. Наш высотомер показывает 2030 метров. Отсюда в конце августа 1942 года курсанты 1-го Тбилис-

ского пехотного училища начали наступление на селение Псху, занятое фашистами. Оставляем в туре записку и спешим вниз. Вышли в буковый лес и на большой поляне остановились на ночлег.

12 июля. От истоков реки Бигдази поднимаемся на перевал Госпитальный, а потом на перевал Белый. Идем развернутой цепью. Каждый внимательно осматривает местность. Первые находки — гильзы, обоймы, ручки гранат. Вот Юра Иващик поднимает исковерканный кожух от автомата ППШ, Алла Дергунова обнаружила три мины от батальонного миномета. На перевале несколько блиндажей, окопы, много советских винтовочных гильз, масленки, обоймы, стабилизаторы от мин, рубашки от гранат РГД. Неожиданно спустился густой туман, в нескольких метрах уже ничего не видно. Нашли ровную площадку, поставили палатки, а пока дежурные готовят ужин, осматриваемся. Оказывается, палатки стоят среди окопов немецких егерей. В камнях гильзы, банки из-под норвежских и португальских консервов.

13 июля. Поднимаемся на перевал Безымянный. Утро солнечное, небо чистое, вокруг дикие скалы, снежные вершины, а под ногами пестрый ковер альпийских цветов и трав. На высоте 2450 метров находим стрелковые ячейки егерей —

боевое охранение. Вскоре мы, сбросив рюкзаки, отдыхали на реке Кислой. Передохнув, пошли вниз по ущелью реки и через полчаса были в лагере пятигорских туристов. Здесь же состоялась встреча с Гавриилом Алексеевичем Безотосным, ветераном 25-го погранполка. Вечером к нашему лагерю подошли остальные группы клуба «Романтик». Обсудили план дальнейшей работы.

15 июля. Утром все вместе начали восхождение на перевал Санчаро. Два часа пути, и заблестел в лучах проглянувшего солнца наш памятник. Бежим к нему. «Вечная память героям Санчаро. От молодежи Одессы». Девушки принесли большие охапки рододендронов. Все замолкли, а руководитель экспедиции Виктор Чумаченко рассказал.

...В середине августа 1942 года оборону на перевале занял батальон 808-го стрелкового полка. Против него немцы бросили усиленный полк 4-й горнострелковой дивизии. Силы были неравными. Немецкие егеря перешли в наступление и, захватив перевал, начали почти беспрепятственно продвигаться на юг.

Над городами Черноморского побережья нависла опасность. И тогда была сформирована Санчарская группа войск. Когда противник овладел селением Псху и подошел к перевалам Доу и Гудаутскому, он был остановлен Санчарской группой наших войск. После тяжелых боев фашисты были отброшены на северный берег реки Бзыбь. Ожесточенные бои шли за селение Псху, но немцев выбили и оттуда. В середине сентября начались бои за перевал Санчаро. Подход к нему оказался труднее, чем предполагалось. Путь обстреливался из минометов с хребта и с соседнего перевала Адзапш. Попытки 307-го стрелкового полка выбить немцев ударами в разных направлениях оставались безрезультатными. Двое суток батальон младшего лейтенанта И. Саковского вел тяжелые бои, взбираясь по склонам хребта на гребень. Но не хватило сил, чтобы закрепиться. Не удался и удар посланной в тыл противника группы из 25 человек под командованием лейтенанта К. П. Малышева и младшего политрука Т. А. Адлерянца. Всех смельчаков нашли убитыми. Они лежали на снежнике. Гитлеровцы надругались над

телями героев. На руках, груди, лбу у погибших были вырезаны пятиконечные звезды.

Приближалась зима. Вершины Кавказского хребта начали покрываться снегами. На помощь 307-му полку и курсантам прибыл батальон 66-го стрелкового полка. 12 октября с наступлением темноты два батальона сосредоточились под скалами западнее перевала Санчаро... Условия для штурма сложились тяжелые. Слой снега достигал двух метров. Местами образовались непреодолимые завалы. Группы советских воинов по скользким скалам вышли к вершинам и рано утром внезапно атаковали фашистов. День и ночь на 14 октября шли бои на хребте. Дрались за каждый камень, за каждый выступ, местами бой переходил в рукопашную схватку. Утром сопротивление противника было сломлено. В три часа дня 14 октября 1942 года части 62-й дивизии и курсанты очистили перевал.

...В лесу под перевалом Санчаро в 1964 году наши следопыты нашли надпись на дереве: «Вечная память старшему лейтенанту Панцевичу и старшему политруку Пашиняну, погибшим в боях за Родину». Кто эти люди? Когда погибли? Начался поиск. В результате переписки с ветеранами боев за Кавказ мы узнали, что старший лейтенант Николай Васильевич Панцевич был командиром 3-го батальона 307-го стрелкового полка. Его батальон вел самые тяжелые бои и отличился в боях при взятии Псху. Погиб Панцевич в бою за высоту 1006 во время атаки. Младшец Григорьевич Пашинян — политрук 9-й стрелковой роты 3-го батальона погиб в том же бою.

16 июля. Сегодня группы поднимаются на соседний с Санчаро перевал — Алаштраху. Высота его 2700 метров. Блиндажи, окопы в полный профиль, гильзы. Здесь проходила немецкая линия обороны. Здесь наступали подразделения сводного полка, наши курсанты и пограничники.

С Алаштраху спуск на перевал Чемашха по хребту. Ни хребта, ни перевала сейчас не видно, так как все вокруг закрыто туманом. Мы спешим вниз. Через полчаса туман исчезает, зато начинается дождь. Мы с надеждой выглядываемся в каждый поворот тропы, и, наконец, перед нами коши пастухов. Из домика, несмотря на дождь, выбежали все обитатели.

Несколько наших ребят отправились на рудник, а оттуда на попутной машине в селение Псху. Им нужно было привезти на перевал цемент для памятника, купить продукты и встретиться с Мартыном Марковичем Казаренко, председателем сельсовета в Псху. Это старый друг следопытов. Много интересного рассказал

Мартын Маркович о боях в этом районе, так как был их участником.

18 июля. Встали в пять часов утра, расчищали площадку, принесли камни, воду, готовили раствор. Пока прикрепляли к памятнику мемориальную доску, девчата нарвали букеты цветов. К восьми часам утра все готово. Участники экспедиции выстроились на торжественную линейку. Сюда же пришли пастухи, геологи с рудника, местные жители. Митинг открывает Виктор Чумаченко. Все читают слова, высеченные на памятнике:

**БОЙЦАМ
и КОМАНДИРАМ
25-го ПОГРАНПОЛКА
т/к «Романтик» ОГК
Одесса, 1967 г.**

А выше, на медной полированной табличке выгравировано четверостишие:

Стоявшим насмерть здесь, на высоте,
Вам, павшим в грозный час на перевале,
Навеки жизнью благодарны те,
Кого у смерти вы отвоевали.

Минута молчания в память о павших в боях за свободу Родины. Потом Гавриил Алексеевич Безотосный рассказал, как сражались пограничники.

С Чемашхи наш путь лежал на перевал Цегеркер. Часа через два в долине реки Грибзы. Тропа, которая шла все время по правому берегу, вдруг исчезла, уперлась в скалы. Река шириной метра три, но течение сильное. На противоположном берегу стоит кош, несколько мальчишек наблюдают за нами, лают собаки. Поблизости нет никакого мостика. Выручил всех Гавриил Алексеевич. «А ну, хлопцы, давайте лошадь, девушек перевезти надо!» — крикнул он. И мальчишки, взяв лошадь, по очереди перевезли всех на свой берег. Ущелье становилось более узким, тропа все круче, идти тяжело. Неторопливо шагает вместе со всеми наш комбат, как зовут ребята Безотосного. Миновали границу леса, пересекли снежник.

Мы знаем, что на перевале Цегеркер воевали пограничники 25-го погранполка. Отсюда они совершили два дерзких рейда в тыл противника. Об этом нам писали ветераны полка, рассказывал Г. А. Безотосный, сообщалось в задании музея погранвойск. Но нужны подробности, факты.

Уже в сумерки достигли перевала. Справа от тропы большое родниковое озеро, с необыкновенно чистой водой. Спустились к кошу. И вскоре запылал костер.

19 июля. Поднялись в пять утра. Гавриил Алексеевич показывает груды камней справа от большого озера, где некоторое время находился в 1942 командный пункт его батальона. Неподалеку стоял со своим вторым батальоном Сергей Кондратьевич Виноградов. В камнях мы нашли обоймы, обломки солдатской каски, диск от ручного пулемета. Ребята начали устанавливать мемориальную доску, место для которой помог выбрать Безотосный: на высокой скале рядом с тропой недалеко от озера. Несколько ребят решили подняться к скалам, на которые указал Безотосный, — там находилась походная санчасть.

Гавриил Алексеевич подошел к нам, неся два рога горного козла. «Откуда это? — заинтересовались мы». «Однажды рано утром бойцы заметили на скалах горного козла. Меткий выстрел снайпера, зверь упал, скатился по камням вниз. Мясо бойцы разделили и съели. Сейчас я вспомнил этот случай и пошел к тем камням. Вот памятный сувенир. Не думал, что через двадцать лет найду рога на том же месте», — рассказал Безотосный.

Гавриил Алексеевич вспоминает своих однополчан: «В одном из боев особенно отличился снайпер полка Молибога. Он уничтожил 23 гитлеровца, из них 13 вражеских снайперов. Раненый в обе ноги, он не покинул поля боя и уничтожил после этого еще 5 фашистов. Скончался на руках у товарищей... До конца войны служила в 25-м погранполку санинструктор В. Д. Мамчиченко. Она вынесла с поля боя более 200 бойцов. В бою за перевал заменила убитого пулеметчика. Лично уничтожила восемь гитлеровцев. Награждена орденом Красного Знамени».

20 июля. Рано утром мы переправились на противоположный берег Лабы по мостику, что напротив коша. И пошли по пути рейдов пограничников.

23 сентября 1942 года по приказу командования из 1-го и 3-го батальонов была создана

рейдовая группа. 26 сентября она спустилась с перевала Цегеркер в долину реки Лабы и вела в тылу фашистов бои в течение трех суток. Наши воины уничтожали мелкие фашистские подразделения, выючный караван с боеприпасами и продовольствием, которые двигались для усиления обороны Санчарского перевала. В начале октября пограничники вместе со снайперами и отрядом моряков отправились во второй рейд в тыл врага. Они дошли до селения Загедан. В тылу у немцев были перерезаны линии связи, отряд завязал бой с крупным подразделением гитлеровцев и нанес ему ощутимые потери. Во время рейда совершил подвиг пограничник Левков, баянист, любимец полка. Он уничтожил из автомата 5 гитлеровцев и, будучи дважды тяжело раненным, продолжал стрелять. Третье ранение — в живот. Но он вел огонь по врагу, пока не умер от потери крови. В бою погиб младший сержант Б. П. Борисов, оставивший товарищам письмо, которое и сейчас хранится в музее погранвойск:

«Дорогая Настя! Передай мой привет и поцелуй Славику, мамаше. Если только эта записка попадет к тебе, то считай меня погибшим за дело народа, за Родину. Я служил в славном пограничном полку, который не раз громил немецких головорезов, громит их сейчас и будет громить до конца... Немецкие орды давно были бы в Сухуми, если бы их не прогнал наш полк... Товарищи пограничники! Кто прочтет эту записку, перешлите ее по адресу вместе с фотокарточкой».

Во время рейда пограничники и моряки прошли далеко в тыл к немцам, в поселке Загедан разгромили немецкий штаб, подожгли склад боеприпасов, нанесли большой урон гитлеровцам.

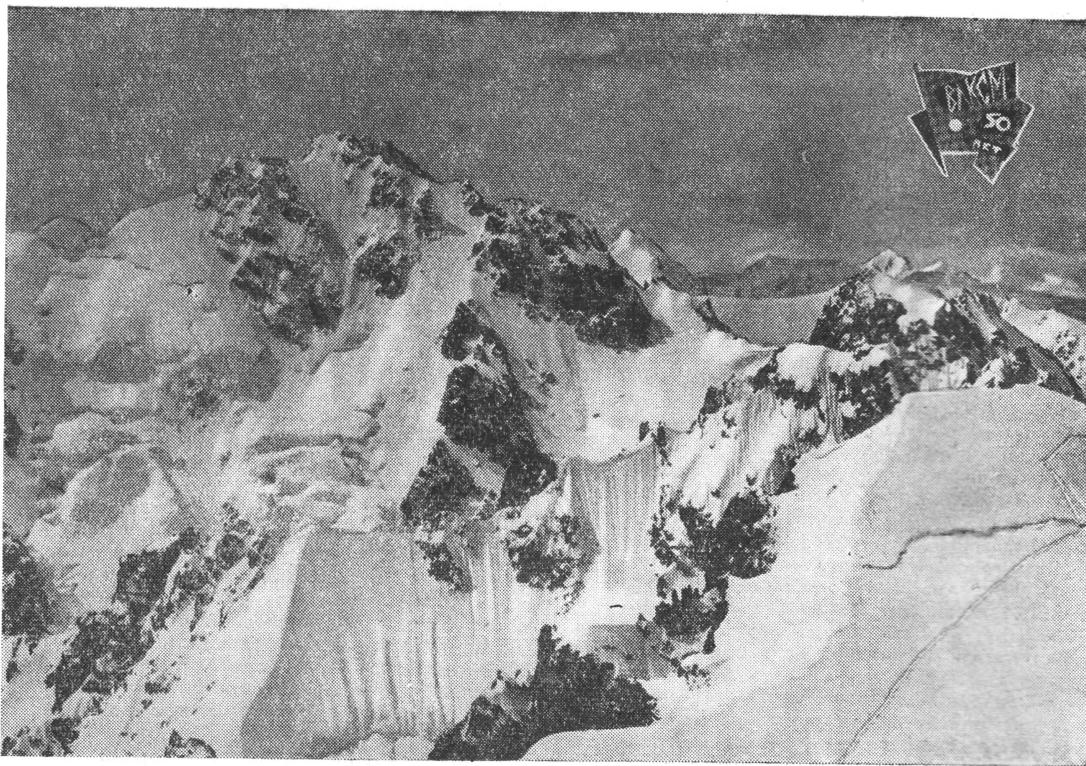
20 июля. Сегодня мы прощаемся с нашим комбатом. Гавриил Алексеевич уезжает домой, а наш путь — через перевалы Пхия, Клухор к Черному морю.

Из Пхии дали телеграмму о завершении экспедиции в Москву, в штаб Всеобщего союза похода. Но поиски продолжаются...

Оживленнее стала переписка с ветеранами. Псылаются запросы в архивы, военкоматы. Появились новые адреса защитников перевалов. Сейчас их более пятидесяти. Совсем недавно пришло письмо из Тирасполя от Веры Демьяновны Мамчиченко, которую по заданию музея погранвойск мы долго искали. И как итог нашей работы — оценка Центрального музея Вооруженных Сил и музея погранвойск: «Считаем, что задание выполнено на отлично».

Леонид СУХОВЕЙ,
комиссар IV экспедиции
клуба «Романтик»
Одесского политехнического
института

Царство гор.

НА
ПИК
КОМСО-
МОЛА

42

Идут рюкзаки.

Юбилейную альпиниаду в честь 50-летия комсомола организовал Свердловский обком ВЛКСМ. И вот мы, спортсмены разных предприятий и учреждений области, побывали в древних горах Тянь-Шаня...

За высокогорным катком Медео мы сделали первые шаги по горной тропе, а немного позднее и по вечному снегу. Огромное впечатление оставил амфитеатр гор — Альпинград. Отсюда мы начали восхождение на вершину имени 28 гвардейцев. Высота ее 4100 метров над уровнем моря. Здесь в тур положили маршрутную записку с именами семнадцати уральских альпинистов.

Самое интересное событие альпиниады — подъем на пик Комсомола. Сюда мы принесли бюст Владимира Ильича Ленина, выпелы, сувениры спортивных клубов.

На всю жизнь запомнилось нам, уральским альпинистам, древнее царство гор — Тянь-Шань.

Фото и текст В. БОГАЦКОГО

На аппетит не жалуемся.

По вечному снегу.

ГОРЬКИЙ — РАБКОРУ

Несколько лет тому назад в Миасский краеведческий музей пришел работник комбината «Миастальк» Вадим Скрябинский.

— Когда передать вам личные вещи и материалы моего отца, бывшего партизана и редактора городской газеты? Особенно прошу обратить внимание вот на этот документ.

«Этот документ» оказался личным письмом Максима Горького.

Как же оказалось оно в архиве бывшего активного миасского рабкора, а затем первого редактора городской газеты Вячеслава Алексеевича Скрябинского?

...В Миасс в годы империалистической войны из Риги был эвакуирован частный напильный завод. Отгремела на Южном Урале гражданская война, хозяевами завода стали сами рабочие. Они восстановили завод и добились, что миасский напильник на испытаниях превзошел по своим качествам английские и американские. Однако совнархоз решил развивать не миасский завод, а златоустовский цех этого инструмента. Вот тут-то в защиту родного завода и встал миасский рабкор Вячеслав Скрябинский. Летом 1929 года он послал свою статью «Миасские напильники лучшие в мире» в журнал «Наши достижения». Редактировал тогда его Горький.

Редактор не только лично прочел рукопись и сделал в ней некоторые поправки и дополнения, но написал письмо далекому уральскому корреспонденту.

Автор статьи привел разительный пример заботы рабочих о своем предприятии. Завод был тогда небольшим. Когда поступило новое оборудование, оказалось, что его некуда ставить. Тогда рабочие предложили соорудить в наскальном цехе помосты, вроде «полатей», а на них поставить станки. Уговорили пойти на это и администрацию и охрану труда. И вот на этих «полатях», почти под самой крышей цеха, насакальщики работали, пока не нашлось места для установки оборудования в другом помещении.

На Алексея Максимова этот случай произвел сильное впечатление, о чем можно судить по тому дополнению, которое он сделал в рукописи Скрябинского. На седьмой странице он подчеркнул красным карандашом такие строчки:

«Разумеется, рабочие, являясь хозяевами своего завода и, вместе с крестьянством, хозяевами всей страны своей,— не нуждаются в похвалах. Но все же этот факт самоотверженной работы надобно отметить, его смысловое, практическое значение не меньше боевых, партизанских выступлений уральцев в годы гражданской войны. Этот факт еще раз указывает на то, как растет государственное социалистическое самосознание рабочего класса».

К этой мысли Горький возвращается и в личном письме Скрябинскому.

А сколько добрых советов дал он рабкору о том, как надо писать статьи, чтобы они были интересны читателям... Вот текст письма:

*«Т-у Вячеславу Скрябинскому
Статья Ваша будет напечатана в 5-й книге. Черновик возвращается Вам для того, чтобы Вы видели, какие поправки и сокращения внесены в него.»*

Пишете Вы несколько сухо, и было бы хорошо, если б в следующих статьях деловая их суть украшалась веселой шуткой, бойким и метким словом, и вообще, всем, что так или иначе сможет сделать чтение такой деловой статьи более легким, интересным.

Надобно помнить, что журнал будет читать

РТИЩЕВО — АРЗАМАС — САРАТОВКА

В 1958 году в деревне Саратовке, Макушинского района, Курганской области умер старый учитель Василий Иванович Цепулин. Каждую весну в Саратовку приходят из окрестных деревень люди — взрослые и маленькие. Они любовно убирают могилу Василия Ивановича цветами, отдавая долг памяти человеку, вставшему на революционную стезю вместе с великим пролетарским писателем М. Горьким и многие годы связанному с ним.

...В те годы, в начале нашего века, молодой конторщик села Ртищево, Саратовской губернии, привлекал к себе молодежь веселым нравом, добрым характером, умом и начитанностью. Он писал свободолюбивые стихи, пел революционные песни. И не случайно, что он стал организатором и руководителем

первого в округе революционного кружка, весьма известного в истории революции 1905 года.

В Центральном Государственном архиве Октябрьской революции хранятся пламенные воззвания кружка к рабочим: «Сон на Первое мая» и «Женщинам-работницам». Они написаны рукой Василия Цепулина. Листовки, выпускаемые ртищевскими подпольщиками, распространялись в Пензе, Балашове, Козлове. Но их приходилось размножать от руки или на гектографе. Нужна была типография. И Вася Цепулин летом 1901 года решил ехать к сосланному в то время в Арзамас Максиму Горькому. «Это такой человек, — говорили ему друзья, — все равно поможет!»

Подробности их встречи неизвестны.

Известно лишь следующее:

рабочие всех производств: текстильщики, химики, транспортники и т. д., а также и крестьяне. Последние, конечно, обратят больше всего внимания на снижение себестоимости продукции, на улучшение ее качества. Это — очень важно, ибо способно убедить крестьянство в том, что рабочие работают «за совесть» и что снижение стоимости производства — их честная работа, которая не может не отозваться благоприятно на хозяйстве деревни. Вам ведь, наверное, известно, что крестьянин считает труд рабочего более легким, чем свой труд в поле. Это должно бы заставить Вас гуще подчеркнуть то место статьи, где Вы рассказываете, как рабочие устроили в мастерских 2-й этаж станков.

Вот те краткие указания, которые можно Вам предложить для будущих работ.

Всего доброго.
М. ГОРЬКИЙ».

К письму писателя была приложена записка секретариата редакции журнала, датированная 24 июлем 1929 года.

Интересна и личность адресата. Это один из типичных представителей того поколения, которое вызвала к жизни Великая Октябрьская революция. В числе вещей, принесенных его сыном в дар музею, именные часы с выгравированной надписью «Скрябинскому Вячеславу Алексеевичу от Уфимского исполнительного комитета Советов Р. К. и К. депутатов. 20 августа 1929», металлический жетон, покрытый эмалью «Герою революционного движения 1917—1918 гг», боевое ору-

жие — сабля с надписью «Бойцу Красной Гвардии и Красных партизан Скрябинскому Вячеславу Алексеевичу от Миасского райсовета», комсомольский билет.

Слава Скрябинский еще совсем парнишкой вступил в красногвардейский отряд усть-катавских рабочих, где были его отец и два старших брата. В 1918 году, когда вспыхнул чехословацкий контрреволюционный мятеж, юный партизан оказался в тюрьме. Но тщетно допытывались у него, куда запрятал отряд свое оружие — Слава не выдал тайны. От жестокой расправы его спас удачный побег.

Гражданская война выковала из Скрябинского смелого бойца. Он стал активным рабочим, журналистом. В начале двадцатых годов при его активном участии на Миасском напильном заводе стала выходить одна из первых на Урале многотиражных стенгазет, 100 экземпляров которой печаталось на гектографе. Потом он стал редактором первой печатной городской газеты «На борьбу». Был активным корреспондентом московской «Рабочей газеты», «Роста», а также уральской печати: «Уральского рабочего», «Уралроста», златоустовской «Пролетарской мысли».

Выпадали на долю Вячеслава Алексеевича и трудности. За свои разоблачительные статьи он подвергался гонениям. Только вмешательство центральной и уральской печати восстановило справедливость.

Письмо М. Горького В. Скрябинскому хранится в нашем краеведческом музее как дорогая реликвия.

В. МОРОЗОВ

после разгрома Ртищевского социал - демократического кружка в одном из отделений департамента полиции (от 21 февраля 1903 года) сказано:

«Из отобранной переписки, между прочим, усматривается, что известный литератор Алексей Пешков (Максим Горький) находился в письменных сношениях с некоторыми членами кружка и выражал готовность высылать им какие угодно книги».

И далее...

«Контрщик Василий Иванов Цепулин. У него взято собственноручное письмо Пешкова (Максима Горького), сообщающего, что едет из Арзамаса в Нижний и там приложит все усилия к тому, чтобы исполнить желание свое и его — Цепулина, заграничные адреса, клочок бумаги с записью о получении с различных лиц денежных взносов».

А вот и сам текст письма Горького Цепулину:
«Сейчас, Василий Иванович, я собираюсь ехать в Нижний

и там приложу все усилия, чтобы исполнить мое и Ваше желание. Из Нижнего напишу Вам о результатах. Мне пиши-

те в Арзамас, ибо я принужден буду возвратиться сюда.

Крепко жму руку, А. Пешков».

В. И. Цепулин со своими учениками

АЗЪ ВУКИ ВЪДИ

РАЗНО- ЛИКИЕ ЯЗЫКИ

Итак, мы узнали, что на свете существуют свыше трех тысяч языков, которые делятся на корневые, агглютинирующие (склеивающие), флективные (сгибающие), и полисинтетические (многосоставные). С первыми двумя группами мы познакомились в предыдущем номере¹. Теперь о флективных.

В них изменяется корень. Очень ярко эта черта проявляется в семитских (арабском, древнееврейском...) Так, в арабском языке корень **кѳ** значит «писать», между согласными звуками его вставляются гласные, с помощью которых различаются формы слова: **катаба** — написал, **куѳба** — был написан, **куѳбу** — пишущий, **укѳуб** — пиши, **куѳабу** — написанное, книга. Гласные могут ставиться в начале, и в конце, и в середине слова, причем порядок их в корнях одинаков. Вот, например: **кѳл** — убивать, в

него добавляются гласные так же, как и в корень **кѳб**: **катала** — убивать, **куѳила** — был убит, **куѳилу** — убивающий, **укѳул** — убей, **куѳал** — убитый. Гласные звуки здесь прослойка, придающая слову ясное значение.

Изменение корня — вот важнейший признак флективных языков. Но тут могут употребляться и приставки, и суффиксы, и окончания. В русском языке подобные средства распространены очень широко. К тому же очень часто суффиксы и приставки тесно примыкают к корню, настолько прочно срастаются с ним, что их уже не отделить, **не отклеить**, как суффиксы, например, агглютинирующих языков: турецкого, татарского. В слове **палуба** приставка **па** уже неотделима от корня **лѳб** (это слово означало когда-то «дубяная крыша повозки», потом получено новое значение — «корабельный настил»); слово **завидовать** не употребляется без приставки **за**, а **кольцо** — без суффикса **ц**.

¹ См. «Уральский следопыт» № 1—8.

Что же за желания были у Василия Цепулина, которые так хотел осуществить Горький? Документы подтверждают, что Горький хлопотал о приобретении в Варшаве (у одного из торговцев) для ртищевских революционеров типографии с резиновым шрифтом. Деньги на приобретение ее собирали также Горький и Цепулин. Осуществить мечту, однако, не пришлось: 6 февраля 1903 года кружок был разгромлен.

Как сложилась дальнейшая судьба Василия Цепулина? Ответ на этот вопрос дает открытка, адресованная Горькому в июне 1932 года. Ныне она хранится в личном архиве писателя. Содержание ее таково:

*«Алексей Максимович!
Я привез с собой «Черта». Вещь актуальная для настоящего времени, но необходима Ваша санкция. Мелочностью и посещением Вас затруднять просто «боюсь». Однако очень просил бы Вас позволить мне*

к Вам придти, т. к. не видел Вас с 1901 года и легче и скорее в моем присутствии установить некоторые положения в «Черте», которого очень хвалят те, кому читал.

Чтение «Черта» требует двадцать минут (эскиз-набросок), а развить его Вы лично можете до размеров большой книги или нескольких номеров журнала с иллюстрациями.

Если помните, то дело было так. В 1901 году летом я приехал к Вам в Арзамас и показал Вам «Путевые заметки». Познакомившись с ними, Вы обещали мои первые литературные шаги поддержать Вашей подписью. Но время... Меня вскоре посадили. Кочевал до ноября 1904 года. В 1906 году опять судили за революционные выступления. А затем тяжелая болезнь...

Сейчас я «затих». Работаю учителем в школе, в селе Лопатки, Уральской области с 1922 года.

Приехал в Москву 4 июля, пробуду лишь до 15-го. Адрес

для ответа: Москва, Усачевка, дом № 62, парттысячников, комната № 467.

*С товарищеским приветом!
Цепулин В.*

7.07.1932 года.

Р. С. Или лучше ответ передайте через вашего секретаря, а я буду приезжать в № 6 ежедневно за справкой».

Встретились ли Горький с Цепулиным в 1932 году? Каково содержание «Черта» — литературного труда Цепулина? Ответов на эти вопросы пока не имеем. Мы знаем о Цепулине лишь следующее: в период колчаковщины, во время кулацкого мятежа в Зауралье Василий Цепулин стоял во главе коммунистов волостного села Лопатки. Затем он — народный судья, председатель волисполкома, учитель. За выдающиеся заслуги перед Родиной он посмертно награжден орденом Трудового Красного Знамени.

М. ШУШАРИН

Суффиксы не меняются местами, как в турецком языке: нельзя сказать **строи-ство-тель**, а только **строительство** (а в турецком, как мы видели, **сэвмишлердир** и **сэвмишдирлер** — означает одно и то же — они любили).

Итак, флективные языки отличаются от агглютинирующих: 1) изменчивостью корня; 2) наличием приставок; 3) нестандартностью и многозначностью суффиксов и прочих грамматических частей слова; 4) тесным слиянием их с корнем. Уже упомянутый нами ученый Шлейхер сравнивал слова флективных языков с животным, у которого части организма связаны между собой гораздо теснее, чем у растения. У растения ясно различаются корень, стебель, листья, цветы, плоды. Если какую-нибудь из этих частей отделить, растению большого вреда не принесешь. Другое дело — животный организм. Его части настолько слитно соединены, что, отделяя какую-либо из них, можно нанести серьезный вред организму и даже привести его к гибели. Таким образом, три разобранных нами вида языков, вслед за Шлейхером, мы уподобляем кристаллам, растениям и животным. Три типа — три «царства». К ним присоединится еще один тип, еще одно «царство», очень странное и загадочное.

Это языки полисинтетические (многосоставные). Их слово равно предложению. Части слова равны членам предложения, при этом они настолько прочно соединены между собой, что проникают друг в друга. Они внедряют корень в корень, нанизывают слова как бы на единый стержень, в результате чего получается неделимое целое — слово-предложение. К таким языкам относятся: чукотский,

эскимосский, нивхский (на Сахалине и в Приамурье), языки индейцев Америки.

В одном из языков индейцев Мексики, например, предложение — я ем мясо — выражается словом **нинакаква**. Трех нашим словам соответствует одно. В языке индейцев племени чинук отмечено такое: **иниалюдам**. В нем корень **д** означает давать, начальное **и** — недавно прошедшее время, **н** — я, другое **и** — это, **ам** — ей. В целом — **я прибыл, чтобы отдать ей это**. Часто в многосоставных языках слова достигают большой длины. Так, у индейцев племени пайют имеется слово: **винтокучумпункурюганногвивантумю** — «те, кто сидя будут разрезать ножами черных коров» (по-видимому, соблюдая какой-то обряд). На языке нивхов, например, нельзя сказать: «**Иван** делает лодку». А нужно так: «**Иванолдкоделание**». На языке одного из индейских племен Канады предложение (слово) строится так: «**Он-их-теперь-этим-человек-тюлень-бить-гарпун**», что означает: «**Человек бьет тюленей гарпуном**». Если слова корневых языков можно сравнить с кристаллом, агглютинирующих — с растением, флективных — с животными, то с чем сравнить слова многосоставных языков? Трудно сказать. Может быть, они похожи на Тянитолкаю, изображенного у Чуковского в сказке о докторе Айболите. У этого диковинного зверя было две головы: одна впереди, другая сзади; одна спит, другая бодрствует; одна жует семя, другая — медовые пряники. Или с древним мифическим чудовищем Химерой, у которой голова петуха, тело козье, лапы льва и хвост змеи! Это, конечно, сказано шутки ради.

Все языки, независимо от их

строю, равноправны. Каждый обслуживает человеческий коллектив, общество людей, живущих и трудящихся сообща.

Кроме того, в любом из языков, относящихся к тому или иному типу, всегда имеются слова, построенные по другому типу. Русский язык — флективный, он имеет чередование (стой — встань, пою — пел); это его важнейшая черта. Но есть случаи, когда он близок к корневым, так как в нем немало слов односложных, несклоняемых и неспрягаемых: тут, там, где, здесь, вот, так, стоп, ай, ох, жаль, рад и т. д. Есть в русском языке и «склеивание», когда та или иная часть слова легко отделяется и легко прикрепляется: дом — домик; гора — горка; делать — сделать; петь — запеть. Есть и многосоставность, выраженная по-разному: или сложносокращенными словами (например, Росглавснабсбыткоопи н сою з, что означает «главный российский союз снабженческо-сбытовой кооперации инвалидов»), или — в устной народной речи — такое построение предложения, когда сначала идут «показатели», как в языке канадских индейцев, а потом уже полнозначные слова: «А он был там, Иван-то, в городе-то?» Таким образом, в пределах одного языка могут жить рядом черты разных типов. Один из них — главный, остальные — подсобные. Со временем язык может измениться по строению: так, английский (флективный) в течение нескольких веков очень сильно изменился в направлении к корневому; китайский (корневой) начинает приобретать черты «склеивания». Какой-либо общей линии развития строя у языков мира нет... Здесь, как говорится, «всяк молодец на свой образец».

В. ЖИТНИКОВ

МОЙ ДРУГ- ФАН- ТАС- ТИКА

Есть у Артура Кларка рассказ с таким названием — «Утечка информации». Чрезвычайно любопытный рассказ.

...Мастеру-кустарю Гансу Мюллеру какой-то прогоревший клиент принес в уплату за выполненный заказ вместо денег — телевизор. И Мюллер, подобно миллионщику до него, — «пропал». Ибо в паузах между рекламами ему открылся мир, о существовании которого он и не подозревал, — мир сражающихся космических кораблей, мир экзотических планет и странных народов, мир капитана Зиппа, командира «Космического легиона»...

Мюллер становится художником-декоратором этих передач, причем его эскизы будущего оставляют у зрителей ощущение небывалой достоверности и реализма.

Как-то поздно ночью к Мюллеру являются двое незнакомцев в традиционно надвинутых на глаза шляпах. Они прибыли, чтобы провести расследование. Оказывается, придумывая в своей кустарной мастерской интерьер космического корабля, «изобретая» протонное ружье, «проектируя» марсианский город Палдар («вид с воздуха»), изображая всевозможные иные картинки будущего, Мюллер произвольно выдавал... секреты инопланетной цивилизации!

48 Действительно — забавный рассказ, не так ли? Фантаст —

в роли агента-осведомителя... Однако самое любопытное в рассказе — в другом: как это ни фантастично, он основан на истинном происшествии, случившемся в Соединенных Штатах около четверти века тому назад.

...В один из августовских дней 1944 года в кабинет американского фантаста и издателя Мюррея Лейнстера вошли без стука два агента ФБР. Они потребовали сведений о человеке по фамилии Картмилл, чей фантастический рассказ «Мертвый коридор» Лейнстер опубликовал в последнем номере одного из своих журналов.

О самом Картмилле издатель почти ничего не знал. Но рассказ он помнил хорошо. Еще бы!... Об изобретении невероятного оружия — бомбы, при взрыве которой освобождается энергия, заключенная в недрах атома, — фантасты

в рассказе, были две небольшие полусферы из урана-235. Когда они соединялись, в массе урана возникала цепная реакция, которая и приводила к атомному взрыву. Автор детально описывал устройство атомной бомбы, сообщал температуру взрыва, рассказывал об ослепительной вспышке, об ударной волне, о губительной радиации...

Легко представить, какой переполох вызвал рассказ Картмилла среди людей, охранявших секретность работ по созданию первой атомной бомбы. Ведь рассказ появился почти за год до того, как чудовищные взрывы над японскими городами поведали миру об «успехе» пресловутого «Манхэттенского проекта». От кого писатель получил сведения для своего рассказа?... где слабое место в барьере секретности?... — вот что волновало агентов ФБР.

„УТЕЧКА ИНФОРМАЦИЙ“

писали не раз и не два; первым такую бомбу «сконструировал» еще мистер Уэллс, в 1913 году. Но здесь...

Здесь, в рассказе Картмилла, приводились поистине поразительные сведения! Основной частью бомбы, описанной

Разыскать Картмилла не составило большого труда. Но то, что он сообщил на допросе, показалось невероятным.

Нет, никакой «утечки информации» в этом случае не было. Писатель-фантаст пришел к идее создания атомной бомбы совершенно самостоятельно. Обдумывая конструкцию «своей» бомбы, он располагал лишь теми материалами, которые были опубликованы в открытой печати: официальными сводками данных по добыче урановой руды, газетно-журнальными статьями... Получилось совсем так, как позднее — в рассказе Артура Кларка: фантаст произвольно обнародовал тайну строго засекреченного военного изобретения.

Правда, не инопланетного...

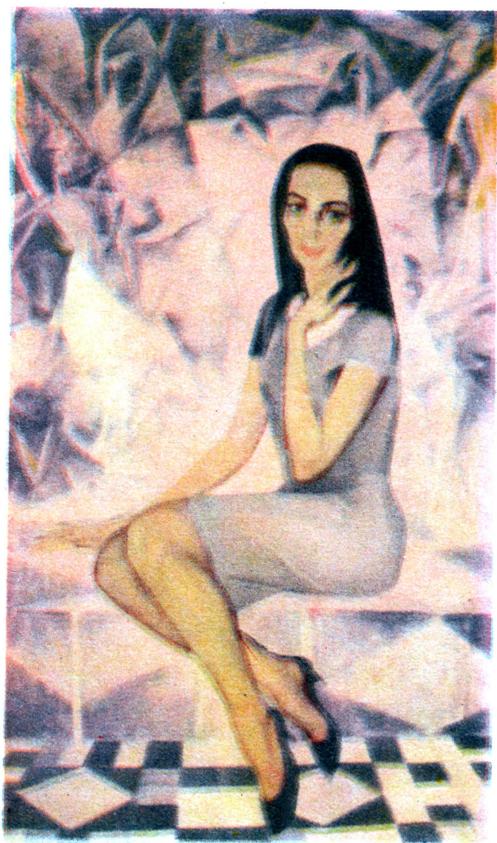
В. ИВАНОВ

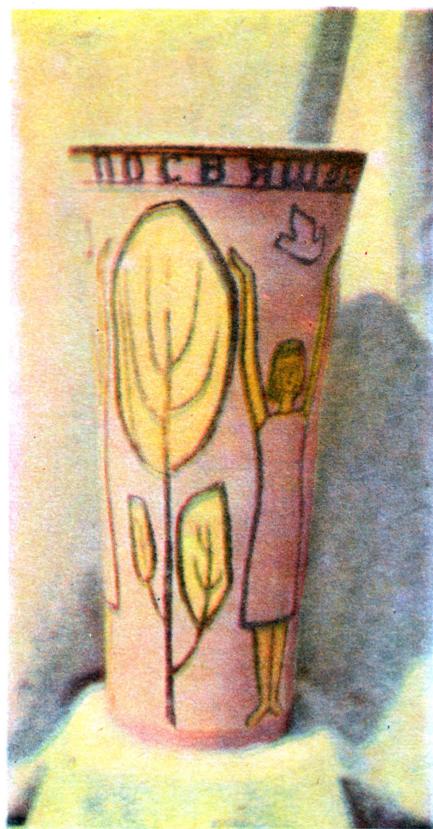

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

ФОТО В. СЕРДЮКА

ПОРТРЕТ БАЛЕРИНЫ
Е. ШИРОКОВ (*Пермь*)

ДЕКОРАТИВНАЯ ВАЗА ИЗ МАЙОЛИКИ —
ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ВЛКСМ

Р. ШЕВЯКОВА (*Пермь*)

Г. ГАЕВ (Свердловск)

ДЕЛА КОМСОМОЛЬСКИЕ

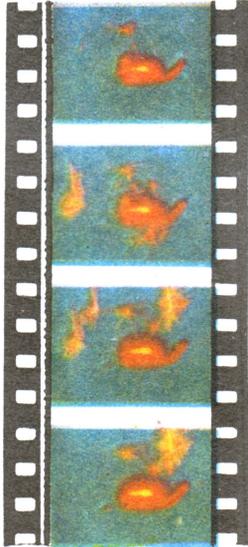

П О Ю Щ А Р

М У С И К А

БУЛАТ ГАЛҒЕЕВ

Понедельник — день оранжевый

Если признаться, вначале это было заявлено в порядке мимоходной игры ума: а что, если «малиновый звон» сделать и в самом деле малиновым, без кавычек? Так сказать, материализовать древнюю русскую метафору...

Простая, кажется, задача отняла у нас немало сил и времени. Пришлось ставить электрические часы, отключающие питание на полчаса между ударами, пришлось подключать фотодатчик, чтобы зря не тратилась энергия днем... Зато проверили на практике, как работают от звукового сигнала усилители большой мощности.

Но еще больше хлопот было после, когда все стали наперебой растолковывать нам, что звон вовсе не малиновый, а название свое взял от бельгийского города Малин, откуда Петр I будто и завез особенно звучные колокола (как раз перед испытаниями «малинового звона», на наше несчастье, какой-то филолог объяснил этимологию этого выражения по телевидению).

Конечно, никакой физической связи между звуком и цветом нет, и если искать ее, то только в человеке, в его психологии. И, вероятно, определение «малиновый» хоть и было «завезено» Петром I из Бельгии, закрепилось в русском языке именно потому, что насыщенный красный цвет больше соответствует густым сочным аккордам, чем, например, желтый. Так же, как звук трубы для всех — блестящий, яркий, а басы — чернее, темнее...

Интересно, как объясняет возникновение таких проявлений «цветного слуха» один из героев повести В. Короленко «Слепой музыкант» (разговор идет как раз по поводу малинового звона): «Я думаю, что вообще на известной душевной глубине впечатления от цветов и звуков откладываются уже как однородные. Мы говорим: «Он видит все в розовом цвете». Это значит, что человек настроен радостно. То же самое настроение может быть вызвано известным сочетанием звуков. Вообще звуки и цвета являются символами одинаковых душевных движений».

Но, оказывается, не это основное в объяснении Короленко. Вот главное: «так как и звук, и цвет, в сущности, сводятся к движению, то у них должно быть много общих свойств». А это значит, что между звуком и светом при их совместном воздействии на человека должна быть строгая связь во времени. Не так сильно «ударит» по глазам, если тот же малиновый звон вдруг станет желтым, как если бы произошел разлад между ударами колокола и вспышками прожекторов.

Но все страхи и мучения позади, ребята закончили установку аппаратуры, сказали последнее «прости» тяжелому бронзовому колоколу за всю эту модернизацию, колокол раскачали, и тяжелое «бо-ом!» озарилось красным пламенем.

Эффект получился неожиданно интересным, мощные лампы полыхнули из-под красных фильтров прожекторов в лад с нарастанием звука колокола! Звонница Спасской башни Казанского кремля озарилась «малиновым звоном»...

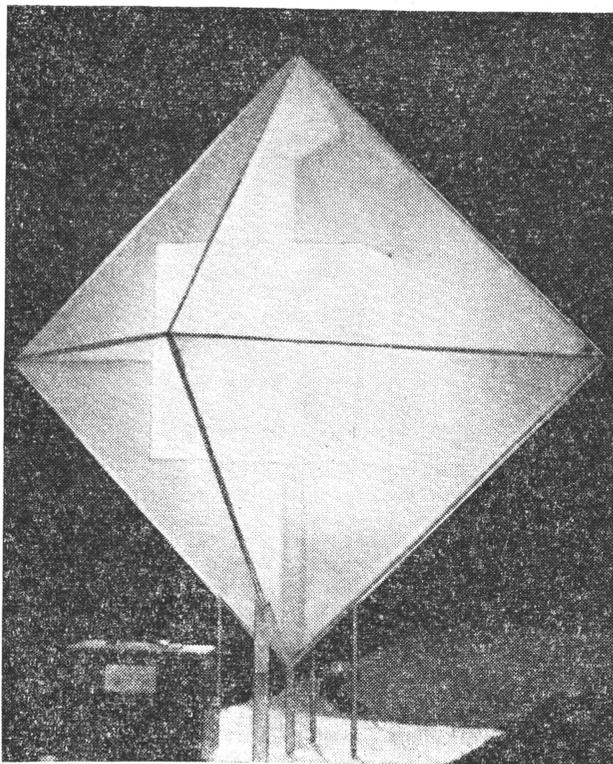
Вот колокол ударил последний раз, последний раз охнуло красным из прожекторов, и у нас перед глазами пошли зеленые круги. Получилось. И здорово!

Но тотчас нашлись и скептики: «Если бы сам колокол издавал свет, — для полного слияния — тогда было бы здорово...» И пошли дебаты: «Нужно колокол отлить из малинового стекла, вместо языка подвесить мощную йодную лампу, а звук — с магнитофона...»

Подумали, покритиковали и... отложили на будущее. Про запас.

Не успели «отбить» одну фантазию, как следом другая:

«А что если сделать в воскресенье звон малиновым, в понедельник — оранжевым, во вторник — желтым, и так все дни по спектру?» Засмеялись ребята: «Будут потом потомки разбираться, почему же все-таки вторник всем кажется желтым». А стали спускаться с башни — опять спор: как можно неделю сделать цветной. Старая башня безучастно слушала нашу научную абракадабру: «шаговый искатель, магнитный пускатель»...

Светомузыкальный инструмент «Кристалл».

И вдруг меня поразила всплывшая в памяти картина: древнегреческий философ разглядывает кузнечные молоты. С этих молотов и родилась теория «музыки сфер». Я расскажу об этом удивительно чистом, трогательном и невероятно неверном учении потому, что, узнав его, вдруг начинаешь уважать детей, влажное прозрачное небо, исколотое звездами, да и себя, что ты человек, а не кирпич или рыба.

По проселочной дороге шел Пифагор, тот самый, штаны которого, как говорят школяры, были во все стороны разны. Пыль пробивалась между ремнями сандалий, где-то рядом грохотала кузница. Он остановился вытряхнуть камешек из-под шершавой пятки.

И вдруг уши Пифагора уловили невероятное: молотки были точно настроены по тону! Он подошел к открытым дверям. Дюжие мужики, вспотевшие и грязные, били тяжеленными кувалдами по наковальне.

«Ну-ка, ну-ка!» — сказал Пифагор, взял в руки молот... Один из них оказался вдвое тяжелее другого, а оба они звучали в тон, через октаву. Третий был легче первого в $\frac{3}{4}$ раза и звучал с ним в кварту. В руках Пифагора было удивительное открытие, равного которому не было в Древней Греции.

Представьте себе его восторг: музыка подчинена числу! А если учесть, что для древних греков это был вообще первый численно выраженный закон природы, то можно понять, почему они поверили и в его единственность и в его всеобщность. Познать мир — значит познать управляющие им числовые отношения. И среди них отношения музыкальной гармонии являются основными — вот их девиз.

Поэтому и окружающий космос вдруг предстал перед ними как... огромный музыкальный инструмент: вокруг Земли, в холодной синеве, прикрепленные к хрустальным сферам, вращаются далекие планеты (их было семь, греки в их число включали Луну и Солнце). Повседневный опыт подсказывал, что любое движение тела в воздухе сопровождается звуком и, конечно, космос тоже должен был звучать, причем гармонично, чему гарантией было Число — вычисленные пифагорийцами отношения между расстояниями «планет» приблизительно повторяли музыкальную гамму.

Неслышимая для простых смертных песня планет была, по подсчетам, такой:

Сатурн — си,
Юпитер — до,
Марс — ре,
Солнце — ми,
Меркурий — фа,
Венера — соль,
Луна — ля.

Мы можем улыбаться этим нелепостям, но мы должны простить наших бородастых предков — как маленьких детей, открывающих для себя мир: ведь они начали

с ничего. И вера в эту космическую музыку («музыкой сфер» называли они ее) проявлялась у них в очень многом. И дает знать себя до сих пор. Вы не замечали, сколько пословиц с числом семь? И главное, число дней в нашей неделе — оттуда, а у многих европейских народов и названия дней недели все еще хранят влияние «музыки сфер»:

английское «воскресенье» — Sunday (день Солнца),
немецкое «понедельник» — Montag (день Луны),
французское «вторник» — Mardi (день Марса),
итальянское «среда» — Mercoledì (день Меркурия).

И так далее для всех дней недели.

Как ни странно, но в «музыку сфер» верил и великий физик Ньютон. Изучая строение спектра, который получается при разложении белого света, он решил: раз уж в космосе царят числовые законы музыкальной гармонии, то уж в спектре быть им сам бог велел. И несмотря на то, что разные народы выделяли в то время в спектре четыре, пять, шесть цветов, Ньютон прибавляет седьмой — индиго (синий), и после этого связывает друг с другом семь цветов спектра и семь тонов музыкальной гаммы! Вот откуда, оказывается, семь цветов радуги! Вот откуда знаменитая школьная

присказка «каждый охотник желает знать»...¹ При желании, конечно, можно было вы- брать и больше, ведь глаз различает около ста пятидесяти цветов, просто не для всех есть готовые названия...

К чести Ньютона он не продолжил своей случайной и ложной аналогии. Зато его современник, монах физик Кастель, увидел в этом «законе» основу нового искусства цветомузыки, которую он хотел воплотить в цветовом клавиатуре (свечи за цветными кристаллами, шторы, рычажки, клавиши), работающего по такой вот схеме:

до — синий,
ре — зеленый,
ми — желтый,
фа — абрикосовый,
соль — красный,
ля — фиолетовый,
си — индиго.

Сравните теперь все эти три удивительные таблицы. Круг замыкается.

...Так какой сегодня день — желтый, голубой?

„NO SMOKING!“

Рейс четырнадцать-шестьдесят семь обслуживает экипаж Казанского аэропорта. Полет будет проходить на высоте семи тысяч метров...

Вспыхнуло красное табло. Все как положено — ««No smoking!» — «Не курить!» В нескольких откинутых креслах у круглых окон расположилась наша «команда» («Уважаемые господа из команды «Прометей», — так начиналось письмо от японской фирмы «Colour music company», которое мы недавно получили). И вот «господа», оставив на время занятия, летят в Москву, на ВДНХ, на выставку «Студенты — XV съезду ВЛКСМ».

Вздрыгнул самолет, слегка завывала турбина. Сейчас красное табло должно вспыхнуть ярче. Как-то раз я заметил: чем громче ревела турбина, тем ярче «No smoking!» Транспарант откликнулся на любое дыхание мотора, как в «малиновом звоне». Возникло ощущение, будто звук и свет связаны «одной веревочкой», что они просто разные проявления какого-то единого процесса.

Гул ударил плотно, щелкнуло в ушах. И вдруг... Я не мог поверить глазам: красный свет стал темнеть. Все наоборот! Громче звук — слабее светилось табло. Бог знает, чем объяснить, что в этом самолете связь была «наоборот»... Но тем не менее, ощущение единства звука и света возникало и в данном случае, и такое же полное, как в ожидаемом!

Не знаю, почему этот случай привлек тогда мое внимание (ведь и в светомузыкальном инструменте «Кристалл», который мы везли на выставку, предусмотрена возможность автоматического управления яркостью света как в прямой, так и в обратной зависимости от громкости звука), но именно «No smoking!» запомнилось мне и помогло обосновать впоследствии понятие эффекта светозвука.

Когда мы только начинали эксперименты, большой популярностью пользовалась согласованная деятельность органов чувств человека. Слух должен обогащать зрение и наоборот. Автор предлагал для этих целей автоматическую установку.

Как видим, роль цвета сводилась им к роли «усилителя» восприятия «музыки». Чувствительность слуха и зрения увеличиваются, если изменения громкости и яркости прямо пропорциональны, — отмечает автор, — и, следовательно, только в такой связи они должны находиться в любом случае.

Но нам в «Кристалле» пришлось, например, исполнить пьесу «Темное пламя» Скрябина, в финале которой падение звука вызывает нарастание яркости «Кристалла», и эффект — впечатляющий!

Да и можно ли поручить исполнение световой партии автомату? Нет, мы исходим из того, что при создании светомузыки не-

¹ Первые буквы этих слов — соответствуют названиям цветов в спектре. «Каждый» — красный, «охотник» — оранжевый и т. д. — Ред.

На таком инструменте
А. Н. Скрябин исполнял строку «Лице»

Снимается светомузыкальный фильм «Прометей». За пультом студентка консерватории И. Ванечкина.

возможно заменить музыканта автоматом любой сложности (если только это не будет кибернетическая машина, полностью равноценная мозгу человека), что нужно дать музыканту инструмент, который позволял бы сочетать свет и звук в любых необходимых соотношениях.

На первом нашем инструменте «Прометей-I», который проектировали Ю. Коваленко, Г. Пронин, световую партию исполнял преподаватель Казанской консерватории А. Юсфин. Это было в 1962 году — первое в СССР исполнение симфонической поэмы великого русского композитора А. Н. Скрябина «Прометей». В «Прометей» Скрябин сам, впервые в мировой музыкальной практике, включил самостоятельную партию света. Изменение цвета, по его замыслу, соответствовало тональному развитию музыки.

Концерт убедил нас: надо организовать цвет в некие орнаментальные формы —

цвет в некие орнаментальные формы — цвет в некие орнаментальные формы (если только это не будет кибернетическая машина, полностью равноценная мозгу человека), что нужно дать музыканту инструмент, который позволял бы сочетать свет и звук в любых необходимых соотношениях. В какой-то мере эта задача была решена в инструменте «Прометей-II» (авторы проекта Ю. Коваленко и С. Андреев), на котором были исполнены, кроме «Прометей», — «Испанское каприччио» Римского-Корсакова, отрывки из «Картинок с выставки» Мусоргского и «Весны священной» Стравинского. Но эти инструменты были громоздкими, а необходимость вынести «музыкальное пламя» за пределы актового зала института заставила искать пути «миниатюризации» этого пламени.

Так в нашем студенческом конструкторском бюро пришли к идее небольшого электронного светомузыкального инструмента, используя клавиатуру которого, музыкант мог бы перемещать цвета внутри полупрозрачного октаэдра. Параллельно велась работа по съемке первого в Союзе светомузыкального фильма, опять по музыке Скрябина. Режиссером фильма был Б. Галеев, снимал И. Валитов, а световую партию исполняла И. Ванечкина. За три прошедших года снято уже несколько вариантов «Прометей».

В ходе этих экспериментов мы убедились, что не следует ограничивать световую партию бесформенным цветом, тем более — в автоматическом варианте ее «сочинения». Музыкант должен сам свободно использовать световой материал, в развитии которого можно указать лишь аналогии с музыкой.

Как огромен мир видимого! Мир не только красочен — он разнообразен, и просто грех сознательно отказываться от «графики», «рисунка» в цвете. «Рисунок» в цвете может стать тем же, чем является в музыке мелодия. Но что удивительно — многие экспериментаторы не обращают внимания на то, что казалось явным даже нашим предкам, что является бесспорным и для ребенка, и для поэта.

Вот как в одном стихотворении древнего восточного поэта описывается отрывок мелодии: «Остатним звуком плыл другой, звеневший чем-то долгим-долгим, не прерываясь, словно шелковая нить».

А маленький художник в одном рассказе Чехова звуки оркестра изображает в виде спиралей.

Чародей слова Велемир Хлебников изумлялся своим сравнением в письме другому поэту Крученых: «Быстрая смена звуков передает тугие лепестки изогнутого цветка. «Еуы» — ладит с цветком. «Еуы» — лилия...» И на самом деле: разве с плавным изгибом лилии сравнишь звучание «ркзицк»!

...Снова зажглось красное табло, самолет стал спускаться. Внизу блеснула какая-то река. И вот самолет мягко ударился о квадратные плиты аэродрома. Москва.

Сейчас начнет стихать гул и постепенно «перельется» его энергия в красный свет «No smoking!». А что, если звук будет утихать, а свет изменится в том же ритме, но уже не по яркости, а в цвете? Сохранится ли и при этом ощущение цельности светозвукового процесса?

И вдруг — снова картинка-воспоминание: кудрявое лобастое лицо Сергея Эйзенштейна. Эйзенштейн и Скрябин!..

В кинофильмах, как и в светомызыке, видимое выступает в союзе со слышимым, во многих картинах не только с речью, но и с музыкой. Наиболее талантливые режиссеры уже тогда, в двадцатых годах, не поручали музыке роль обычного звукового фона, а добивались ее слияния с изображением. Причем, зачастую это происходило как бы само собой.

Вот что обнаружил Эйзенштейн в своем же фильме «Александр Невский» через несколько лет после того, как снял его и озвучил вместе с композитором Прокофьевым. Оказывается, в одной из сцен («Перед Ледовым побоищем») несколько раз повторяется одна и та же мелодия. И если в одном кадре ей соответствует в том же ритме организованное движение взгляда по кривой линии облаков (кстати, совпада-

ющей с линией нотной записи этой мелодии), то в другом кадре неожиданно с этой мелодией связывается в той же скорости нарастающее просветление кадра, а в третьем — глаз под ту же мелодию движется вдоль кадра в глубь него! А в четвертом — эта же мелодия связывается уже с чисто игровым жестом — но того же ритма! — поворотом головы воина. И во всех случаях возникает ощущение единства мелодии со зрительным эффектом.

В светомызыке эффект светозвука проявляется еще четче, потому что и звук, и свет выступают уже отвлеченные от сюжета и конкретных образов действительности, уже, так сказать, в чистом виде.

В будущем, возможно, появятся и автоматы — не «композиторы», конечно, а помощники музыканта. На экране этих автоматов можно будет увидеть и линию мелодии, и размер звука, и прозрачность тембра. Звучащая спираль чеховского мальчика станет реальностью.

Интересно, например, что древние греки называли согласные звуки шероховатыми, а гласные — гладкими. Это тоже проявление цветного слуха. И если подключить громкоговоритель к осциллографу, то на его экране гласные будут сопровождаться плавной игрой волн, а согласные вызовут целый лес шероховатых всплесков. Но откуда у Аристотеля осциллограф? Разве только в человеческом мозгу есть какой-то подобный «приборчик», который и заставляет постоянно меняющийся звук «видеть» как целую линию.

Мы поставили себе целью создать такой прибор, чтобы Хлебников, сказав в него свое «еуы», получил на экране соответствующий изгиб лилии, чтобы «длинному долговому звуку» ответила с экрана «длинная шелковая нить».

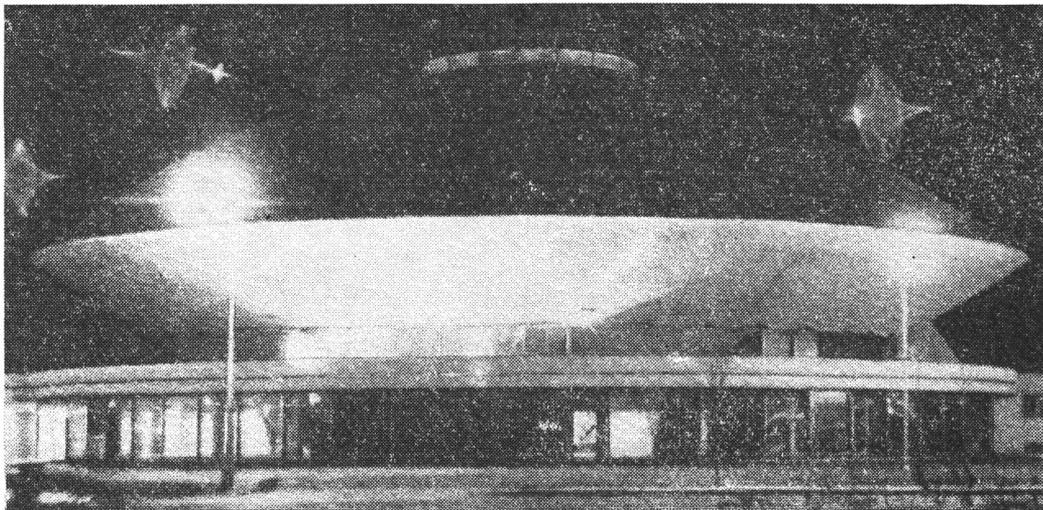
Это, несомненно, трудная проблема. Пока мы разрешили лишь обратную задачу — переводить движение по кривой линии в соответствующее высотное изменение звука.

Но время работает на нас — недавно появилось сообщение, что в Калифорнийском университете создан прибор «Мелограф» для зрительного анализа мелодий народных песен. Это не совсем то, что нужно нам. Но уже первый успех.

Золотой петушок играет ноктюрн

Помните, как однажды к озабоченному царю Додону пришел звездочет и предложил в волшебного петушка, в программе работы которого был заложен следующий алгоритм:

— Подсади ты эту птицу,
Молвил он царю, — на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом все будет мирно,
Так сидеть он будет смирно.

Здание Казанского цирка.
Испытывается экспериментальное освещение.

Ну, а уж если случится что — сработает система автоматического контроля;

В миг тогда мой петушок
Приподымет гребешок...

Недавно на берегу Казанки, в центре нашего города, приземлилась «летающая тарелка» — первый в Европе цирк подобной конструкции. На его крыше разместился «золотой петушок» — неугомонный служитель любой метеостанции — анеморумбометр¹.

Нам как-то показалось интересным проверить, а что, если заставить работать как «Кристалл» целое здание — Дворец съездов, например, или новое здание нашей консерватории? А что, если нижняя чаша этого цирка станет экраном светомузыкальных композиций? Потом пришли к выводу — здесь музыке не место; шумная улица, трамваи, автобусы... Тогда решили связать изменения света уж не с музыкой, а с... погодой. И становится постепенно реальностью следующий проект: медленно меняется цвет нижней чаши: от красного — к зеленому, от зеленого — к синему и снова к красному. Но вот подул ветер, колыхнулись лопасти анеморумбометра, и:

Верный сторож как со сна
Шевельнется, встрепетается,
К той сторонке обернется
И кричит: «Кири-ки-ку!..»

Только уже беззвучным криком взметнутся краски, быстрее завертятся за ветром цветовой круг. Здание оживет, «задышит». Искусственная природа — архитектура, созданная человеком, — сольется с природой естественной, «данной богом». Изменения в освещении подчеркнут «эмоциональное состояние» природы...

Но и в этом не мы первые! На Древнем Востоке существовало правило: в разное время дня, года, в разную погоду разрешалось исполнять лишь строго определенную музыку. История почти повторяется — теперь погода диктует законы немой «музыке света».

Набежали облака, хлынул дождь — заработал другой датчик. Сигнал заставил проснуться белые прожектора. Меняющиеся краски теперь как бы размываются белым, и эта игра света повторяется в черном мокром асфальте улицы...

Да, но как вот мерить количество дождя, куда поставить датчик? — встала неожиданная проблема. Передумали много вариантов, пока кто-то не предложил захватывающий по своей прелестной простоте: поставить датчик-турбину на конце водосточной трубы! Не это ли имел в виду Владимир Маяковский, когда писал:

А вы ноктюрн сыграть смогли бы
на флейте водосточных труб?..

В мокрых пунктирах темного теплого дождя запылает беззвучная ночная песня².

Дождь стал утихать — белый свет сник. Ветер угомонился, и «золотой петушок» на крыше, отряхивая крылья, дал сигнал. Успокоился цветовой круг, в природе покой. «Отбой!»..

Конечно, для того, чтобы «золотой петушок» смог исполнять световой ноктюрн, придется протянуть сотни метров кабеля, установить электронный блок управления, усилители мощности, двести прожекторов и пробовать, пробовать поздними ночами, когда пустеет амфитеатр цирка.

Разве не о таком «золотом петушке» грезил Скрябин?

Сразу же после «Прометей» он стал мечтать о создании «Мистерии» — произведения Всеискусства, в котором под началом музыки объединились бы все остальные традиционные искусства. И архитектура тоже должна была участвовать в ней, вместе с симфонией света переливаясь в своих формах, сливаясь с мелодиями запаха, жестов...

Светлая, наивная мечта поэта, обогнавшего свое время.

Только в 30-е годы художники выступили с идеей «световой архитектуры», понимая под ней такое освещение, которое выявляет и создает новые эффекты, при естественном свете зданию не присущие. Замерцала в ночи городов застывшая музыка готических соборов, наливались желтым медом ламп накаливания аскетические коробки конструктивистской архитектуры...

К 10-летию Октября ленинградским художником Г. Гидони был предложен проект светозвукового памятника Революции. Этот огромный матовый глобус (внутри него — зал на тысячи мест) должен был покоиться на конструкции в виде серпа и молота. Эта сфера является по плану экраном светомузыкального представления — для сидящих в нем и для тех, кто на улице. К сожалению, реализация его была непосильной задачей для того времени, и проект остался на стадии макета.

¹ Прибор для измерения скорости и направления ветра. — Ред.

² Ноктюрн — в буквальном переводе и есть «ночной» (фр.) — Ред.

А вот впечатления очевидца уже о действующем светомузыкальном зрелище под открытым небом — чистом аттракционе.

«Откуда-то из воды полились глубокие медленные звуки. Но эти звуки не только неслись по воздуху, навевая картины горного озера, звуки сами поднимались из воды динамическими струями, меняя свою окраску, форму, движение.

Музыка нарастала. Выше вздымались теперь оранжевые фонтаны. Загремели сильные полные удары, и ярко-красной струей крови взвился из середины воды семидесятиметровый фонтан. Вверху он блеснул красными рубинами и упал вниз. Он замер вместе с аккордом... И это действительно был не фонтан, не луч света, не струя воды. Это был подлинный аккорд. Заколыхались вместе с музыкой, то припадая, то вздымаясь, танцующие струи...»

Так писатель А. Казанцев описывал Всемирную выставку в Нью-Йорке, в 1939 году.

И с тех пор все всемирные выставки превращаются в подлинные праздники света — и Экспо-58, и выставка в Нью-Йорке в 1964 г., и Экспо-67.

Обычно такие установки работают только во время выставок. Но сейчас мир буквально захлестнуло волной новых, театрализованных спектаклей «Звук и Свет», которые действуют уже постоянно.

В любой стране сохранились памятники, дворцы, замки, связанные с историческими событиями. На месте такого события инженеры располагают высококачественную стереофоническую акустическую аппаратуру, мощные прожектора, и ночью перед изумленными зрителями здание... «оживает» голосами давно минувших дней. Слышны вдалеке выстрелы, звуки приближаются, перемещаются. Пробежала толпа с криками, стук в дверь. Перед вами — все как было когда-то, но ни одного актера, все записано на магнитную пленку. А меняющийся свет поддерживает вместе с музыкой «эмоциональный тонус» рассказа, указывает путь взгляду.

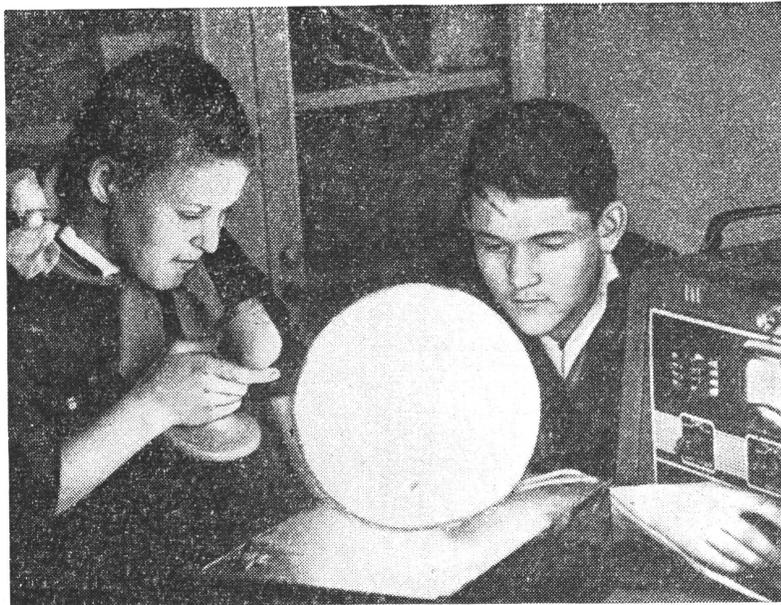
Во Франции, например, откуда взяли начало эти спектакли, сейчас не осталось ни одного мало-мальски известного замка, где не стояла бы серийная аппаратура «Son et Lumiere»¹.

У нас в стране, к сожалению, работы по созданию таких светомузыкальных ансамблей только начинаются. Мы, например, предлагаем спектакль «Звук и Свет» в здании Казанского университета. Оживляющий сцену знаменитой студенческой сходки, в которой принимал участие Владимир Ульянов. Но через несколько лет, наверняка, мы увидим спектакли «Звук и Свет» в Суздале и Петродворце, Зимнем дворце и на Красной площади...

Есть у нас тайная мечта: когда произойдет постепенно оккупация управляемым светом всех выдающихся зданий нашего города, соединить их всех единой схемой, пульт управления выставить на открытую дамбу у речного порта, и играть на всем городе, как на огромном светомузыкальном инструменте в сто квадратных километров. Не взглянуть бы только!

Вот и весь мой рассказ о священном числе семь, о золотом петушке, который играет на водосточной трубе, об удивительном мире светозвука и о Скрябине, который сам, подобно Прометею, принес людям огонь нового искусства. И еще о том, как трудно пока сделать это пламя послушным...

¹ «Звук и Свет» (франц.)— Ред.

Интересно, у кого какого цвета голос.

ПРЫГНУТЬ ВЫШЕ СЕБЯ...

Фантастическая повесть

Игорь РОСОХОВАТСКИЙ

Рисунки Е. Стерлиговой

1 Струи густых испарений тянулись из потрескавшейся почвы. Они изгибались, похожие на танцующих змей, сплетались в клубок, раскачивались... Струи постепенно иссякали, и вот клубок уже танцевал на одном прозрачном стебле, затем отрывался и плыл над скалами и чахлыми кустарниками, переливаясь радугой меняющихся красок. Блекло-сиреневые, светло-синие, грязно-серые — сплошные полутона, ни одного четкого цвета. Из плывущего клубка то и дело высывались «змеиные головы»...

— Забавно! — Олег улыбнулся.

Ант отвел глаза и кивнул. Он подумал: «Ты ведь воспринимаешь это иначе. И улыбка у тебя плохо получилась. Она — солдат, который не смеет послушаться приказа, хотя у него дрожат коленки». Вытянул руку:

— Посмотри.

Олег тщательно вглядывался вдаль: он видел лишь танцующие струи.

— Извини, — с досадой проговорил Ант. — Я забыл, что ты не можешь отсюда увидеть. До того места около двадцати километров. Полетели!

И, уже взлетая, легко подхватил Олега...

— Все-таки здесь можно дышать, — будто споря с кем-то, сказал Олег. Он то надевал, то снимал шлем. Повторил упрямо: — Если привыкнуть, то можно.

— Не вертись, уроню, — пригрозил Ант, зорко высматривая что-то внизу. Он сделал несколько кругов и опустился у полуразвалившегося сооружения с бойницами.

— Их следы?! — Олег был крайне удивлен и лихорадочно пытался разобраться. Неужели сразу же наткнулись на то, что искали? Невероятная удача! Правда, неизвестно, какой из двух экспедиций эта крепость принадлежала. Но строили, безусловно, земляне.

Он обошел сооружение, осматривая камни и глыбы пород, из которых оно было сложено.

— Строили для обороны: взгляни на бойницы. Значит, ожидали нападения. Но почему же тогда они не вернулись на корабль, который послужил бы самым надежным укрытием? И где корабль?..

Олег нагнулся, поднял какой-то предмет:

— Смотри, сломанный затвор карабина. Значит, они боролись с биологическими объектами, похожими на нас. Иначе пустили бы в дело генхас, а не охотничьи карабины... Смотри, следы! Отчетливые отпечатки. Вот эти, большущие. Похоже на Миронова! Размер башмаков — сорок пять, не меньше. Поройся в памяти, Ант, ты ведь записал туда сведения об участниках экспедиции. Учти и глубину следа. Миронов весил около ста килограммов...

— Это следы Миронова, — подтвердил Ант.

— Значит — первая экспедиция.

— Слишком часто говоришь «значит», — заметил Ант.

Олег обернулся было с недоумением, но вздохнул и продолжил осмотр. Он явно не находил чего-то важного.

— А где же следы противника? Посмотри, какие прыжки совершал Миронов. Но с кем он сражался? Что ты скажешь?

— Не знаю, — ответил Ант.

Олег поджал губы, выпятил подбородок. «Кажется, мой соратник больше умеет действовать, чем думать...»

— Во всяком случае, отсюда они ушли живыми, — объяснил он Анту. — Мы не знаем полностью исхода боя, но следы всех четверых ведут к скале. Не сможешь ли ты обнаружить следы и на камнях?

— Нет. На выступе скалы видны только застывшие капли крови, несколько нитей.

— Сделай анализ.

Ант тотчас откликнулся:

— Кровь человека. Первая группа. Нити арконовые. Возможно, Миронов или Кузьяев были ранены. У обоих — первая группа крови и содержание гемоглобина выше нормы.

«Лаборанту для анализа понадобились бы долгие минуты, — подумал Олег. — Сигом сделал это за доли секунды... Информация не требует дополнительных преобразований и проходит по другим каналам. Впрочем, тут дело еще и в скорости ее прохождения. Какой из этих факторов весомее?»

Он понял, куда заведут его подобные размышления, и, чтобы предупредить неминуемый вывод, решительно сказал себе: «Но и у меня есть преимущества. И кто знает, что окажется важнее?» Вслух проговорил:

— Попробуй проследить дальше.

Дальнейшие поиски не принесли результатов. Не удалось ни определить направления, в котором ушла после боя экспедиция, ни хотя бы убедиться, что ее участники остались живы.

— На этой планете слишком много помех. Мои радиощупы не работают, — заметил Ант.

Он сделал несколько шагов, углубившись в тень от скалы. По его фигуре поползли дымки.

— Что с тобой? — крикнул Олег.

— Все в порядке, — с недоумением ответил Ант и обернулся.

Его лицо заколебалось и расплылось в дыму. На том месте, где только что стоял сигом, поднимался столб дыма.

— Ант!..

Из дыма вынырнула знакомая фигура, шагнула к человеку. Дым исчез.

— Мне показалось, что ты горшишь, — сказал Олег, переводя дыхание.

— Оптический обман. Его создают испарения. Продолжим поиски?

— Да, но сначала мне необходимо перекусить.

Олег вынул из кармана несколько ампул и тюбиков, сел в тень. Только теперь почувствовал усталость.

Сигом стоял рядом, прислонясь плечом к скале и подставив спину лучам ослепительно белого светила.

«Ему хорошо, — позавидовал Олег. — Зарядился лучевой энергией — и никаких забот о пище. А я его задерживаю... Ничего, подождет».

Олег не спешил, стараясь как можно больше расслабиться и ни о чем не думать. Лениво смотрел на стреловидные изумрудные облака, на колеблющиеся дымки испарений, на неподвижные кусты, будто сплетенные из проволоки. На треугольное лицо Анта с мощным широким лбом и нарочито заостренными чертами, прида-

важными ему выражение яростной устремленности. Подумал о скульпторе, создававшем облик сигома: «Что он хотел сказать этой мятежностью линий?»

Лицо сигома поразило Олега еще на искусственном спутнике Земли, где они впервые встретились. Олег добивался разрешения на полет у членов Совета. Его познакомили с Антом и сказали:

— Полетит сигом. Он справится один. Обойдемся без ненужного риска.

Олег злился:

— Но там — мой брат. У меня никого не осталось кроме него. Я понимаю, что теперь сигом, как видно, займет трон «царя природы». Пусть так. Но там — мой брат. Мой, а не его!

Он намеренно не смотрел на Анта и повернулся в сторону сигома, лишь когда тот заговорил. Ант неожиданно поддержал просьбу Олега. Он говорил не о чувствах, он доказывал членам Совета целесообразность полета вдвоем.

С тех пор Олег добросовестно убеждал себя, что благодарен сигому, но лишь временами удавалось заглушить подсознательную неприязнь к Анту.

Сейчас Олег почувствовал, что в нем снова просыпается раздражение при виде этой могучей фигуры, которая не нуждается ни в пище, ни в отдыхе, и отвел взгляд от сигома.

По скалам ползли фиолетовые пятна, то сливаясь, то расходясь, и перемычки между ними растягивались и лопались. Зрелище было не из приятных, да и вообще эта планета не казалась Олегу привлекательной.

— Мы разобьем планету на секторы и обыщем каждый из них. Будем искать, пока не найдем, — распорядился он.

Сигом Ант молча кивнул и протянул руку, приглашая в полет.

2 Олег сделал несколько шагов по камням, покрытым блекло-серой плесенью, и резко остановился. Рука потянулась к пистолету.

В темно-фиолетовой полутьме ущелья он различил двуногое существо. Похоже было, что оно подкрадывается, осторожно переставляя ноги и взмахивая руками, чтобы удержать равновесие. Над квадратной огромной головой возвышалось несколько шипов.

Олег сделал то, что предписывала инструкция, — включил кибернетический микропередатчик ЦП-1, запрограммированный на связь с представителями инопланетных цивилизаций и анализ поведения любых живых существ. Передатчик имел лазеры, работал на световых лучах и радиоволнах, посылал и звуковые импульсы — одновременно по восемнадцати кодам, составленным космолингвистами. Достаточно было существу как-то прореагировать на сигналы, и ЦП-1 тут же учитывал поправку и менял программу, сообщая об этом космонавту. Так продолжалось до полной расшифровки поведения аборигена и установления с ним связи.

Олег не шевелился — это было лучшим в данной ситуации — и приглядывался к существу, которое тоже замерло в нескольких шагах. Поза существа была одновременно угрожающей и испуганной; казалось, оно изготовилось для

прыжка, только еще не решило — вперед или назад.

«Если не удастся нащупать контакт, придется его пугнуть...»

Существо сделало почти неуловимое движение. Олег скорее угадал, чем разглядел его. Усилием воли удержал палец на спусковой кнопке.

«Куда же запропастился Ант? Сказал: «обследую пещеру» — и вот, в самую неподходящую минуту... Ант!.. — мысленно позвал он сигома. Вспыхнула досада на себя: — Мы же договорились не пользоваться телепатической связью! Я сам просил. Боялся... Боялся, что он узнает обо мне больше, чем я хочу рассказать...»

Олег мог бы послать сигому радиосигнал. Но для этого нужно переключить ЦП-1...

Индикатор автопередатчика кольнул лоб легким разрядом, в репродукторах шлема прозвучал голос сигома:

— Перед тобой никого нет. Мираж, отражение.

Мираж? Существо, замершее там, в тени, — мираж?

Олег еще не верил, но рука, сжимавшая пистолет, ослабла. Он заметил, как мгновенно изменилась поза существа, как рядом проступила огромная фигура, и понял: это испуганное создание — он сам, вернее — его отражение, а рядом — отражение сигома. И тут же услышал голос Анта:

— Мы отражаемся в мареве, как в системе зеркал. Объемное изображение.

Олег повернулся к сигому:

— Спасибо, дружище. Ты определил это быстрее меня. На незнакомой планете следует быть готовым к любым неожиданностям.

Ему стало стыдно своих слов, и он подумал: «Видно, быть мне большим начальником. Получать в самые неподходящие минуты! А ведь просто-напросто струсил...»

Он поднял голову и посмотрел в глаза Анту. Тот подмигнул, и оба с облегчением рассмеялись.

Олег включил автоматическую линию светофильтров, расположенную в лобовой части шлема, над глазами.

Космонавты вошли в ущелье, сигом старался не вырваться вперед. Тени разбегались из-под их ног и плясали вокруг. Они то ярко вспыхивали, то тускнели, становились похожими на языки огня, на клочья тумана, на блики, бегущие по волнам, на стадо крохотных бегемотов...

Олег вспомнил планету, названную Лисьей. Что-то здесь напоминало ее неприветливые предательские просторы: скользкие камни, испарения... Но там еще были пылевые столбы... Он обрадовался: «Кажется, нашел отличительный признак — пыль. Здесь ее почти нет. Но почему?»

Не успел продумать эту мысль. Взмахнув руками, прозаялился в пустоту, перед глазами мелькнули яркие полосы. Упал на бок. Тут же поднялся. Он оказался в узкой щели с совершенно отвесными полосатыми стенами. Присмотрелся к полосам.

«Ловушка. Искусственная ловушка. Вот следы инструмента — оплавленные по краям борозды. Похоже, что здесь поработали лазеры. Возможно, земляне приготовили ее преследователям? Или все было наоборот? Но тогда у аборигенов планеты есть оружие типа лазеров...»

На дно щели упал конец троса с крючком. Олег зашелкнул его на поясе и через секунду стоял уже у края щели рядом с сигомом.

— Это ловушка, Ант,— сказал он.

— Похоже, — согласился сигом.

3 Олег не услышал выстрела. Не почувствовал боли. Удар в правое плечо. Онемела рука.

Олег увидел фонтанчики каменных осколков на скале — их выбивали пули. Он упал, скатился в небольшую расщелину, осторожно выглянул. Снова ударили по камням пули, и Олег определил, что стреляли из-за скалы, похожей на лягушку. Он включил ЦП-1. Сигом упал рядом с ним, прикрыл человека своим телом.

— Только не стреляй,— предупредил он.— Мы ведь не знаем, кто это.

— Если нас убьют, мы тем более этого не узнаем,— проворчал Олег, борясь с мглой, застилающей сознание.

Лицо сигома оставалось невозмутимым.

— Я образую защитную оболочку,— сказал он.— Понесу тебя. Их выстрелы не причинят нам вреда. Попробуем установить связь. Но сначала надо излечить твою рану.

Голубое мерцание возникло у висков Анта, поднялось выше головы, куполом окружило их обоих. Сигом расстегнул скафандр Олега. Голубые молнии ударили из глаз Анта, вытянулись в одну вибрирующую нить, устремленную к Олегу. Олег почувствовал приятную теплоту и такое ощущение, будто чьи-то осторожные пальцы касаются его кожи. Одновременно прояснялось сознание, возвращались силы. Плечо оживало, но вместе с тем распалась боль.

За энергетическим защитным куполом щелкали по камням пули, выбивая фонтанчики. ЦП-1 сообщил Олегу: объекты живые. Их поведение резко отличается от поведения людей. Важнейшие особенности: необузданная алогичная агрессивность, отсюда — нежелание вступать в какие бы то ни было контакты...

— Слушай! — крикнул Олег Анту, повышая громкость ЦП-1 до предела.— Это не люди. Может быть, они убили наших?

— Рано делать выводы,— ответил Ант. Будто забыв о противниках, проговорил:

— Пройдет трое-четыре

суток, и ты окончательно поправишься. Но сейчас я отнесу тебя к кораблю. Ты останешься в нем до полного выздоровления, а я продолжу поиски один.

— Скажи проще: ты мне не будешь мешать, человек.

— Ого, ущербное самолюбие! — воскликнул Ант.— Только этого нам и не хватает.

Олег вовремя вспомнил о локаторах и поисковых системах корабля и не стал возражать. Он сможет вести поиск и оттуда. Если ребята

живы, они должны откликнуться...

Он следил за голубоватым куполом, ожидая, когда в нем блеснут серебристые нити. Это означало бы, что сигом перевел оболочку на режим оттапливания. Но вот на прозрачный купол налили и повисли неподвижно осколки камней, а он мерцал так же ровно и спокойно.

— Почему ты не переводишь оболочку на оттапливание?

— Если в нее попадет пуля, оболочка оттолкнет и ее.

— Пусть оттолкнет,— нетерпеливо сказал Олег.

— Но в таком случае пуля полетит туда, откуда она выпущена, и может попасть в стрелявшего...

— Пуля будет на излете и потеряет силу,— напомнил Олег, морщась от боли.

— Мы ничего о них не знаем.

Плечо жгло. Боль разливалась по руке.

— Я и не собираюсь бороться с ними,— примирительно сказал Олег. Ему надоел спор. Он думал: «Не все так просто, как твои прописные истины, сигом. Мы дали тебе то, что хотели бы иметь сами, и лишили того, чего хотели бы лишиться. В тебе мы пытались усложнить свою личность и упростить организм там, где это можно. Боюсь, что нам удалось не столько первое, сколько второе. И упрощение организма вызвало упрощение личности. Отсюда — такая верность прописным истинам, даже в минуты опасности...»

Сигом поднял Олега на руки, стремительно взлетел мерцающим облаком.

Далеко внизу быстро поплыли щербатые зазубренные гряды скал, похожие на изломанные пилы. Острое лицо сигома было обращено вперед. По нему пробегали ярко-белые блики, рассеянные защитной оболочкой. Густые шелковистые волосы развевались вокруг головы.

Сигом опустился у самого корабля. Олег включил кодовый микропередатчик, скомандовал автоматам корабля открыть люк и подать трап-эскалатор. В кабине он тотчас опустился в кресло. Слабость после ранения еще не прошла, несмотря на то, что сигом непрерывно посылал ему биоимпульсы, передавая часть своей энергии. Успокоительно светились индикаторы приборов, в озонированный воздух, созданный кондиционерами, вплетался надоевший запах пластмассы. Олег протянул руку, переключил кондиционеры на «запах ковыльной степи».

Сигом стоял напротив, опершись о спинку другого кресла.

— Я пойду,— сказал он,— прошу тебя не выходить из корабля, пока не получишь от меня сигнала.

Он настроил приемник корабля на свою волну.

— Я помогу тебе отсюда поисковыми системами,— сказал Олег.

— Лучше бы — после моих сигналов.

«А не слишком ли ты о себе воображаешь, парень? — подумал Олег. — И не слишком ли недооцениваешь меня? Впрочем, одно вытекает из другого. Ты иногда мне кажешься подростком, могучий сигом. Самоуверенным юнцом...»

— Очень прошу тебя не покидать корабль,— повторил Ант.— Мы совсем не знаем эту планету и не готовы даже психологически к ее сюрпризам.

«Но, по моему мнению, ты готов больше,

чем я,— усмехнулся про себя Олег.— Ну, что ж, иди, а там посмотрим». Он сказал:

— Не волнуйся. Если заметишь что-нибудь существенное, немедленно сообщи, и я подскажу тебе, как действовать дальше.

Выразительное лицо сигома стало встревоженным:

— Ты ведь не со мной соревнуешься. Мы оба — партнеры против неизвестности. Но ты ранен, и я иду на разведку. Разве не так обстоит дело?

— Ладно, не волнуйся,— проговорил Олег.— Я не высуну отсюда носа.

— До моих сигналов,— напомнил сигом.

— До твоих сигналов. Я буду послушным... — и мысленно досказал: «...как исправный автомат, ты ведь этого хочешь...»

Олег еле дождался, пока сигом ушел. Он лег в кресло, устроился поудобнее. Рана ныла. Он повернулся — боль чуть успокоилась. Согнул ногу, вытянул руку — и даже улыбнулся от облегчения. Почувствовал себя почти счастливым, вернулось желание размышлять. Но мысли приходили невеселые. Он думал: «Попробуй утешиться тем, что ты не такой уж примитив, что есть другие, еще проще. Можешь отнести себя к разряду благородных и смелых исследователей. Но вот у тебя растянуто сухожилие или задет сустав — и весь твой сложный разнообразный мир сужается до больничного окошка. Все великие мысли уменьшаются и гаснут. Горячие порывы подергиваются пеллом. Ты становишься рабом своего сухожилия или сустава. Садись так, чтобы на них было поменьше нагрузки. Ложись так, чтобы они были в тепле, чтобы им было удобнее. Только бы не болело — и ты уже счастлив. Как тебе мало сейчас нужно, человек...»

4 Олег щелкнул тумблером, и кабину наполнил треск разрядов. Луч метался по шкале, регистрируя быстро меняющиеся шумы. Олег передал ведение поиска автоматам. На экранах засверкали точечные вспышки и молнии, изломанные кривые сплетались в паутину, разрывались, произвольно склеивались.

«Тебе придется все-таки раскрыться, красotka,— приговаривал Олег. Он будто заклинал планету, уговаривал и угрожал одновременно.— Можешь злиться сколько угодно, но ты ведь присвоила себе то, что тебе не принадлежит: надо вернуть. Людей нельзя красть безнаказанно. И шутки с ними тоже кончаются не всегда удачно. Человек — это не так уж много, по мнению некоторых, но все же кое-что. Уж поверь мне. И лучше бы тебе поладить с нами по-хорошему или вообще не связываться...»

На одном из экранов возникло размытое пятно. Оно постепенно прояснялось, и треск утихал. Уже можно было различить скалы, трещины в них, глыбы обвалившихся скальных пород. Олег передвинул рычаг на «обзор», и на экране поплыли унылые гряды скал, ущелья, наполненные туманом, как молоком.

Теперь и на других экранах возникло по кусочку панорамы. Шесть экранов обзора — шесть окошек, шесть лучей, протянувшихся на сотни и тысячи километров. Киноаппараты автоматически снимали все, что появлялось в окошках, на нескончаемые рулоны пленки, анализаторы первого контроля просматривали ее, дуб-

лирую тысячи кадров, где имелось хоть что-то отличное от миллионов других, анализаторы второго контроля выбирали из этих тысяч сотни. Если бы на планете было обнаружено что-то необычное, оно бы тотчас появилось на контрольном экране в сопровождении звуковых сигналов.

Шли часы. У Олега устали глаза, он прикрыл их отяжелевшими горячими веками.

И вдруг услышал шаги. Легкие, мягкие. Они доносились из-за перегородки, отделяющей каюту от узкого коридора, который вел к пульту управления кораблем.

Олег раскрыл глаза. Шаги затихли.

«Чепуха, послышалось», — подумал он, но на всякий случай переключил один из экранов на рубку управления. Она была пуста.

Но беспокойство не уходило. Чтобы отвлечься, Олег стал анализировать свое состояние: «В какой части мозга родилось это беспокойство? Боязнь неизвестности... Предки уплатили за нее кровью, мукой, жизнью, а мне она ни к чему. Это не оскорбительно для них, но мне она в самом деле не нужна. Я могу логично размышлять, сопоставлять, сравнивать... Но может быть, моему дальнему потомку эта моя логика тоже будет ни к чему, как мне — первобытные страхи?»

Возможно, у него будет что-нибудь совершеннее, и моя логика покажется ему атавизмом, вроде аппендикса. Ведь она рождена в определенных условиях и выработана для определенных целей...»

Размышления все же успокоили Олега. Он переключил все экраны на внешний обзор и продолжал наблюдение.

Поплыли размытые очертания причудливых скал, то похожие на столбы, то напоминающие земных животных. Он подумал: «Будь на моем месте пришелец с другой планеты, он видел бы их совсем по-иному и сравнивал бы совсем иначе, даже обладай он таким же устройством зрения. А если бы абориген этой вот планеты оказался на Земле, с чем бы он сравнивал наши горы? Или березы, которых здесь нет, или реки... Может быть, если хочешь что-то понять в космосе, надо уметь отрешиться от памяти? Но как же тогда действовать? От чего отталкиваться? Вот я снова слышу шаги, хотя их здесь не может быть. А почему не может быть?»

Он невольно начал фантазировать, перебирать варианты, при которых в закрытом корабле мог появиться кто-то... Проникновение через щели в обшивке или пространство между атомами... Если вдуматься, предметы в основном заполняет пустота, как вода — человеческое тело. Но почему неизвестный должен просочиться, хотя на незнакомой планете следует допускать даже такое... Следует ли? А ведь он мог просто войти в корабль, когда здесь никого не было... Дать сигнал автоматам — и они опустили бы трап-эскалатор. Но как он мог узнать код? Чем бы подал сигнал? А если у него есть радиоорганы?..

Олег почувствовал, как постепенно покрывается холодным потом. Противно липла одежда, капли поползли по лбу, по спине между лопатками. «Стоп! — сказал он себе. — С воображением шутки плохи. Ты доигрался до того, что у тебя возникает навязчивая идея, а от нее избавиться совсем не просто. Давай подумаем спокойно...»

Олег долго ругал себя и постепенно не-

много успокоился. «Надо разобраться. Выяснить, с чего все началось... Собственно говоря, все началось с того, что послышались шаги. Или с того, что я был ранен? Нет, все началось уже тогда, когда мы прилетели на эту планету, где бесследно исчезли две экспедиции. Мне почудился дымный столб вместо сигома. Да, да, мне и тогда чудилось. А тут еще — развалины, ловушка, выстрелы... И неизвестность. Вот откуда взялись эти шаги, которых на самом деле нет».

Он щелкнул тумблером автоматического поиска и уставился на экраны. Туманные облака выползали из расщелин, иногда слабо светились, принимая самые причудливые формы. Заработал контрольный экран. На нем сначала появилось облако в форме треугольника с черным пятном посередине. Затем возникла летящая фигура. Да это ведь Ант! Значит, он ничего не обнаружил...

Олег следил за сигомом, пока тот не исчез с экрана.

Проступило новое облако. Оно медленно вращалось, наклоняясь вдоль оси, похожее на юлу. Если бы Олег не был уверен, что это облако, то мог бы заподозрить в нем корабль. Облако исчезло, появились ущелье и светящиеся точки, расплзающиеся из него.

Олег прокрутил эту часть пленки несколько раз. В том, как расплзались светящиеся точки, угадывалась какая-то закономерность. Надо бы прояснить пленку через светофильтры...

Он не успел выполнить свое намерение.

Теперь шаги отчетливо послышались за стеной. Они то затихали, то возобновлялись. Их неравномерность настораживала.

«Пора кончать со всей этой чепухой! Осмотрю корабль, потом обойду коридоры. Просто так, чтобы окончательно убедиться в ложности своих страхов».

Он увидел на экране рубку, одноместную

каюту, лабораторию, грузовые отсеки, помещение генхаса... Затем решительно отложил пистолет и поднялся. Подошел к двери. Помедлил секунду, вспомнил, что не осмолел наружные люки. Вернулся и переключил экран на люки, зная, что не обнаружит ничего нового...

Третий наружный люк был открыт и трап-эскалатор опущен.

«Неужели забыл закрыть его после ухода Анта?»

Олег почти инстинктивно нажал кнопку автомата, закрывающего люк. И тогда в круглом черном проеме появилось плывущее светящееся лицо...

5 Первое движение — правая рука схватила пистолет.

Второе, третье, четвертое — левая рука судорожно нажимает на кнопку автомата.

Люк не закрывается.

«Надо выйти из каюты и пойти в рубку. Там, на пульте, — дублирующая кнопка».

Светящееся лицо застыло, чуть покачиваясь...

Ноги приросли к полу.

Олег сделал усилие — закрыл и открыл глаза. Лицо исчезло.

Стало стыдно. «Доигрался, голубчик, до галлюцинаций... А ну, топай в рубку!»

Подействовало. Олег прошел к пульту и, включив экран, послал команду автомату, закрывающему люк. Автомат не сработал.

«Значит, он поломался — только и всего», — закинул себя Олег, сдерживая воображение.

За спиной послышался всхлипывающий вздох, визгливый смешок.

«Стоп! Не оборачивайся. Там никого нет. Забыл, что у тебя галлюцинации?.. Ну вот, выходит, можно все-таки пересилить страх? А теперь обернись. Да не спеши! Так, так... Убедился, что в рубке, кроме тебя, никого? Продолжай размышлять нормально. Если основной и дублирующий автоматы люка поломаны, что само по себе почти невероятно, надо втянуть эскалатор и закрыть люк вручную, при помощи блоков и рычагов...»

Он вышел в коридор и, громко топая, подошел к заслонкам-фильтрам. Это был последний барьер перед люком.

Олег остановился, вспомнил все, что сделал до этого, проанализировал, сравнил с инструкцией. «Пожалуй, особых расхождений нет».

Он вышел к люку, попробовал рвануть на себя ручку блоков. Она не поддавалась. Возможно, трап-эскалатор зацепился за что-то на почве. Необходимо спуститься и отцепить его.

Нельзя сказать, чтобы Олегу очень хотелось выходить из корабля. Вспомнилось предупреждение сегома.

Олег ступил на почву и увидел, что конец трапа застрял в расщелине. Олег попытался осторожно освободить его, потом разозлился, дернул сильнее.

Он почувствовал удар по шлему, увидел в отдалении цепочку фонтанчиков.

«Стреляют!»

Олег спрятался за трап. Болела голова, плечо. Включил ЦП-1. Нельзя было упускать ни одной возможности договориться. Пули щелкали вокруг Олега. Ближе, ближе... Огненная игла задела руку.

«Только не стрелять. Пусть поработает ЦП-1. Они должны откликнуться...»

Он понял, что руку не просто задело. Силы убывали. Тошнило.

Из-за груди скал вышли темные фигуры... «Вот они. Те, кто в меня стреляет. Те, с кем я должен договориться. Наладить контакт... Ант прав. Во что бы то ни стало — наладить контакт. Стрелять нельзя. Нельзя. Нельзя...»

Он положил левую, раненую руку на правую, удерживая ее от поспешных действий.

Фигуры надвигались. Одна из них была ближе других. Олег уже различал лицо, похожее на человеческое, но почти безглазое, с раскрытым ртом.

«Наладить контакт. Контакт. Контакт. Не стрелять. Не стрелять. Контакт...»

ЦП-1 пискнул и отключился.

«Сейчас враг выйдет на позицию, с которой видна моя голова. Он выстрелит. Почему я думаю «враг»? Неизвестный, а не враг. Неизвестный, который может стать и другом. Но все равно он выстрелит».

Олег достал пистолет, послал несколько светоимпульсов так, чтобы не зацепить, но напугать.

Фигуры залегли. Поползли, охватывая его полукольцом.

Олегу неудержимо захотелось взбежать на трап, подняться в корабль.

«Стоп! Или ты погиб! Пока добежишь, тебя сшибут выстрелы. А если и удастся, то как поднимешь трап? Они ворвутся вслед за тобой. Что же делать? Думай еще. Попробуй снова включить ЦП-1. Вспомни инструкцию: использовать все возможности...»

Несколько секунд он чувствовал лишь боль в руке, пытающейся включить передатчик.

Наконец-то! Олег обрадовался так, будто уже наладил связь.

Новая пуля ударила в шлем, на миг от толчка он потерял сознание. Затем увидел, что враги уже совсем близко.

Еще один удар в шлем, еще два удара подряд. Пуля задела ногу.

«Попытайся хотя бы выдернуть трап!»

Он вложил все в это усилие. Казалось, что сухожилия сейчас лопнут, как канаты от чрезмерной нагрузки.

Трап выскочил из расщелины. Олег послал новые очереди светоимпульсов. Фигуры исчезли.

За несколько секунд он взлетел по трапу и схватился за ручку блоков. Когда дверца люка захлопнулась, Олег прислонился к стене и попробовал отдышаться. Пот заливал глаза, слепил. Волоча ноги, космонавт прошел сквозь фильтры, откинул шлем, утерся. Поплелся в каюту, опустился в кресло. Подумал с отчаянием: «Как видно, чтобы понять иное существо, надо стать им». Новая мысль взбудоражила его: «Может быть, шаги не были галлюцинацией? Кто-нибудь из них пробрался в корабль и открыл изнутри люк, испортив автоматы? Но почему тогда они все не пробрались? Включить генхас или стерилизаторы? А если тот, кто пробрался в корабль, не замыслил ничего плохого — он ведь мог бы уже осуществить свои планы. Но откуда я знаю, что он их не осуществляет? И разве мало работал ЦП-1?»

Олег герметизировал каюту и включил стерилизаторы, создав вокруг корабля защитное

энергетическое поле. Старался прогнать сомнения, думал: «Сомнения, пожалуй, лучшее, на что мы способны. Но они имеют и оборотную сторону. Великое умение как раз и состоит в том, чтобы уловить момент, когда надо отрешиться от них. Иначе никогда не начнешь действовать...»

Сквозь его мысли пробился телесигнал сигома. Олег насторожился. Сигнал послышался четче: «Что случилось? Почему работают стерилизаторы? Возвращаюсь».

Олег выключил защитное поле, настроил приемники на волну Анта. Приготовился открыть люк, как только получит сигнал о прибытии.

6 Автоматы люков по-прежнему не работали. Пришлось открывать вручную. «Хорошо хоть, что трап не нужно опускать». Олег высунулся в люк, держась за скобу. Сигома не было видно. Через несколько секунд послышался резкий нарастающий свист.

Боль в барабанных перепонках. Закружились голова. Сами собой разжались пальцы. Олег упал с высоты семи-восьми метров на оплавленную почву. Его спас спецкостюм, который он так и не снял. Но удар все же был достаточно сильным. На несколько минут Олег потерял сознание.

Очнувшись, он увидел перед собой темную стену корабля.

Услышал смехок. Визгливо-прерывистый. Затем послышалось в смехе откровенное злорадство.

«Значит, опять ловушка, западня. А я еще надеялся установить с ними контакт. Они давно приняли передачи ЦП-1, расшифровали их и передали на той же волне сигнал, который я воспринял, как сообщение сигома. Мои попытки

наладить контакт они использовали, чтобы мне же устроить ловушку».

Олег нарочно застонал, сделал несколько судорожных, будто бы конвульсивных движений. А сам в это время протянул руку к пистолету, нащупал рукоятку, снял скобу предохранителя. Еще раз застонал, дернулся и застыл, ожидая, пока враги подойдут. Они хотели устроить ему ловушку, так сами в нее попадут!

Страх исчез. Пришло другое чувство, захлестнуло, наполнило до отказа бодрящим соком. Оно клекотало глухим рычанием у горла, било ударами барабана в виски, и Олег чувствовал свои напрягшиеся мускулы, соленость крови во рту.

Теперь он жаждал, чтобы они наконец-то появились, заклинал их, сжигаемый нетерпением: «Идите же, идите скорей, спешите...»

Пистолет слегка дрожал в его руке, но что-то неведомое подсказывало, что он перестанет дрожать, когда появится цель.

Снова послышался торжествующий смех, и рядом с Олегом шлепнулся, шипя и крутясь, круглый предмет. Тот же неведомый инстинкт подсказал, что надо делать. Олег отшвырнул предмет, вскочил — больше не было смысла притворяться — и включил пистолет на стрельбу очередями. Он бил световыми импульсами во все стороны, превращая скалы и чахлую растительность в месиво, в потоки лавы. Сквозь грохот рушащихся скал прорывались пронзительные стоны и крики, а он все бил и бил пульсирующими потоками света...

7 Взобравшись на корабль, Олег больше не закрывал люк. Пусть они только сунутся!

Он вспомнил порыв ярости, который только что пережил, думал о том, что люди на Зем-

ле назвали бы это чувство пережитком прошлого. Мысленно отвечал им: «Это не пережитки прошлого, а программа, заложенная в нас природой. Нельзя ведь жить так: ударят по одной щеке — подставь другую...»

Размышляя, Олег готовился к встрече с врагами. Кроме пистолета-лазера, он решил использовать на этот раз неотразимое оружие — генхас — и включил кибермозг аппарата на поиск и анализ противника. Однако уже через несколько минут на пульте генератора хаоса загорелся индикатор, разрешающий лишь узко направленное, лучевое применение. Это означало, что излучение волнами опасно для самого человека: основные ритмы колебаний организма противника оказались близки к ритмам человека.

«Они похожи на нас. Что ж...»

Если бы Олег включил генхас на Земле, все люди и животные, чьи организмы имели близкие характеристики, были бы уничтожены в радиусе десяти километров за несколько секунд. Волны генхаса, изменив колебания молекул их клеток, убили бы их, неузнаваемо изменив трупы, превратив их в камни, в дерево, в пыль, в воду. Но здесь...

Олегу казалось, что его руки и ноги удлинились и окрепли, а глаза могли бы видеть и в темноте, и сквозь призрачные струи испарений. Впервые за время пребывания на этой планете он почувствовал в ней что-то родное. Ее скалы стали продолжением его рук и ног, ее цепкие кусты — его пальцами. Мост возвелся сам собой, лег через пропасть отчуждения, — то, чего не могли сделать любовь и любопытство, сделала ненависть.

Телесигнал сигома: «Не включай генхас. Возвращаюсь».

«Как бы не так! На этот раз они не обманут меня!»

«Не применяй генхас. Иначе ты уничтожишь людей».

Олег отчетливо услышал мягкие шаги. Смотровое окошко каюты на миг заслонила тень, и в тот же миг он включил генхас.

«Немедленно выключи генхас!»

Олег почувствовал, что ему становится нечем дышать. Что-то надвигалось, несмотря на генхас, грозило смять его, раздавить. Что-то огромное, как туча. Не коварное, но безразличное к нему, к его судьбе, к его страху и ненависти. Непостижимое и неумолимое.

Он взглянул на индикатор генхаса — не светится...

Олег прижался к стене и закричал от страха: ему могло почудиться что угодно, но чтобы сам собой выключился генхас...

Все же и сейчас он сумел совладать с собой. Сжал зубы, больно прикусив губу. Выбрал позу, удобную для обороны...

Каюту залил свет, дверь распахнулась. На пороге стоял сигом, а за ним притаилась темная фигура, похожая на те, которые пытались окружить Олега.

— Это я, Олег, успокойся.

«Опять обман. Нельзя поддаваться... Если это Ант, то почему за ним — темная фигура? Что они замыслили?»

— Олег, дружище...

«Голос Анта. Но разве трудно подделать голос?»

Сигом шагнул к Олегу, а темная фигура осталась в дверях. Ант выдвинул ящик столика,

достал зеркало и протянул его Олегу. И тот увидел в круглом блестящем кружочке страшное лицо — со сведенными перекошенным ртом, с изломанными бровями, в крупных каплях пота. Искусанные губы покрыты кровью и застывшей пеной. В огромных глазницах сверкали страхом и ненавистью черные точки.

Видение надвигалось на Олега...

— Кто ты? — закричал он, пытаясь прикрыться руками.

— Это зеркало, Олег. А в нем — ты.

«Это не Ант. Кто угодно, но только не он. Они хитры, но человека Земли им не обмануть!»

Он собрал остатки сил и бросился вперед. Сигом хотел было включить отбрасыватель, но сдержался — Олег мог ушибиться. Поэтому Ант только поймал человека в энергетические нити оболочки и спутал его, как сетью.

Перед сигомом сейчас находилось взбешенное испуганное существо, меньше всего напоминавшее Олега. Ант заметил волосы, вставшие дыбом на гусиной коже. Рентгеновским и гамма-зрением увидел, как колотится сердце и напряженно вздуваются серые лоскуты легких, как сокращаются железы, выбрасывая в кровь адреналин...

За секунду сигом успевал передумать и перечувствовать больше, чем сотня человек — за всю жизнь. И сейчас, вспомнив все, что связывало его с прошлым, Ант испытал невыносимую жалость к этому существу, виновному разве лишь в том, что не может подавить свои инстинкты органами Высшего контроля, которых у него нет.

Сигом думал:

«Его так легко убить, что он должен постоянно доказывать себе и другим: я не трус. Достаточно вывести из строя орган или перебить сосуд — и заменить нечем. Он вынужден бояться повреждений и ненавидеть все, что может их причинить. Удивительно, как, несмотря на все это, человек-личность поднимается над человеком-животным».

Сигом перегнал психоэнергию из излучателя в глаза. Хотя это было вредно для него, но могло наиболее эффективно подействовать на Олега. Из глаз сигома протянулись два невидимых луча, и там, где они скрестились, появилась сверкающая точка. Она коснулась Олега, и он упал...

8 Он увидел над собой встревоженное лицо сигома, спросил:

— Это все-таки ты, Ант?

Почувствовал руку сигома на своем лбу, услышал его слова:

— Нет, не я, а джин из бутылки.

Только теперь поверил.

— Мне показалось, что ты пришел не один.

— Тебе не показалось.

— Кто же это?

— Еще не знаю. Но думаю, один из тех, кого мы ищем.

Олег стремительно приподнялся, повернул голову и увидел двуногое существо, одетое в пластмассовый скафандр. Бледно-фиолетовое лицо, глаз почти не видно. Из раскрытого рта выглядывают зубы. Существо стояло неподвижно, прислонясь к стене каюты.

— Не бойся. Я держу его под телеконтролем, — проговорил сигом.

— Но почему ты сказал, что это один из тех?

— Это Миронов.

— Что?!

— Присмотрись.

Лучи, исходящие из глаз сигома, потянулись к Олегу. Он почувствовал, что с него сваливается гнетущая тяжесть, что возвращаются спокойствие и зоркость ума, как вода возвращается в колодец. Он посмотрел на ноги существа — это были ноги Миронова, и плечи — его плечи. Но лицо — чужое...

— Миронов, — позвал он, и громче: — Иван!

Существо безучастно смотрело куда-то в угол, и Олег вспомнил, что оно находится под контролем Анта.

— Сними телеконтроль, — попросил Олег.

— Опасно. Не сумел с ним договориться.

— Я дружил с Мироновым. Сними контроль.

— Ладно.

Выражение бледно-фиолетового лица мгновенно изменилось. Из безучастного стало затравленным и злобным. Существо ринулось к двери. Убедившись, что ему не открыть ее, подскочило к пульту, стало беспорядочно нажимать на кнопки.

«Он что-то помнит», — воспринял Олег мысль сигома и шагнул к существу. Оно обернулось, по-звериному щелкнуло зубами. Олег ударил его в челюсть, послал в нокадаун.

Когда существо, пошатываясь, встало, Олег снова произнес имя Миронова, повторяя его на разные лады, разным тоном. Существо не реагировало, лишь затравленно озиралось.

Олег вспомнил девушку с густыми, сросшимися сердитыми бровями, за которой они оба ухаживали и которая стала женой Миронова. Громко, раздельно произнес:

— Вика. Виктория. Вика. Жена Вика. Сын Митя. Митенька...

Ни один мускул не дрогнул на лице существа.

Олег посмотрел на сигома, думая: «Возможно, ты опять ошибся, сигом, считая, что понимаешь человека лучше, чем он сам себя. Это не Миронов».

«Не ошибся», — ответил сигом.

«Что бы еще попробовать? Надо найти что-то очень привычное, знакомое ему и в то же время требующее безусловного подчинения. Может быть, это?»

— Пять, четыре, три, два, один... Старт!

Существо сделало жест — автоматический жест космонавта, опускающего голову на подушку кресла и закрывающего глаза. Олег начал быстро, не давая памяти существа выключиться, произносить команды. Иногда по вздрагиванию век или движению бровей он улавливал реакцию, но была она слабой, мгновенной и быстро затухала.

«Возможно, это произвольные движения, а не реакция на мои слова?»

Олег называл имена, фамилии, должности товарищей Миронова по экспедициям, но это не произвело никакого впечатления. Тогда, отчаявшись, он начал говорить все, что приходило на ум и могло иметь хоть какое-то отношение к Миронову:

— Пойдем на корт, косолапый? Я достал новую книгу Рейка. Хочешь мороженое? Эй, перевернешь лодку, баловень! Помнишь прогулку на Памир? Ты зарос так, что Вика тебя не узнает.

А помнишь Роланда, Рольку, который всегда пользовался твоими конспектами?

Он говорил еще долго и уже отчаялся, — не потому, что устал, а потому, что дошел до воспоминаний детства и не знал, о чем говорить дальше. Вспомнив о дворовой футбольной команде, на всякий случай выпалил:

— Пас!

Нога существа лягнула невидимый мяч.

— Еще пас!

Нога дернулась еще раз.

«Неужели попал в точку?»

«Кажется, ты нащупал контакт», — обратился к нему сигом. — Воспоминания детства».

— Ванька-циклоп, циклопчик, Ваня, мама зовет!..

Существо повернуло голову, прислушиваясь. Слабая улыбка тронула его серые губы. Глаз не было видно, но у них собрались морщины.

— Кожа Миронова приобрела защитный цвет, и по той же причине запали глаза, — сказал сигом.

Но Олег это уже понял. Теперь он поверил в то, что перед ним — Миронов. Боясь потерять контакт, быстро говорил:

— Около вашего дома был луг, а за ним — река. Мы ловили карасей. Карась — земная рыба. Хорошо клюет на зорьке. Помнишь рыбачью зорьку, циклопчик?

Губы существа шевельнулись. Олег угадал слово, которое они прошептали: «Помню...»

Он положил руку на плечо Миронова, привлек его к себе.

— А помнишь меня, Олега, твоего друга? Посмотри на меня. Помнишь?

Миронов начал оседать, валиться на бок.

— Пусть отдохнет, — проговорил Олег. — Слишком сильное потрясение.

Он уложил Миронова в кресло.

9 Десять часов беспробудного сна. Затем несколько часов горячечного бреда. Миронов метался, кричал, вопил, плакал. Он грозил неизвестным врагам:

— Вы так — и мы так! Негодяи! Палачи! Подлецы! Убийцы! Вы так — и мы так! Тогда не жалуйтесь!

Олег, с помощью сигома залечивавший свои раны, прислушивался к горячечным словам, пытаясь уловить хоть какой-то намек на события, развернувшиеся на этой планете. Наконец он развел руками и сказал Анту:

— Типичный бессистемный бред.

— В нем есть система. Бред подчинен одной идее.

Олег вслушивался...

— Вы еще пожалеете! Без команды не стрелять! Огонь! Гады! Вы так — и мы так! Каков привет — таков ответ. Око за око и зуб за зуб! Вот вам! Что, довольно?

Олег повернулся к Анту:

— Ты прав. Ясно, что враг, с которым они соевали, был подлым и жестоким. Но кто он, каковы его приметы?

— Говоришь не о том, — сказал сигом. — Бред подчинен одной идее. Слышишь: «Вы так — и мы так». Это опыт земной истории, земная логика. А тут — космос, иной мир, иной угол преломления света... А жители планеты — лишь мхи и кустарики...

— Но тогда с кем же они воевали? — А в

памяти назойливо звенело: «Иной угол преломления света, иной угол... И этого достаточно, чтобы человек превратился в зверя? Ты смешон, сигом...»

— Погоди, — сказал Ант. — Он, кажется, очнулся.

Миронов раскрыл глаза, удивленно посмотрел на Олега:

— Ты?

— Иван, вспомнил? Циклопчик, старый друг... напугал меня,— обрадованно заговорил Олег.

— Откуда ты здесь?

— Меня послали разыскивать вас. И вторую экспедицию — ту, что вылетела вслед за вами.

Белые полосы над глазами, которые, вероятно, были бровями, удивленно поднялись:

— Вторую экспедицию? Мы ничего не знали о ней...

И мгновенно выражение лица изменилось:

— Они могут ворваться сюда!

— Кто они?

— Враги. Космонавты. Не знаю, с какой

планеты они прибыли. Те, с кем мы воевали. Увидели их, как только прилетели. Пробовали установить контакт. Но они убегали, исчезали. А потом начали стрелять в нас. Расставляли ловушки. Сергей погиб...

Олег думал: «Пробовали установить контакт... Ловушки... Стреляли... Почти то же, что было с нами, со мной...».

«Вот именно, ты попал на верный след,— подсказал сигом.— А помнишь, как ты испугался существа, которое было твоим отражением?»

«Ты хочешь сказать, что они увидели такие же отражения и пробовали установить контакт с ними? Не может быть...»

«Может,— твердо ответил сигом.— Они преследовали их. Им казалось, что те хитрят, и они начали хитрить. И чем больше прибегали к уловкам они, тем больше ловчили и те, их отражения... Началось искажение психики...»

«Но кто же в них стрелял? Кто строил ловушки? Отражения не умеют стрелять!»

«Стреляли участники второй экспедиции. Они ведь не могли узнать в них людей. Ни по внешности, ни по поведению. Вначале и те, и другие преследовали свои отражения. Люди изменились, озверели. Затем экспедиции обнаружили одна другую и приняли друзей за коварных врагов, которых преследовали. Началась ожесточенная борьба, постепенно возрождался старый принцип: вы так — и мы так. Помнишь, к чему он приводил на Земле?..»

«Преломление света,— вспомнил Олег.— Но он ошибается. Все было иначе. Я еще не знаю как. Но иначе». Спросил мысленно: «Но я-то не сошел с ума. С кем я воевал? Кто стрелял в меня?»

Во взгляде сигома появилась жалость, и Олег понял, что Ант подтвердит страшную догадку. И, чтобы испытать последний шанс, спросил у Миронова:

— А мой брат? Ты ничего не сказал о нем. А остальные?

Судорога прошла по лицу Миронова, заволокла белесой мути глаза. Он бормотал:

— Твой брат, твой брат... Ну да, твой брат...

Муть начала оседать куда-то на дно глаз, взгляд прояснился...

— Мы обнаружили корабль. В нем был враг. Один. Он стрелял в нас...

Олегу показалось, что волосы на голове становятся жесткими, как иглы, и пытаются поднять

шлем. Он знал, что обязан спросить, никак не может не спросить, все равно придется спросить... И он спросил, читая на лице сигома страдание:

— Мой брат был среди вас?

— Да.

«Теперь я знаю, с кем воевал и кого, может быть, убил или ранил,— думал Олег, чувствуя, как судорога сводит руку—ту, которой он стрелял.—Иной угол преломления света...»

А Миронов все бормотал:

— Твой брат... Где он сейчас?.. Странно...

«Иной угол преломления света... И все? Достаточно, чтобы раздавить нас? Кто же мы такие?»

Олег услышал мысленный ответ сигома:

«Нет, не угол, а логика. Земной опыт, земная логика».

Скафандр стал необыкновенно жестким, сдвинул, сковал Олега, превратил в куколку, внутри которой замурована личинка жука. И в таком оцепенении он думал: «Никогда мы не будем свободны от памяти или от логики. Потому что главное в нас—память. И отрешиться от нее—отрешиться от себя. Я понимаю, сигом, ты не желаешь мне плохого, не хочешь утяжелить ни мою вину, ни горе. А я не хочу облегчить их. Но случилось то, что должно было случиться. Чтобы оно не случилось, мне нужно было прыгнуть выше себя. Вот именно, выше себя... Но ты не поймешь этого, сигом. Чтобы понять до конца человека, надо быть им».

Он посмотрел на сигома, и в его взгляде были горечь и отчаянье, но был и вызов. И тогда сигом сказал:

— Дело в том, Олег, что я был человеком.

Не удивляйся. Меня звали Антоном, и в той человеческой жизни у меня были жена Ксана и дочка Вита. Когда я погиб, меня начали воссоздавать. Сначала—как модель мозга в памяти кибернетической машины. У меня спросили, хочу ли я быть прежним...

— Но почему ты отказался? — спросил Олег.

Миронов весь востепенулся и переводил взгляд с одного на другого, силясь понять их спор.

Ант задумался, совсем по-человечески по-тира переносицу:

— Можно рассказать об опасностях, которых я не мог одолеть в прежней жизни; о друзьях, которых не мог спасти; о целях, которых не мог достичь. Но я скажу о другом. Когда-то в юности я долго размышлял и пытался понять, в чем же величие человека? Может быть, его нет, и человек никогда не выйдет из предопределенного круга? Я тогда не ответил на свой вопрос...

Олег на миг поднял голову, и по его лицу нельзя было догадаться, хочет ли он услышать ответ, который нашел человек, став сигомом.

— Ты догадался, Олег? Все же это сумел лишь человек. Прыгнул выше себя. И остался самим собой. Совместил несовместимое. Оказывается, это все-таки возможно, дружище.

Рассеянный взгляд Олега скользнул по каюте, по приборам, по кнопкам пульта...

— Ты останешься с Мироновым в каюте, а я полечу искать остальных людей. И твоего брата...— сказал Ант и подумал: «Если не поздно...»

„СЛЕДОПЫТ“

У «Уральского следопыта» есть читатели, которые знают журнал десять лет, со дня выхода первого номера. Многие читатели стали его друзьями позже. А некоторые познакомились с «Уральским следопытом» совсем недавно, и не с последними его номерами, а порой старыми, вышедшими три, пять, семь лет тому назад. Вот от таких-то читателей мы часто получаем письма.

Они интересуются историей «Уральского следопыта», судьбой героев революции, гражданской и Отечественной войн, о которых рассказывал журнал, спрашивают, где, в каких номерах можно прочитать рассказы, очерки, статьи по краеведению, охране природы, следопытским поискам.

Ответить на многие из этих вопросов читателей поможет сборник «Следопыт». Он как бы подводит итог десятилетней деятельности журнала, суммирует все лучшее, что было напечатано на его страницах.

«Следопыт» познакомит читателей не только с писателями—авторами повестей и рассказов, но и с людьми самых различ-

ных профессий: учеными, учителями, производственниками, инженерами, врачами и просто школьниками, которые в течение десяти лет выступали на страницах журнала.

В сборник вошли лучшие рассказы, краеведческие материалы, очерки-портреты замечательных людей Урала. И прежде всего, это произведения, рисующие современную действительность. Собраны в «Следопыте» и наиболее удачные иллюстрации и фотографии.

ИЗ НАШИХ ДНЕЙ

КОГДА ПРИХОДИТ ВЕСНА

ходит по улице и тычет палкой в грязные сугробы. Издали кажется, что она с ними сражается.

Эту старушку я часто встречаю летом, когда она возвращается из тайги с лесными цветами...

Весна в этом году была ранняя и теплая. Быстро сошел снег, раньше прошлого года уплыл лед по Енисею. Как-то неожиданно прилетели зяблики, затем и трясогузки...

А я приход весны замечаю по старушке, которая живет на Комсомольской. Уже в марте, едва-едва пригреет солнце, она

В мае склоны сопок и распадков белые от распустившейся черемухи. Запах ее проник в каждый закоулок, заполнил все складки земли. Отломил две веточки с легкими гроздьями, вдохнул, и голова пошла кругом от горько-сладкого настоя...

Вдруг впереди увидел пламя на темно-зеленом кусте марьиных кореньев. Цветы чем-то похожи на девушку с алыми губами и желтыми волосами. Не могу оторвать от них взгляда. Тянусь к ним, забыв о черемухе. А прикоснулся лицом к алым цветам и вздрогнул от нестерпимой горечи. Отпрянул и виновато огляделся — где веточки черемухи? Оказалось, выронил, наступил на них и вмял сапогом в рыжий суглинок...

МАРЬИНЫ КОРЕНЬЯ

ПЕРЕПЕЛОЧКА

Поселок построен на берегу недавно. Сейчас он попал в зону затопления, и люди покидают его. Дома еще не разобраны, но на них уже наступает луг. Прямо на улице цветут ромашки. Под ними, у земли, еще держатся принесенные людьми придорожные травы. К самым окнам прижалась лебеда, а между ней и луговыми встал могучий репейник.

С луговой травой вошла в поселок и перепелочка. На оставленной скамейке она устроилась сушиться от росы. Вытягивает свою пеструю шейку и поет. Сначала издает какой-то клетот, которого мы обычно и не слышим, а затем уже картавая песня летит далеко и призывно: «пять-пала».

Туристы проходят мимо и не обращают на нее внимания, а она — на них. Но вот я иду по той же тропе, иду, чтобы лучше ее разглядеть, крадучись, бесшумным охотничьим шагом, и вдруг перепелка прижимается к доске, а затем срывается и летит за изгородь. В траву.

МАМА

Когда-то здесь упала осина. Придавила верхушку березки к земле. Валежина уже сгнила, одна труха от нее осталась. А березка вросла в землю уже и верхушкой. Пустила корни. Стоит, тугим луком натянутая. Из ее хребтины только что выпущенными стрелами растут невестами две березки. Ровные, стройные, уже и толщиной такие же. Только старая береза с потресканной, задубленной ветрами и непогодой корой, вся обросшая снизу мхом. А дочери гладенькие, белые. Они так и сыплют от спелости белой мукой.

И мне вспоминается моя мама и другие матери, которые в войну и в трудные послевоенные годы работали и прогибались от общего несчастья к земле. Но нас растили, отдавая нам все соки.

Начало октября. На вершинах гор белеет уже снег, а берега Енисея еще темны. И скатываются с верховьев распадков сюда, к теплу воды, птицы и звери. По обоим берегам на песке множество беличьих следов. Вот одна мечется по гальке. Глядит через реку и отбегает. Но голод напоминает о себе, и она застенчиво входит в воду. Плышет. Наверху только голова да хвост. Хвост — самое главное: если она его замочит, пышный беличий хвост потянет хозяйку на дно.

Вот почему белки перебираются только в такие тихие дни, как сегодня. Даже в судовых инструкциях указано: «Стопорить машины, если по реке идет массовый переход зверей».

Белка плывет прямо на нас. Голова уже по уши утопает в воде. Она ничего не видит, выбирается на высунувшийся из воды камень и тяжело дышит. Глянула, наконец, вверх, и увидела нас. Испуганно дернулась, прижалась головой к камню.

Мы отчаливаем лодку, и забываем про белку. А когда я обернулся, то увидел ее на щебеночной осыпи. Беличьи глаза блеснули на солнце. И тут же она сама скрылась за голыми кустами желтой акации.

БЕЛКА

РЯБИНКИНА КОСЫНКА

Соседской девчужке подарили красивый красный платок. В нем она играла во дворе, а платок все время съезжал на плечи, мешал. Она сняла его и сунула в пышный куст рябины. И забыла. На солнце горел он в зелени красным флажком, а потом, в сентябре, исчез. Куст сам стал красным.

У девочки мама спрашивает про платок, а она никак не вспомнит, куда его дела.

И только поздней осенью, когда кудрявая рябина сложила на бугорке свои красно-рыжие листья, платок опять стал видимым.

Астры никак не могли зацвести в тени черемухи. А только осыпались листья, как красные, белые, бархатные цветы потянулись к солнцу.

Вот уже пошел снег. Побелели цветы. Заиндевели листья и черенки, а белые астры пропали, как будто растаяли в снегу.

Но я все же нашел, срезал и со снегом поставил в воду. Оттаяли, и я увидел астры такими, какие они бывают летом, когда утреннее солнце еще не выпило с них ночной росы.

АСТРЫ

ОБИДА

Пробираясь меж густых трав и кустарников, бесшумно течет ручеек. Там, где упавшая валежина заставила его выточить небольшое озерцо, день за днем равномерно кружится легкий берестяной черпачок. Кто-то проходил мимо, напился и пустил его, словно игрушечное суденышко, в плаванье.

А рядом стоит березка, и с белоснежного ствола ее, в одном месте разрезанного ножом, снято колечко бересты. Все ниже опускаются зеленые косы листьев, стараясь прикрыть ими обнаженный кусочек тела, и вот уже почти незаметной становится нанесенная рана...

Проходят мимо лесного ручья охотники. Кто фуражкой, кто кружкой, кто просто горстью — черпают освежающую прохладу, плещут ее в лицо, улыбаются, подмигивают стройной березе... Но она молчит. Шевелит листочками и молчит. Не забыть ей этой давней обиды.

Ранним утром кто-то прошел по напоянной росами луговой отаве, и на девственно-чистой серебристой зелени трав четко вырисовывался каждый шаг.

Я смотрел на уходящую вдаль цепочку следов, и мне почему-то вспомнилась веселая шестиклассница, с тонкими косичками и красным бантиком. Милая, смешная ты моя девчушка, знала бы ты, что я писал для тебя стихи, дрался за тебя с мальчишками, оседлав по-донкихотски суковатую палку.

Над лугом пролетела кряква. Я проследил за ее быстрым полетом в светлеющем небе и на востоке, в зазубринах недалекого леса, увидел разливное сияние. Там, словно большая, настоящая любовь, вставало радостное полукружье солнца. Оно не остановится на полпути, это проснувшееся светило. Оно вберет в себя по капельке каждую росинку, заиграет всеми цветами радуги по земле, и захочется «лет до ста расти», захочется сделать что-то необыкновенное...

Ровное пскрывало луга зазеленело в полдень чисто и свежо, и не было уже на нем ни следов, ни далекой и милой девчушки с красным бантом.

ПО РОСЕ

БАНТИКИ

Речка наша носит красивое название — Юсьва. В переводе на русский означает Лебединая. Может быть, когда-то раньше на ней и действительно водились лебеди, а теперь их здесь не видно.

Но не только название, и сама речка красива. Небольшая, быстрая. Говорливая. По берегам пышные кустарники растут.

Целыми днями в воду смотрятся. Не могут на себя налюбоваться. Летом идешь, бывает, по берегу, а речка бормочет, курлычет, точно лебеди где-то недалеко между собой разговаривают. Пойдешь на их курлыканье, а это, оказывается, на перекате вода с камушками о чем-то по-своему беседует. И так с весны до осени далеко разносится веселый говор.

Но вот октябрьской ночью ударил первый морозец. К утру по берегам забелели голые черемухи, липы и березы, словно за одну ночь постарели и поседели. Речка покрылась светлым, как стекло, льдом. Смотришь на нее, и будто льда совсем нет. Каждая коряжка, травинка и камушек со дна видны. Только веселого говора не стало слышно. И разоделась-то речка в этот раз по-особенному. На льду, будто на глянце, ярко поблескивают белоснежные бантики. На восходящем солнце они сверкают разноцветными искрами. И кажется, словно ночью на льду лебеди устраивали праздничный хоровод, в веселой пляске растеряли свои белые перышки, а кто-то собрал их тайком, связал в бантики и разукрасил речку в осенний наряд.

Валериан БАТАЛОВ

ДАНИЛА

Леонид ФОМИН

Я стрелял на болоте бекасов, а потом, порядочно умотавшись, вышел на луга отдохнуть и обсушиться. Со мной была легавая, хорошо натасканная собака Ара. Мы лежали на траве. Мокрая одежда обтягивала тело. Ара, с облипшей шерстью, лежала напротив и смотрела коричневыми глазами туда, откуда мы недавно вышли. Она тоже умаялась, но, видать по всему, не утолила своей страсти и готова была хоть сейчас ринуться обратно в пахучие зыбуны.

Собака смотрит на болото, я — на собаку. Смотрю и потихоньку радуюсь: какая все же работающая, какая умная! Не каждому удается выкормить такого помощника, так поставить его. И статью вроде удалась: брудастая, с правильной формой головы, шелковистая, подтянутая. Охотники и всякие другие знатоки называют такую правильную собачью выправку по-мудреному — экстерьером... Словом, Ара моя без изъянов, все в ней есть, что полагается ирландскому сеттеру.

Раздумывая, я машинально посмотрел туда, куда повернула голову собака. С косогора от деревни в нашу сторону бежали ребята. По пестрой рубашке я еще издали узнал Мишку, веснушчатого мальчугана, с отцом которого мы как-то удили на Чусовой язей. Мишка подбежал первым и, забыв поздороваться, сказал, шумно переводя дух:

— Там... папка сено мечет... велел... это... к чаю...

Подоспели остальные. Все они знали меня, да и я уж успел к ним присмотреться, поэтому особого стеснения никто не чувствовал. Ребята восхищались ружьем, хором хвалили собаку, о

чем-то оживленно спорили. Постепенно я понял, что спорят они о силе и смелости Ары, противопоставляя ее какому-то Даниле.

— Думаешь, не перебьет?! — задиристо кричал Мишка прямо в лицо вихрастому лопухому Гошке.

— Почем я знаю, — неопределенно отвечал Гошка. — Вот подерутся, тогда узнаем...

— Конечно, перебьет! — выступил вперед худой, с босыми цыпучечными ногами парнишка, которого почему-то все называли Голубем. Для убедительности Голубь показывал на раскрытую пасть собаки: — Зубища-то — во!

— Не перебьет! — возразил мальчик в засаленной куртке, с гаечным ключом в кармане. — Если Данила разозлится — все удерут!

— Удеру-ут... — передразнил Мишка. — Сам ты первый удерешь. Не говорил бы за других. Иди давай к своему мотору, отвинчивай гайки.

Я отжал портянки, обулся, и мы пошли к деревне. И дорогой ребята спорили, а поскольку мнения их двоились, спрашивали меня:

— А правда, кто сильнее, Данила или Ара?

— Ну, конечно, Данила, — отвечал я, не желая обижать местных собак.

Споры неожиданно утихли, когда мы вышли на крайнюю улицу. В непонятном, враз наступившем молчании мальчишки прошли со мной еще немного, а потом незаметно, по одному стали отсеиваться и нырять кто куда — в проулок, в дыру в заборе, за баню. А Голубь — тот забрался для чего-то на тополь.

Вскоре со мной остался один Мишка. Он загадочно присмирел, прижался к моей ноге, ухватился за штанину.

— Куда это они?

— А вон Данила идет...— сказал Мишка, и голос его дрогнул.

— Где? — не понял я.

— Во-он,— указал Мишка вдоль улицы.

Но никакого Данилы я не увидел. Впереди спокойно трусила Ара, какая-то женщина в бордовом платье доставала из колодца воду, да три гуся важно шествовали по середине дороги.

— Где Данила?

— И-их!..— досадливо присвистнул Мишка и по примеру друзей стрельнул в ближайшую ограду.

Между тем здоровенный толстый гусак с морковно-красными лапами и черным набалдашником на хищно раскрытом клюве опередил сопровождавших его гусих, змееподобно вытянул шею, протяжно, с клекотом прошипел и лютым тигром бросился на Ару. В один миг он настиг ее и так долбанул, что та, неистово взвывая, завертелась на месте. Гусак долбанул еще и еще раз и, не давая бедной собаке опомниться, принялся осыпать ее мелкими, частыми, как пулеметная очередь, ударами. На месте боя злоеюще за клубилась пыль, и из этой пыли на всю деревню летел дикий вой избиваемой насмерть собаки. В суматохе я заметил, как, бросив ведра, удирала в калитку женщина, как в спешке прихлопнула подол платья и, разорвав его, с визгом скрылась в сенях дома.

«Данила!» — догадался я.

Но догадался слишком поздно. Собака, сломя голову, мчалась вдоль улицы. А гусак и не думал ее преследовать. Донельзя рассерженный, он подбежал к калитке, выхватил красный лоскут, защемленный дверью, гневно тряс головой, брезгливо выплюнул его и, кажется, выругался... И тут заметил меня. Я невольно замер, увидев его глаза. Это были налитые кровью стеклянные шарики. Данила презрительно прищурил один, смерил меня с головы до пят.

Дальше все происходило с непостижимой быстротой. Я не успел выломить из тына палку, не успел уберечься — на меня обрушился такой же шквал ударов, какой только что вынесла позорно ударившая Ара. Я вертелся и подпрыгивал, кружился и приплясывал. Даже отмахнуться ни разу толком не сумел. Только повернись, а Данила — стук в ягодицу! Развернись, а он стук в другую! Штаны изорвал, руки рассадил до крови. И щиплет-то как-то не по-гусиному, зверь. Долбанет, да еще повернет!..

Вижу, худо мое дело. Сдернул я с плеча ружье да и хотел огреть хорошенько разбойника прикладом. А он так меня и ждал!

— Ого-го! — победно прокричал гусак и, замавав метровыми крыльями, полетел за огорды.

Остался я посреди улицы растрепанный, растерянный...

А вечером, за чаем, Степан Захарович, Мишкин отец, усадив меня, где помягче, говорил с плохо скрытой ухмылкой:

— Таким посмешищем и живет Данила в деревне. Совсем отбился от рук, чтоб ему ни дна, ни покрывшки... Ни бабам, ни ребятишкам проходу от него нет. Коровы, и те боятся. Председатель давно велит отрубить ему башку да сдать в колхозную столовку, так ведь никто и не берется! Так и живет... А ты пей, пей чай-то!

Б. ДИЖУР

1

Старая кукушка спешила домой.

Впрочем... Где у кукушки дом? Об этой птице давно ходит дурная молва. Гнезда не вьет. Яиц не высиживает — подбрасывает другим. Птенцов не воспитывает. Несколько летних месяцев беспечно летает по лесу, а осенью отправляется на курорт — в далекую Африку. Там столько тепла и великолепной пищи!

И все же в сытой африканской жизни наступали дни, когда и без того сильно бьющееся сердце кукушки колотилось особенно тревожно.

Домой! Домой!

Не милы ей большие и жирные африканские гусеницы. Надоело знойное солнце. То ли дело русская дубрава... Сколько тени, прохлады... И каждое деревце знакомом...

И вот уже она мчится, мчится, мчится...

Она хорошо знает длинный путь над горами и лесами, человеческими жилищами и полями, вдоль речных берегов и пастбищ. Его проложили много веков назад ее далекие предки, точно так же —

два раза в год — пролетающие этой дорогой. Осенью из России в Африку. Весной обратно.

Африку от России отделяют почти двадцать тысяч километров. Величина огромная. И кукушка отлично чувствует это. Она торопится. Скорей! Скорей! И в час пролетает восемьдесят километров. Быстрее скорого поезда!

Иногда она делает остановки. Садится на ветки чужого леса. Подкрепляется. Разминает уставшие крылья, набирается сил и... снова в путь.

И вот уже близка, совсем близка родная роща. По обычаю предков, кукушка прилетела сюда ночью. Но она так хорошо знает эти места, что и в темноте различает отдельные деревья. Это ее старые друзья.

А вот и трухлявый пенек.

— Узнала. Узнала... — радуется кукушка.

Здесь, в углублении, еще, наверно, сохранилось гнездо, в котором она родилась.

...Тепло, уютно было в мягкой колыбели, свитой из сухих листьев, пушистых перышек, шерсти. Приемная мать — маленькая горихвостка — на славу кормила ее.

Рыжеватый хвостик матери то и дело подрагивал. «Фюить-ти-так-фюить», — покрикивала она, перелетая с ветки на ветку, схватывала голую гусеницу и приносила в гнездо.

Ох и прожорливой была приемная дочь! Как всякая молодая кукушка, она могла съесть за день восемь ящериц, тридцать девять больших зеленых кузнечиков, три гусеницы бабочки, сорок три капустных гусеницы, пять личинок майского жука, четырех пауков-крестовиков, пятьдесят мучных червей. И на закуску еще проглотить большое количество муравьиных яиц.

Не удивительно, что кукушка быстро росла, прибывала в весе и вскоре стала много больше своих приемных родителей. Чтоб накормить ненасытное дитя, им, беднягам, приходилось с рассвета до темноты носить корм. А отец, кроме того, охранял свое семейство, затевал драки с птицами, которые приближались к гнезду, где стоял постоянный дребезжащий писк: «Йи-йи-йи... есть... есть...»

У отца были такие же, как и у матери, рыжеватый хвостик и бурая спинка. Но он выглядел наряднее, благодаря темной

манишке. Впрочем, и мать была хороша — эта скромная, стройная маленькая кормилица.

...Старая кукушка охотно вспоминала свою юность. Как было интересно, впервые пробуя крылья, вылететь из гнезда! Родители бережно сопровождали ее.

«Тик-тик!.. Будь осторожней, маленькая!» — кричали они, хотя «маленькая» была раз в пять-шесть крупнее своих родителей. Родители не замечали этого. Не замечали, что у их приемыша нет ни дрожащего красноватого хвостика, полагающегося горихвостке, ни печальной песенки — «гр-гир...» Что хвост у нее округлый с черными полосами, спина гибкая, тоже полосатая, а на голове белые пятна.

Ничего этого не замечали родители, провожая ее в самостоятельную жизнь.

Кукушка к тому времени стала совсем взрослой. Осторожная, скрытная, она предпочитала одиночество. Питалась мохнатыми гусеницами, которые жили на листьях дуба.

По ночам до нее доносились голоса кукушек-самцов. Их звонкое «ку-ку», иногда повторенное много раз подряд, наполняло ночную тишину. Позднее и она научилась подавать голос. Но ее песня не была похожа на кукование самца. Скорее она напоминала глухой хохот.

Приближалась осень. И молодая кукушка, никем не руководимая, впервые в своей жизни полетела в далекую Африку.

...Не дожидаясь наступления утра, кукушка облетела знакомую с детства рощу. Надо найти подходящее гнездо горихвостки.

Для чего? Уж не думает ли она поселиться в нем? Нет! Ей это ни к чему. Но она должна позаботиться о своем будущем потомстве. Люди называют ее беспечной. Говорят, что она бросает своих детей на произвол судьбы. Как же это несправедливо! Напротив! Она только и занята тем, чтоб подготовить будущим кукушатам наилучшую жизнь!

Что из того, что она не строит гнезда! Зато она очень хорошо умеет выследить уютное гнездо горихвостки и, в отсутствие родителей, снести туда точно такое же голубое яичко. Оно и по размеру и по цвету ничуть не отличается от тех, которые уже лежат в гнезде.

Правда, приходится идти на преступление. Чтоб хозяева гнезда ничего не за-

метили, кукушка осторожно вынимает одно из яичек горихвостки и... Теперь все! Порядок! Прилетит мама-горихвостка и примется за работу. Все голубые яички — и ее собственные и приемное — будут одинаково согреться ее горячим крохотным тельцем.

Но, к счастью всего кукушечьего рода, приемыш вылупится раньше всех. И хотя он совершенно голый и невзрачный, силы и задора в нем хватит! Стоит ему почувствовать чье-то прикосновение к спине, как он тотчас расставит ноги, подогнет шею вниз, упрется головой в дно гнезда и начнет пятиться, пятиться, стараясь подхватить на спину барахтающегося рядом с ним птенца. Голые крылышки при этом закинуты назад, как бы придерживая жертву.

Еще мгновение — и кукушонок, поднявшись на ноги, вышвыривает «брatца» из гнезда.

Конечно, все это проделывается в те редкие минуты, когда мать улетает из гнезда. И горе ей, если она задержится! Кукушонок успеет расправиться со всеми ее детенышами.

Так уж устроено в природе... Кукушонку надо расти. Ему требуется много пищи. Расчет простой. Если он останется один в гнезде, вся пища, которую принесли родители, достанется только ему...

Старая кукушка помнит об этом по личному опыту. Вот почему она совершенно спокойна за своих детей. Она разбрасывает по гнездам горихвосток десять, двенадцать голубых яиц. Она должна увеличивать свой род. Так заведено давно.

Другие кукушки приспособились класть яйца в гнезда крапивников или пчелочек. У них яйца в красноватую крапинку. Есть среди ее родичей и такие, что находят гнезда соловья и подкладывают этому лесному музыканту коричневато-оливковые яйца. И соловьи покорно их высидывают.

Но ни одна кукушка никогда не бросит свое дитя без присмотра. Это — злая клевета!

Давно бы следовало понять, почему кукушка с незапамятных времен совсем по-иному, чем другие птицы, заботится о потомстве.

Ведь кукушка откладывает яйца редко — одно или два в неделю. И вот представьте, стала бы она высидывать их сама.

Из яйца, отложенного первым, уже вылупился бы птенец. Его надо усиленно кормить. Для этого надо летать, искать корм. Целый день в работе. А как же быть с остальными яичками? Кто будет их высидывать? Не разорваться же одной? И получилось бы, что кого-то пришлось оставить без материнского внимания. Или новорожденного кукушонка заморить голодом. Или нерожденных птенцов бросить. И то и другое тяжело настоящей матери. Вот она и приспособилась — подкладывать яйца в чужие гнезда. Из всех из них вылупляются сильные здоровые кукушата. Род ее продолжается, а она свободно летает, хорошо кормится, подкрепляет свое здоровье для новой кладки яиц.

Раздумывая таким образом, старая кукушка облетела рощу и в недоумении присела на ветку дуба. Что случилось? Где гнезда горихвосток?

Кукушка внимательно осмотрела все дупла, обследовала выемки в трещинах стволов, слетала в ближнее село и заглянула под крыши домов, в ниши кирпичных заборов, даже в поленницы дров. Нет! Нигде нет ни одного гнезда!

— Странно! — размышляла кукушка. — Произошло что-то странное...

Но вдруг она заметила на стволе одного из деревьев, меж ветвей, аккуратный деревянный домик, из тех, какие сооружают пионеры в ожидании весеннего прилета птиц.

— Не заглянуть ли? — подумала кукушка и, сорвавшись с ветки, полетела к домику.

— Так вот оно что!

На дне домика, на мягкой, пышной подстилке лежало несколько голубых яичек.

— Вот где поселилась горихвостка!..

Тревога уже не оставляла старую кукушку.

Вдруг и другие горихвостки решили в этом году не строить гнезд и заняли готовые квартиры?

Так оно и оказалось. Еще не наступил рассвет, как из всех деревянных домиков начали выпархивать рыжехвостые птички.

— Фюии-рюрюрюрюрю-иикру... — раздавалось то тут, то там.

Маленькие хлопотливые горихвостки запели свои утренние песни, хотя в лесу еще было сумеречно. Эти трудолюбивые птахи просыпаются раньше всех,

если не считать соловья, который и ночью поет.

Но старую кукушку не радовало их пенье. Она совсем загрустила. Да и было отчего. Родина встретила ее неприветливо.

— О горихвостках позаботились...— с горечью подумала она.— А до меня никому дела нет!

Ведь пробраться сквозь крохотное отверстие в деревянный домик она — большая птица — не может! Как же быть? Куда она снесет яйцо?

Небо начало светлеть. Лес наполнился самыми разными птичьими голосами.

А кукушка поднялась, обиженно взмахнула крыльями и, не оглядываясь, улетела из родной рощи.

2

— Вот и хорошо! — сказали пионеры, когда узнали о ночном происшествии. Они обрадовались, что им удалось перехитрить кукушку. Теперь никто не будет обижать птенчиков, никто не будет их выбрасывать из гнезд.

Но еще больше, чем пионеры, радовались майские хрущи, долгоносики, пилильщики, бабочки-монашенки... Все те, на кого кукушка ежегодно охотилась.

Особенно ликовали волосатые гусеницы. Бабочки-монашенки, в которых превратятся эти гусеницы, прекрасны и безвредны. У них короткая жизнь, и они проводят ее, беспечно порхая. Но волосатые гусеницы их — страшные вредители деревьев, кустарников, трав. Они до того вредны, что, случается, губят целые сады и парки, если с ними никто не борется.

А кукушка их злейший враг. Вот они и обрадовались! И были очень благодарны пионерам.

Совсем иначе отнесся к случившемуся старый дуб. Это он рассказал пионерам, что кукушка обиделась и улетела. Наверное, насовсем... Он старался ее остановить. Шумел листьями. Кланялся ветвями. Звал ее. Но она не посмотрела в его сторону.

— Очень, очень печально, печально, печально...— прошелестел дуб, заканчивая свой рассказ.

Но пионеры не расслышали последних слов. Да если б и услышали, что могло измениться?

— Почему печально!? — спросили бы

они.— Наоборот! Все прекрасно! Мы охраняем природу. Вот какие мы...

Пионеры гордо зашагали под звуки своего барабана. А старый дуб молча склонил тяжелую зеленую голову.

Его друг — милая добрая кукушка — покинула его навсегда. Что теперь будет с ним! С его зелеными сочными листьями? Ведь ни одна птица, кроме кукушки, не поможет ему избавиться от прожорливых волосатых гусениц. Только кукушечий желудок справляется с этой колючей пищей.

А теперь? Не стало в лесу кукушки, эти маленькие ядовитые бестии набросятся на его крону и... что же будет?

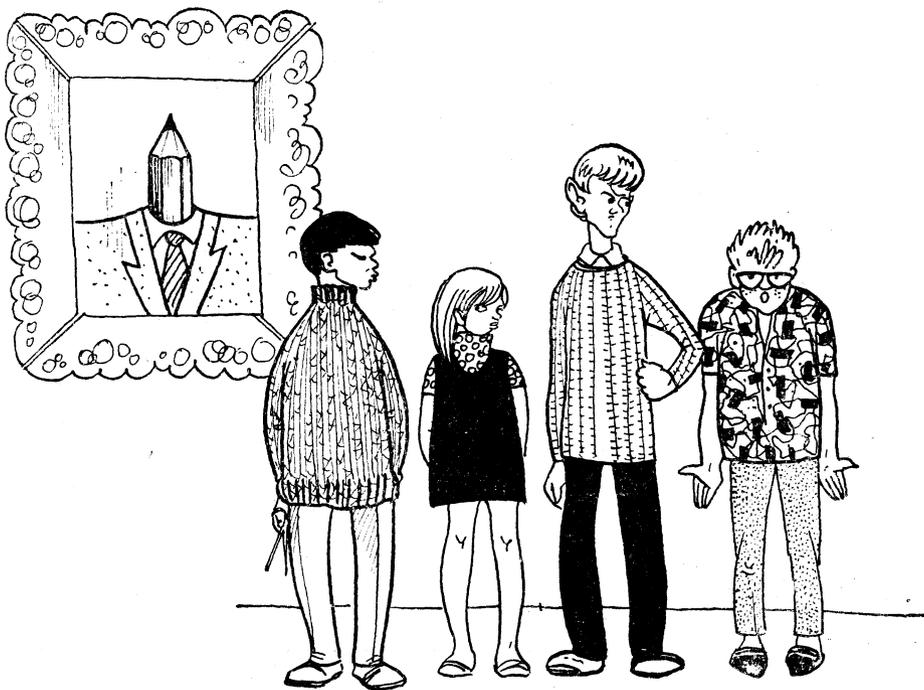
Конечно, если б пионеры знали, чем закончится их затея, они поступили бы иначе. Теперь же, придя через несколько месяцев в лес и увидев голый засохший ствол дуба без единого листочка, они не поняли, что произошло с деревом. А дуб уже был так тяжело болен, что ничего не мог объяснить.

3

Чтоб покончить с этой историей, надо рассказать о дальнейшей судьбе кукушки, которая оставила своего друга на съедение волосатым гусеницам. Она сама тяжело переживала разлуку. Но не долго. В соседнем парке, куда она улетела, тоже жил дуб. Она подружилась с ним. Старательно собирала с его листья злых гусениц. Но самое главное — в этом парке она нашла жилища для своих будущих птенцов.

Здесь тоже висели деревянные домики. В них также поселились разные птицы, в том числе горихвостки. Но некоторые домики имели широкие входы. Кто их прорубил? Может быть, дятел поработал клювом? А может быть, пионеры, охраняющие птиц этого парка, оказались предусмотрительнее? Они знали, что лесу нужны не только пеночки и горихвостки... Нужны и кукушки.

Впрочем, кукушка не очень-то склонна к размышлениям. Она не стала задумываться над тем, кто ей помог получить место для будущего птенца. Она просто влетела в гостеприимно раскрытый вход и среди голубых яиц, лежавших на дне, снесла и свое. Правда, чтоб скрыть свое маленькое преступление, ей пришлось проглотить одно из яиц горихвостки. Но что поделать! Так уж устроено в природе...

В ДУХЕ МОДЫ

Рудольф ШИПУЛИН

Есть идея! — решительно заявил Федька. — Давайте создадим музей при домоуправлении...

— Зачем? — спросил я.

— Как это зачем? — разом накинулись на меня Мишка и Зойка. — Сейчас везде создают... Мода!

— Ну, если мода, тогда, конечно... — согласился я.

— То-то! — многозначительно подмигнул Федька. — Какие будут конкретные предложения?

Конкретных предложений поступило несколько. И самое первое — мое.

— Вот наш сосед, — сообщил я, — шнурки от ботинок коллекционирует... Может быть, и нам что-нибудь этакое оригинальное собирать? Такое, чтоб никому еще в голову не приходило! Косточки от урюка, например. Или... Музей банных веников. Звучит?

Однако на меня снова набросились.

— Ты несерьезный и даже вредный человек! — принялась отчитывать меня Зойка. — Ты только тем и занимаешься, что вставляешь папки в колеса...

— А сама-то ты что предлагаешь? — перебил я ее.

— Я считаю, что мы должны создать не про-

сто музей, а литературный музей имени нашего замечательного писателя-земляка Сергея Алексеевича Захарова.

Зойку тут же поддержал Мишка:

— Правильно! Ведь он же в нашем городе живет.

А Федька минуту подумал и опять многозначительно кашлянул:

— С чего начнем?

— В первую очередь, — заторопилась Зойка, — надо сесть и написать письмо лично товарищу Захарову...

Мы сели и написали. Мы просили знаменитого писателя прислать для нашего музея все, что не жалко.

— Черновики рукописей, — подсказал Мишка.

— Фотографии, — напомнила Зойка.

— Носильные вещи, — брякнул я и добавил в свое оправдание. — А что? Чем не экспонаты? Я, например, взаправдашнюю трость Алексея Толстого видел.

Потом мы отправили второе письмо — матери Захарова. Потом — его родственникам и знакомым. А еще потом мы стали ждать результатов.

...Ровно через две недели наш музей был готов. На стенах домоуправления мы развесили

фотографии, страницы рукописей и даже несколько квитанций о своевременной уплате за квартиру.

Но центральное место среди экспонатов занимал крохотный отгрызок карандаша с рабочего стола писателя. За ним нам пришлось немало поохотиться. Три вечера мы дежурили возле подъезда писателя Захарова, подкарауливая его домработницу. Наконец она согласилась оказать нам помощь в создании музея и достала из кармана фартука обгрызанный карандаш.

— Сам Сергей Алексеевич писал. У нас их пропасть сколько!..

На открытие музея собрались чуть ли не все жильцы нашего двадцатиквартирного дома.

Самодельный оркестр грянул туш, и бронзовевшая от важности Зойка перерезала ножницами алую ленту.

Затем взял слово Федька.

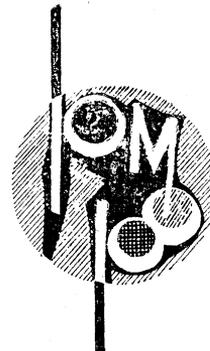
— Товарищи! — он, как полагается докладчику, кашлянул и с гордостью окинул взглядом

экспозицию. — Всем нам дорого творчество нашего славного писателя — земляка Сергея Захарова. Читатели уже давно полюбили такие его книги, как... такие, как... такие... — тут Федька сообразил, что увлекся и толкнул локтем Зойку.

— Такие, как... — пропищала Зойка и, не растерявшись, пихнула Мишку.

— Такие-растакые... — пробормотал тот и ткнул в бок меня.

А я раскрыл рот и, как утопающий, судорожно заглотнул воздух. Мне толкать было некого.

КОНТАКТ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ

Юрий НИКИТИН

Был поздний вечер, когда я попрощался с коллегами и спустился на Журавлевку.

Дремучая окраина... Одноэтажные домики лепятся друг к другу, и как-то странно видеть посредине булыжной мостовой трамвайные рельсы. Впрочем, улица узка, а потому по ней проложена лишь одна линия. Трамваи здесь ходят с солидными интервалами, подолгу простаивают на разъездах в ожидании встречного. Да и ходят ли они сейчас, вечером, вообще?! Не мудрствуя лукаво, я отправился пешком, благо до дому мне всего две остановки, хотя и журавлевски длинных.

Огромная пульсирующая звезда давно закатилась за горизонт и теперь освещала противоположную сторону нашей планеты. Здесь же, на Журавлевке, было темно: отцы города, по-видимому, включились в кампанию по сохранению электроэнергии. Приходилось тщательно всматриваться вперед. Вдруг споткнешься не о булыжник, а о спящего сфинкса? Это же — верная гибель. А что они здесь водятся — уж это точно. Вон, из-за кустов выглядывают снеки и свиссы, на деревьях сидят, приготовившись к прыжку, пудли, да и сами деревья как-то нелепо приседают, словно вот-вот сорвутся с места и сбросятся на меня...

Упругой походкой первопроходца я уверенно продвигался вперед. За заборами, колеблемые ветром, раскачивались триффиды. Это они, я знаю, хоть они и маскируются под подсолнухи. Меня триффиды провожают хмурыми взглядами, — явно сожалеют, что я держусь вне пределов досягаемости. Но я знаю длину их жал и благоразумно сохраняю дистанцию.

По небу, притворяясь безобидными облаками, плывут летающие блюдца, и чье-то гигантское лицо с высоким лбом и бездонными глазами, в которых светится бесконечная мудрость, внимательно всматривается в ночной город...

Откуда-то выскочила собака. Обнюхала мои ноги, потом отбежала к забору и деловито подняла заднюю лапу.

— Брось, — сказал я. — Так я и поверил, что ты собака!

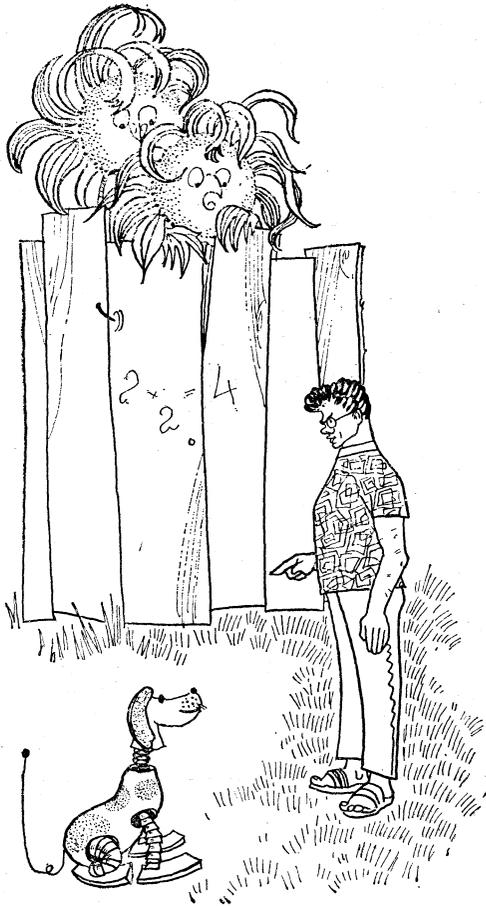
Собака внимательно посмотрела на меня, улыбнулась и побежала дальше. Что ж, беги...

А вот — люди. Оказывается, не только я бодрствую в это позднее для Журавлевки время... На траве, отбросив в сторону пустую бутылку из-под «Столичной», расположились трое мужчин. Один из них что-то горячо доказывает, размахивая руками, второй дремлет, а третий — я уверен, что это Пришелец, жадно впитывающий в себя информацию о нашей планете.

Я попытался подняться в воздух и по кратчайшей прямой пролететь к своему дому, но что-то не получилось. Не смог сосредоточиться, что ли? Впрочем, с левитацией у меня и раньше было плохо. Ничего удивительного, если это не удастся даже Вите Новикову, который назубок знает Упанишады и всего Шивонанду, а в левитации тренируется, между прочим, каждый день.

На тротуаре возле почты были начерчены мелом классы и непонятные символы, которыми, очевидно, Пришельцы обмениваются со своим резидентом. Я нацарапал рядом: $2 \times 2 = 4$ и теорему Пифагора. Ведь именно так должен начинаться Первый Контакт.

Странные знаки были нарисованы и на со-

седнем заборе. Я попробовал добавить к ним теорему Ферма, но с той стороны на забор с отчаянным лаем кинулась собака, которая, возможно, была вовсе не собакой, а биологическим роботом Пришельцев, охранявшим их записи.

— Молодой человек! — раздался за моей спиной металлический голос. — Не пора ли спать? Может, вас проводить? Вырезвитель тут рядом, в бане с обратной стороны.

Сзади стоял Пришелец, одетый в милицейскую форму. Ноздри его расширились, жадно улавливая и мгновенно анализируя мое дыхание.

— О нет, туда не надо, — тонко улыбнулся я. — А вот если в отдел по Галактическим Кон-

тактам, то я готов. Ведь, адсорбируя и абсорбируя информацию и экстраполируя достижения человечества в будущее, разве вы не пришли к мысли о неизбежности встречи наших цивилизаций?

Пришелец сделал вид, что ошарашен.

— Вы, наверное, физик?

— Физик, — подтвердил я. — А вы хороший ольфактроник. Определить по запаху профессию!..

— Идите домой, — сердито сказал Пришелец.

— Значит, вы считаете, что время Контакта не наступило, — с сожалением сказал я. — Ну, что ж...

Я помахал ему рукой и двинулся дальше, а Пришелец внимательно всматривался в мою походку, и на лице его ясно читались противоречивые желания: он боролся с могучим соблазном вступить со мною в Контакт. Я уже хотел было вернуться и помочь ему преодолеть сомнения, но подумал, что вдруг осторожность возьмет в нем верх и он, не желая выдавать свое инопланетное происхождение, вынужден будет отвести меня не к мудрым Сапиенсам, а в это самое... в баню с обратной стороны.

Но вот, наконец, и мой дом. Перед ним — трансформаторная будка, откуда по ночам нередко доносятся непонятная возня и ляг. Вероятно, роботы Пришельцев приноровились заправляться в ней энергией... Сейчас возле будки на длинной веревке паслась коза. Она глянула на меня человеческим глазом и ухмыльнулась.

— И ты тоже, — сказал я горько, — не признаешься...

Коза отрицательно мотнула головой.

— Но разве мы такие уж дикари? Разве мы не следуем идеалам гуманности и справедливости?

Коза мотнула головой утвердительно.

— А я сразу догадался, кто ты...

Коза презрительно фыркнула.

— Но когда же, когда, наконец, вы решите, что время Контакта пришло? — с надеждой в голосе спросил я.

Коза сделала вид, что ее данный вопрос не интересует.

— Ну и нализался же ты, парень!.. — откуда-то сбоку, должно быть, из параллельного мира или сгустка времени, вынырнул сморщенный старикашка. — А я слышу во дворе — с козой кто-то разговаривает...

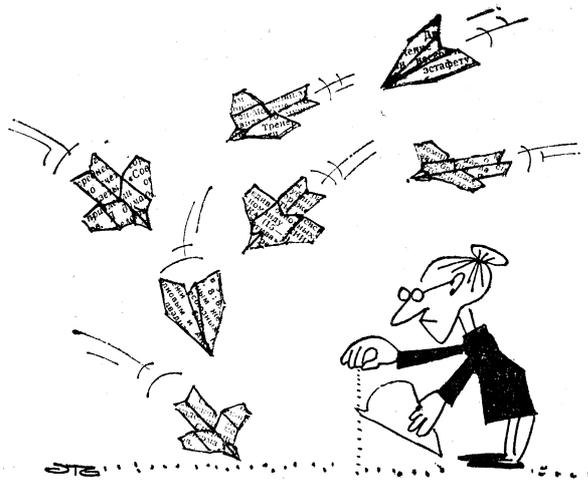
— Я не пью, — сказал я сердито. — А что насчет козы, то знаем, какая это коза. Да и вы тоже... А иду я с собрания любителей фантастики...

Рисунки Е. Стерлиговой

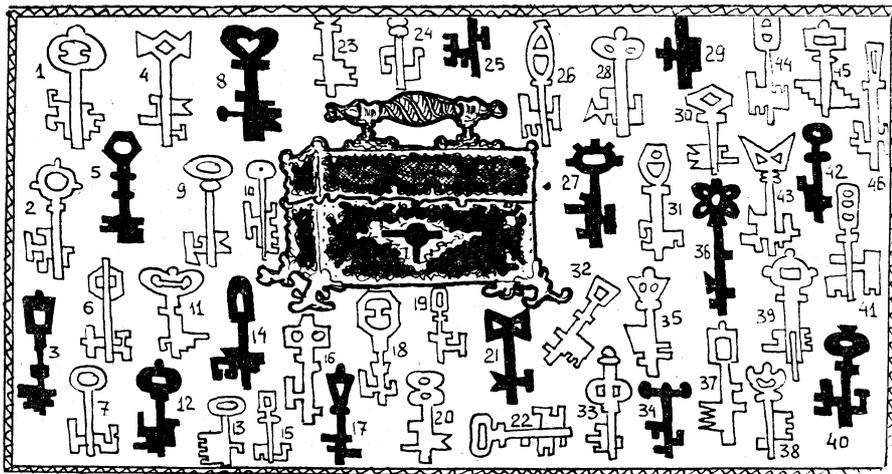
Убедительная лекция.

Без слов...

Рисунки В. РАЗНИКА и О. ТЕСЛЕРА

С М Е К А Й - К А !

А лерчик просто открывался.
Каким ключом?

Рисунок В. СЕМЕНОВА

ОТВЕТ НА РИСУНОК-ЗАГАДКУ В № 9

Инициалы «О+П» и сердце вырезал кто-то из лирической поры (1, 2), так как остальные такие же рисунки помечены минувшими годами.

Надпись «Юра» принадлежит молодому человеку, помеченному цифрой 3. Он так и не дописал свое имя, свалившись с дерева. Неоспоримая улика — порванные брюки.

Надпись «Маша Котова. 68 г.» принадлежит особе, 4, отдыхающей под деревом. Выдают ее инициалы на сумке.

«Г. М-а» — эту надпись оставила особа, помеченная на рисунке цифрой 5. Других неопознанных фамилий с женскими окончаниями на дереве нет.

Художник 6 скорее всего начертил свой инициал краской на камне.

Участники пикника 7 и 8, судя по внешности, — братья. Значит, им и принадлежит надпись «Петя, Миша Н.»

Остается один охотник за бабочками. Он ничего не писал.

В НОМЕРЕ:

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

В 1969 ГОДУ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

ПОЭТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ

А. Еранцев

36

РАССКАЗЫ-МИНИАТЮРЫ

В. Кобельков, В. Баталов

68

ДАНИЛА

Л. Фомин

71

СКАЗ О КУКУШКЕ И СТАРОМ ДУБЕ

Б. Дижур

72

О ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ

ВОЛОДЯ СОЛНЫШКО

И. Ермаков

1

ЗАВТРА ИДЕМ В АТАКУ

А. Медников

2

ОБЫЧНАЯ БИОГРАФИЯ

А. Ведяков

6

317 НЕИЗВЕСТНЫХ

П. Стефановский. Записки летчика-испытателя

13

КРАЕВЕДЕНИЕ

УНИКАЛЬНОЕ СООРУЖЕНИЕ

В. Головки

35

СЪЕМКА ПОД ОГНЕМ

В. Альтов

35

ГОРЬКИЙ — РАБКОРУ

В. Морозов

44

РТИЩЕВО — АРЗАМАС — САРАТОВКА

М. Шушарин

44

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

ПО СЛЕДАМ ПОДВИГОВ

Информация

10

У ОРЛИНЫХ ВЫСОТ

Л. Суховей. На приз нашего журнала

38

НА ПИК КОМСОМОЛА

В. Богацкий

42

ДОРОГАМИ ПОИСКА

РАЗНОЛИКИЕ ЯЗЫКИ

В. Житников

46

ПОЮЩАЯ РАДУГА

Булат Галеев

49

МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА

«УТЕЧКА ИНФОРМАЦИИ»

В. Иванов

48

ПРЫГНУТЬ ВЫШЕ СЕБЯ...

И. Россохватский. Повесть

56

ЮМОР

В ДУХЕ МОДЫ

Р. Шипулин

76

КОНТАКТ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ

Ю. Никитин

77

ОБЛОЖКА В. НОВИЧЕНКО

Странствия сэра Эдварда и сэра Джошуа в поисках Святого Грааля

...Помятый рыцарь утер кулаком нос и отвечал:

— Прекрасные сэры, стоит перед вами сэр Пертиполь, и замка у меня уж третий день как нет, бреду я один в грязи и крови, так как конь мой съеден, а жизнь моя разбита без всякой надежды на поправку.

— Да кто виной ужасным сим злодействам! — вскричали, оба возмущаясь, сэр Эдвард и друг его сэр Джошуа.

В ответ несчастный сэр Пертиполь стал в позу и заговорил с великим гневом:

— Дракон проклятый виной всему, что сделалось со мной! Отнял он у меня наследственный мой замок, сожрал коня, меня согнал с насиженного места и гонится за мною по пятам, грозясь поймать и в землю вбить по уши...

— По уши много будет, — подумал вслух сэр Эдвард. — Да и с нами не просто совладать, не правда ли!

Сэр Джошуа вмешался:

— Пусть господь сам защитой нашей будет... А скорости проклятого дракона не знаете ль вы часом, добрый рыцарь!

— За час он делает по двадцать лье, — ответил сэр Пертиполь.

— Произведя деление, мы вычислим, когда он будет здесь. Но много ли пути до замка вашего, сэр Пертиполь!

— Вот здесь я затруднюсь, все лье ведь так похоже, да и налазят друг на дружку иногда...

— Не будем мешкать! — закричал сэр Эдвард. — Дракон уж близко! Видите — бежит...

Фантастический рассказ Вл. Семернина о необыкновенных приключениях достославных рыцарей мы опубликуем в одном из номеров будущего года.

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова.

Корректор В. Бурангулова

Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефон Д1-22-40.

Средне-Уральское Книжное Издательство.

НС 13221 Подписано к печати 13/IX 1968 г. Бумага 84×108/16. = 2,62 бум. л. — 8,82 печ. л. 11,16 уч.-изд. л.
Тираж 115 000. Цена 30 коп. Заказ 478.

Типография издательства «Уральский рабочий». Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

ПРИЕДУ В ГОСТИ ЗПТ

ЖДУ ПРИГЛАШЕНИЙ ТЧК

ВЕЗУ С СОБОЙ

ЧЕМОДАН ПРИКЛЮЧЕНИЙ ТЧК

Сураьский Следопыт

Е. БОГДАНОВ
ЛОЦМАН

Г. ГУРЕВИЧ
ИСУ И ЕСУ
фантастика

В. СЕМЕРНИН
СТРАНСТВИЯ СЭРА ЭДВАРДА
И СЭРА ДЖОШУА В ПОИСКАХ
СВЯТОГО ГРААЛЯ

Н. ГУРВИЧ
ДВЕ СУДЬБЫ

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ НА 1969 ГОД ПРИНИМАЕТСЯ ПОВСЕМЕСТНО
БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ.

НАШ ИНДЕКС В КАТАЛОГЕ „СОЮЗПЕЧАТИ“ — 73413.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — 3 руб. 60 коп.

М. ДИСТЕРГЕФТ

ПАМЯТНИК В. И. ЛЕНИНУ В Н. ТАГИЛЕ

30 коп

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ

**Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, А. БОГАЧЕВ
(зам. главного редактора), М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕО-
НОВА, А. МАЛАХОВ, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНСВ, Л. РУМЯН-
ЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), Ю. ХАЗАНОВИЧ,
В. ШУСТОВ**